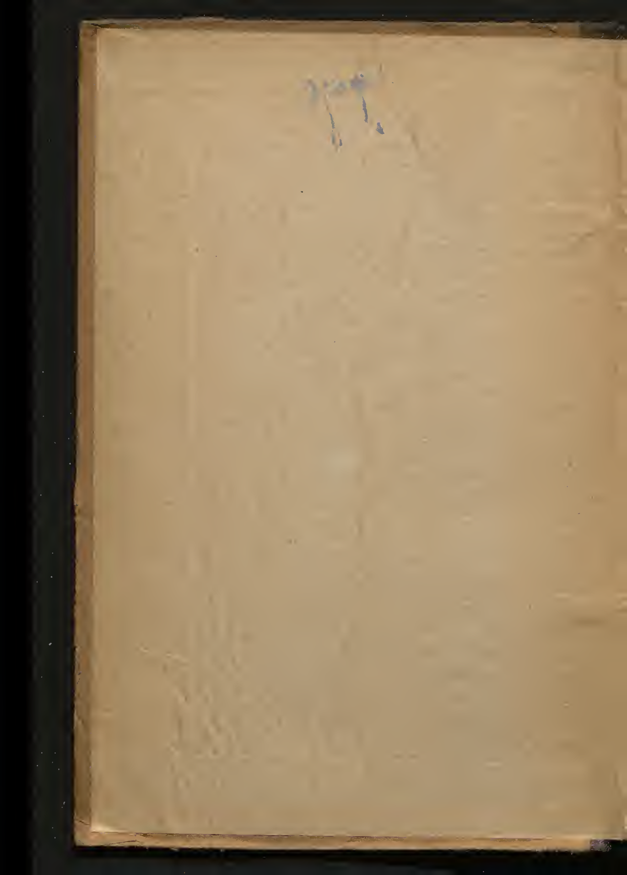
МОСКВА В ОКТЯБРЕ 1917 г.

Отдел Издательства и Книжной Торговли
Моск. Сов. Р. и Кр. Деп.
МОСКВА.
1919 г.



Н. Ленин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКВА В ОКТЯБРЕ.

Иллюстрированный сборник заметок, воспоминаний участников движения со вступительной статьей и под редакцией
Н. ОВСЯННИКОВА.

Отдел Печати Московского Совета Р. и К. Д.
МОСКВА.
1919.

10-я Государственная Типография.

Большинство помещенных статей первоначально были напечатаны в Московских газетах: „Социал-Демократе“ и „Деревенской Правде“ за 1917 год и в „Известиях В. Ц. И. К.“, „Вечерних Известиях М. С. Р. и К. Д“ и журнале „Творчество“ за 1918 год. Статьи И. Скворцова, П. Виноградской, Фельдмана и Буравцева появляются в печати впервые. Часть клише помещенных здесь портретов предоставлена для настоящего сборника редакцией „Вечерних Известий М. С. Р. и К. Д.“.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Переживаемая нами революция—не первая в мире. Революционный период в Европе начался в конце 18-го столетия. Волна революции прошла с запада на восток, охватывая один народ за другим. Но ни одна революция не дошла до конца и не удержала своих завоеваний. Только Великая Русская революция прошла все стадии развития, последовательно перенося политическую власть из рук высших классов в руки низших, пока не закрепила ее окончательно за пролетариатом. В этом ее отличие от всех других, отличие, дающее ей право именоваться Великой.

Французская революция не дошла до своего конца. Она сокрушила господство земельной аристократии, она вырвала власть у крупной буржуазии, она передала ее мелкой. Но вершина, которой она достигла, это только—Робеспьер, на закате дней своих вступивший в безумную борьбу с крайней левой, с парижской коммуной, с гебертистами и санкюлотами. Этим он подписал смертный приговор себе и революции и подготовил пьедестал для трона Наполеона. Французское крестьянство освободилось от всех крепостных повинностей, но оно не получило земли. Феодальные земли даже не были конфискованы у по-

мещиков и аристократов, а лишь у тех из них, которые эмигрировали и предали родину. Эти земли не были переданы беднейшему или среднему крестьянству. Они распродавались по хорошей цене деревенским кулакам и буржуа. Народные низы получили только политическую свободу (пролетариат — только полусвободу), но не получили ни экономического освобождения, ни экономического облегчения. Поэтому Наполеону было так легко воздвигнуть трон, когда разочарованные массы перестали поддерживать революцию.

Революция 1848 года не пошла дальше передачи власти промышленной и финансовой буржуазии. Восставший в июльские дни голодный пролетариат был еще слишком слаб, чтобы победить, а тем более удержать власть. Внуки санкюлотов, осознавшие себя, как класс, были без труда усмирены свинцом на Парижской мостовой. Массы вновь отшатнулись от революции. Они увидели, что революция только для богатых, а не для пролетариев. Чтобы воспользоваться ее плодами, необходимо иметь собственнический ценз, необходимо быть буржуа. Они остались глухи и немы, когда верхи финансовой буржуазии посадили на трон Луи Бонапарта и когда парижские демократы тщетно пытались поднять их на борьбу.

То же было в Германии и Австрии в 1848 году. Наученная опытом буржуазия, при первых проблесках самостоятельного пролетарского движения, переметнулась на сторону дворянства и предпочла Габсбургов и десятки немецких князей освобождению народных масс. Революция с быстротой смены театральной декорации превратилась в контр-революцию.

Опыт полуторавековой революционной борьбы в Европе неопровержимо доказывает, что революция

до сих пор неизбежно сменялась контр-революцией. Любители истории, даже из марксистского лагеря, сделали это положение неизменным законом. Маятник, отведенный в сторону, всегда возвращается к исходной точке и только через некоторый период времени вновь идет влево. Но эти господа рассматривают Францию 18-го века и Россию или Европу 20-го, как нечто неизменное и постоянное. Они забыли, что в 1793 году были только санкюлоты, что в 1848 году они уже стали пролетариями, а в 1871— гордыми, предпочитающими рабству смерть, коммунарами. Они забыли, что стоит маятник довести до конца,—до высшей точки,—и он уже возвратится обратно не с правой, а с левой стороны. Количество переходит в качество. Достаточно сильное качание превращается в круговое движение, лишенное реакции и имеющее лишь поступательный ход.

В 1871 году в красном Париже победили коммунары. Если бы Париж был самодовлеющим городом, вне воздействия окружающей среды, власть пролетариата удержалась бы, так как не было почвы для внутренней реакции. Парижское население не могло разочароваться в Коммуне, ибо Коммуна была самим парижским населением. Париж свалила внешняя механическая сила. Отсталая провинция и деревня сразили Коммуну.

Русская революция дошла до конца. В городах она передала власть эксплоатируемому классу, лишенному собственности пролетариату, в деревне— крестьянской бедноте, бывшей до того под самым тяжелым гнетом, но никого не эксплоатировавшей. Советская власть—это власть лишенных собственности, власть не пользовавшихся наемным трудом, и потому врагов всякой эксплоатации. Русская рево-

люция дала массам все, что находится в пределах физической возможности. Она уравняла политически и экономически эксплоататоров и эксплоатируемых, более того, она вторых поставила выше первых. Продовольственный карточный паек может послужить хорошим символом пролетарской революции, которая распределила все блага земные обратно пропорционально тому, как они распределялись до сих пор. Революция дала массе все, что было и имела страна. Если она не дала еще городам достаточно хлеба, то только потому, что его нет, а нет его потому, что революция пришла слишком поздно, только после четырех лет истребительной и кровопролитной войны.

Русский народ с гордостью может заявить перед лицом всего человечества, что в Советской России нет эксплоатации человека человеком, той эксплоатации, которая продолжает существовать во всем мире.

Сделать в России контр-революцию—это значит возобновить эксплоатацию масс. Заставить же массы добровольно надеть ярмо — явно абсурдная задача. Обмануть народ, как обманывали его до сих пор, невозможно, потому что у нас налицо впервые в мире действительная свобода печати и собраний, ибо типографии и залы перешли в руки трудящихся. Бессильная численно и нравственно кучка тунеядцев и прежних эксплоататоров, конечно, не одолеет народных масс, проснувшихся к жизни и счастью. Сделать это может только внешняя, чуждая революции, механическая сила. Но ее нет. Поэтому тщетны все надежды животрепещущих буржуа сначала на германскую, а затем на союзную помощь.

Австрия уже горит в огне революции. Пролетариат спешным шагом там идет к власти. Там уже на-

чался октябрь. Германию пожирают огни революционного пламени. Там близится последняя победа. Это—русские искры разлетелись повсюду и зажгли пожар. Во всех странах слишком много горючего материала, и массы жаждут своего освобождения. Скоро займется Италия и Франция. Старый капиталистический мир горит, и нет той пожарной команды, которая смогла бы затушить его развалины.

Русская революция осуществила все желания народа. Она смела полицейские рогатки царизма и буржуазии. Она передала крестьянам землю. Она освободила деревенскую бедноту от кулаков. Она дала рабочим восьмичасовой рабочий день, высокую плату, хорошее жилище и классовый паек. Она прекратила империалистическую войну. Она смела господство капитала и воздвигла храм труда. Она заставила работать всех тунеядцев. Она уничтожила власть полицейских, офицеров, чиновников, попов и лавочников. Она национализировала фабрики, заводы, банки и почти всю торговлю. Она освободила народ от платежа процентов иностранным и отечественным капиталистам.

Сделать контр-революцию в России—это значит вернуть урядников, городовых, чиновников, офицеров и попов; возвратить фабрики капиталистам, ввести двенадцатичасовой день, уничтожить рабочее страхование и водворить власть кнута на заводах. Это значит—отнять землю у крестьян, отдать деревенскую бедноту на разорение кулакам, отнять скот и инвентарь у земледельцев. Это значит—заставить массы половину своего заработка отдавать банкирам в качестве процентов по военным займам. Это значит—выгнать рабочих из университета, их детей из средней школы, а рабочие семьи

из благоустроенных квартир. Это значит— наложить вновь иго на освобожденные народы России. Это значит—вытравить из памяти народной год жизни и мысли. Проделать все это требуется не над какой-нибудь Бельгией или Сербией, а над необъятной Россией со стопятидесятимиллионным населением, с той Россией, к которой с любовью и завистью стремятся эксплоатируемые массы всего мира.

Силы, способной сделать все это, нет и не будет.

Вот почему в России невозможна контр-революция. Революция здесь дошла до конца. Она освободила не верхи общества, как было это до сих пор, а освободила *весь народ от всех цепей.*

За революцией, остановившейся на полпути, неизбежно следует контр-революция.

Революция, дошедшая до конца, не боится контр-революции. Она невозможна. Пусть поймут это скорее и смирятся контр-революционеры. Пусть поймут и опомнятся горе-марксисты — меньшевики, все еще живущие преданиями девятнадцатого века.

Великое счастье и честь выпали на долю нашему поколению, которое живет в величайший момент истории человечества. Наши потомки будут нам завидовать.

Н. Овсянников.

Накануне

Быть может, дни предшествовавшие Октябрьской революции, дни напряженного ожидания бури, которая вот-вот должна разразиться, во многих отношениях интереснее самого момента борьбы. После Корниловской авантюры, в Москве чувствовалось нарастание революционного настроения в массах. Уже в сентябре, во время пресловутого Государственного Совещания, пролетариат отвечал на него всеобщей забастовкой. Московский Совет Рабочих Депутатов, все еще бывший в руках меньшевиков и эс-еров, усиленно призывал массы к спокойствию и повиновению вождям. Но московские рабочие пошли не за соглашательским Советом, а за большевистским Бюро Профессиональных Союзов, которое призвало их к демонстративной забастовке. Все усилия Совета и Городской Думы предотвратить ее не привели ни к чему.

Корниловщина послужила последним толчком, двинувшим массы на революцию. Въ этот момент фактически пролетариатом управлял не Совет, а Московский Комитет Российской Коммунистической Партии. Та тактика, которую выберут рабочие, зависела всецело от Комитета и его руководящих работниковъ

Помню где-то наверху, на третьем этаже старого генерал-губернаторского дома (Совет) в проходной комнате без мебели происходило собрание руководящего коллектива большевиков. Собралось человек 50—60. Стояли, сидели на полу. Боролись две противоположных точки зрения. Осинский, В. М. Смирнов и Бухарин настаивали на необходимости, в целях организации отпора Корнилову, призвать пролетариат к немедленному захвату власти. Ногин, Скворцов, пишущий эти строки и ряд других, опасаясь раскола революционных сил перед лицом надвигающихся контр-революционных отрядов, требовали координации всех революционных (в тот момент, конечно) сил, способных противостать корниловцам. Двумя, тремя голосами прошло последнее решение и решительный час борьбы был отсрочен. Это происходило в сентябре.

Уже через неделю вновь почувствовалась гроза. Массы полевели, получив жестокий урок. Их воспитал Корниловский мятеж. На митингах, собраниях, в трамвае—всюду чувствовалось, что рабочие и солдаты не могут больше ждать. Между тем, из Петербурга не было ясных директив. Имелись только сведения, что Центральный Комитет партии отверг предположение Ленина организовать восстание и в виде компромисса принял решение *«держать курс на восстание»*.

Что значило «держать курс»? Когда и как можно было ожидать восстания? Организовывать ли его и как?—Все это вопросы, на которые не было от Центрального Комитета никакого ответа. Питерские «Правды» (они каждый день меняли названия) помещали статьи все еще принужденного скрываться Владимира Ильича о восстании под дипломатическими

заглавиями: «Пугают гражданской войной». Московский «Социал-Демократ» необычайно талантливо подготовлял умы, эксплоатируя опыт Корниловского мятежа, участие в нем англичан, сдачу Риги и пр., за что и был привлечен в лице В. И. Соловьева к суду Палаты. К великому ужасу судебного ведомства, М. К. рѣшил предстоящий процесс превратить в демонстрацию, и потребовал вызова в качестве свидетелей, Керенского, Бьюкенена, Рябцова и пр. К великой досаде Соловьева и его защитников, октябрьская революция сорвала судебное разбирательство, которое обещало победу редакции «Социал-Демократа».

Были разговоры, но не было дела. Была агитация, но не было организации. Цекистский «курс на восстание» выразился только в том, что большевистская фракция Предпарламента во главе с Троцким, покинула его в полном составе. Рядовыми работниками чувствовалось, что масса рвется в бой, но вожди не решаются отдать последний приказ.

Помню, какъ однажды утром, зайдя в редакцию «Социал-Демократа», в то время ютившуюся в нетопленном «Дрездене», я узнал от Осинского, что Владимир Ильич обратился через голову Ц. К. к Петербургскому и Московскому комитетам партии, призывая немедленно начать революцию, не дожидаясь с'езда Советов. Ленин в своем письме, подписанном «Н. Л.», говорил, что Московские выборы в районные Думы и то возбуждение, которое царит в пролетариате после Корниловщины, гарантируют нам победу. Мятеж в германском флоте обязывает нас быть деятельными. Если Ц. К. и даже П. К. не возьмут на себя ответственности, то инициативу должна взять Москва и тогда Петербургская орга-

низация станет перед фактом и должна будет поддержать начатое. После краткой беседы решено было созвать частное совещание руководящих партийных работниковъ. Оно состоялось в этот же день в квартире одного товарища. Было человек двенадцать. Хорошо помню Варвару Николаевну Яковлеву, Ярославского, Бухарина, Осинского, В. М. Смирнова, Смидовича, Владимирского и Рыкова. Ногина не успели известить. Присутствовали так называемые «левые» и «правые»...

После небольших речей все, кроме Рыкова, согласились с письмом Владимира Ильича и было решено оказать самое энергичное давление на М. К. Из доклада Ярославского, в то время руководителя военной организации, выяснилось, что огромное большинство солдат на стороне пролетариата. Единственной помехой революции казался Совет Солдатских Депутатовъ, захваченный эс-ерами. Поэтому решено было ускорить его перевыборы. Участники совещания разошлись только в лозунгах и средствах, посредством которых следовало сдвинуть массы. Предполагались: демонстрация, забастовка, «декретная кампания», борьба за разрешение жилищного вопроса и пр. Так составился в Москве «заговор в заговоре».

Однако, в первом же своем заседании комитет партии стал на сторону заговорщиков и постановил созвать для окончательного решения общегородскую конференцию. Она состоялась в большой аудитории Политехнического музея. Первым докладчиком выступил тов. Семашко о 3-й Циммервальдской конференции. Вторым и третьим — Осинский и В М. Смирнов, которые целым рядом цифр и статистических справок доказывал, что если власть не перейдет в руки пролетариата, который только один мо-

жет прекратить войну, Россия будет разорена, не хватит топлива и хлеба, станут железные дороги фабрики и пр. Доклады носили строго научный, вернее, даже академический характер. Казалось, что здесь не массовое собрание революционеров, замышляющих величайший в мире переворот, но очередное заседание ученого общества. Аудитория, состоявшая наполовину из представителей военной организации. была в высшей степени сдержанна и даже казалась равнодушной. Пишущий эти строки с ужасом думал, что все погибло и верхи оторвались даже от организованной массы.

Желающих высказаться или возражать не оказалось. Когда дело дошло до голосования, поднялся целый лес рук. Воздержавшихся или голосовавших против не было. Конференция единогласно вотировала восстание. Спокойствие и самообладание были поразительны. Настроение можно было об'яснить двояко: или никто не верит в революцию и голосуют за нее только потому, что не считают нужным спорить, или же для каждого это давно и бесповоротно решенный вопрос, и голосование—это только деловой акт.

4 декабря 1905 г. мне пришлось быть на такой же конференции М. К. в Техническом училище, когда решался вопрос о вооруженном восстании. Там долго и ожесточенно спорили. После решения были торжественные речи. Была прекрасная вдохновенная речь Станислава, благославлявшая на подвиг и борьбу. Здесь... здесь же царили спокойствие и холодность. Что это равнодушие или твердая, бесповоротная решимость?

Заседание закрыто. Собрание поет Интернационал. Интернационал поют теперь часто но и ни разу

не слышал такого Интернационала. Я смотрел на эти преображенные лица, на горящие глаза пролетариев, на хмурые брови солдат, и я понял. Я понял, что значило это спокойствие и равнодушие. Я понял, что все семьсот выбранных партийными ячейками на конференцию или добьются победы, или погибнут. Я понял, что с ними пойдут все организации и весь пролетариат и солдаты.

В ту ночь Интернационал еще долго звучал на улицах Москвы, пугая запоздавших прохожих. Это конференты расходились по домам.

Через неделю по городу уже свистели пули и рвались гранаты... Через две—пролетариат победил. Через год—революция захватила половину Европы. Еще через год—она победит на всем земном шаре.

Н. Норов.

„Двинцы“.

5 августа 1917 года, я только что приехал из Москвы и, привезя с собою, по поручению 479 пех. полка, в комитете которого я был председателем, литературы, распространив ее по районам и командам, начал создавать партийные ячейки.

Давно уже я был на подозрении не только у командира полка, но и у комиссара 5 армии Ходорова и у командующего армией генерала Долгополова, неоднократно от которых были присылаемы телеграммы с приказом меня арестовать, но так как я занимал ответственный пост, то боялись возбуждать товарищей-солдат. И вот, мне предложили явиться в Чрезвычайную Комиссию для реабилитации своей деятельности, как большевика.

Явившись в комиссию, я сейчас же был арестован, без всяких ко мне пред'явленных обвинений. Я вместе с т. Летуновым-Политовым был брошен в Двинскую военную тюрьму. Как уже известно, в то время была диктатура Керенского. Тюрьма была переполнена большевиками: арестовывали всех, за кем что-либо „числилось“ большевистского и поодиночке, и группами, и целыми полками, при помощи броневиков и кавалерийских частей, преданных Керенскому, а также баталионов смерти.

Придя в камеру, я сейчас же встретил много товарищей по духу и работе, которая в то время стояла перед нами. Познакомившись с несколькими товарищами выяснилось, что все арестованные—или члены, или председатели полковых и ротных комитетов, а также много было участников Всероссийского С'езда Советов и армейских с'ездов. Обратив на себя сразу внимание, я стал служить центром всей тюрьмы и уже через пять-шесть дней стали присылать записки к нам в камеру № 4 с тем, чтобы устроить голодовку и добиться открытия камер и свободной прогулки по всей тюрьме.

Но голодовки не надо было делать, так как режим Керенского все же был очень слаб, и мы по первому требованию стали ходить свободно по всей тюрьме. Длинные дни и вечера у нас проходили в большом коридоре, или в большой камере человек по 200—300, в чтении и беседах, читали лекции, устраивали собеседования, даже литературные вечера и декламации.

Караульные солдаты, которых нам присылали, охотно шли к нам навстречу, и говорили, что все равно, скоро будет восстание: „скоро Керенского убьют“,—и вечерами они всегда с нами слушали наши речи и говорили: „вот где настоящие-то сидят... ну чорт, Керенский, погоди“. Даже однажды хотели нас всех выпустить и с нами вместе итти на фронт, агитировать за военную забастовку. Но, конечно, мы их уговорили, ибо выдержка была необходима, чтобы сорганизоваться.

И теперь, в дни торжественного праздника октябрьской революции, хочется искренно рассказать, вспомнить лучшее, что было пережито нами в тюрьме в этот месяц—предвестник пролетарской революции

Стала нам надоедать тюремная жизнь и написали мы в Москву в газету „Социал-Демократ", как мы, арестованные произволом Керенского, томились в тюрьме. Скоро наша резолюция была напечатана, и весь пролетариат России, а может быть и всего мира узнал, как с помощью броневиков на фронте, арестовывают целые полки и их комитеты и, бросив в тюрьму, издеваются над ними. Но пролетариат не умеет унывать, ему это несвойственно, и при разных обстоятельствах свободные умы умеют скрасить свою жизнь...

Знаешь что, товарищ, говорю однажды часовому, охраняющему нас, вот что: получай 20 рублей и принеси нам сюда красного полотна 10 арш., да золотой краски захвати, понимаешь... Конечно, он понимает, и на следующий день у нас появилось полотно, и пошла работа, художники — свои же товарищи. Через день уже красуется знамя: золотыми яркими причудливыми буквами: *„да здравствует III Интернационал"* и лекция на тему: „Пролетарская революция и империалистическая война в Европе" проходит вокруг этого знамени. На следующий день еще готово знамя: „Мир хижинам, война дворцам", вдруг из третьего этажа приносят знамя: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь". Радостно сердце бьется, у всех ярко горят глаза, пылая жаждою борьбы.

Собираемся в самую большую камеру, человек на 500—600, устраиваем митинг, поем Интернационал... Да здравствует пролетарская революция, долой соглашателей — удивляются стены, слыша раздолье заключенных революционеров, содрогаясь от милых звуков, мрачно смотрят они; но еще более охватывает энтузиазм заключенных и кажется, что все разбито, нет преград...

Вот приходит начальник тюрьмы и хочет поговорить с делегацией от заключенных, почему у нас сегодня такое возбужденное состояние. Еще громче раздается Интернационал, и около тюрьмы много народа махают платками, некоторые родственники утирают слезы и слышатся сочувственные речи.

Ночь подходит... разошлись по камерам... начинаются групповыя собеседования.

И так день за днем ширится сознание, загорается месть, жажда борьбы.

30 августа, утром, к нам в тюрьму приходит член Исполнительного Комитета 5-й армии Зайцев, да будет позорно занесено его имя вместе с именами Керенских и его жандармов —Ходорова и Долгополова на скрижали истории, проклятье их продажным душам, и, гордо себя держа, заявляет: «пришло предписание перевести вас вглубь России». Услышав эти слова, запрыгала душа у всех нас: вот хорошо, думаем, уж там-то мы обязательно освободимся и поможем. Хорошо бы пробраться в Москву... Стали готовиться... Некоторые говорят: не надо нам ехать, товарищи, нас там перестреляют, как собак, но большинство держится другой тактики и хочет ехать во что бы то ни стало.

1 сентября 1917 года, под усиленным конвоем, (почти 2 полка вышли провожать со штыками, расставлены пулеметы, 1 броневик) садимся в поезд, 860 человек сели, нас закупорили и никуда никого не пускают, вот, думали, попали в переплет. Простояв не пивши и не евши 6 часов, наконец, двинулись по направлению к Витебску.

8 час. утра, мелькают деревни, вот подходит станция, народу порядочно, выкидывают флаги и по сигналу на вагонах, хотя больше двери за-

перты, в маленькие окна развеваются наши знамена; льются речи, крики «ура», навертываются слезы у проходящих рабочих...: «ура, ура». Но вот газеты... Читаем... Корниловым отдано распоряжение... Телеграмма Корнилова... Что такое, в чем дело? А вот в чем дело... И дальше оказалось то, что мы называли корниловскими днями... Говорят, что нас повезут в Могилев и там вооружат против кого и сами не знают, но мы знаем, что делать, передаем записки из вагона в вагон и через некоторое время готово требование везти во что бы то ни стало в Москву. Кавалерийский отряд, конвоирующий нас, складывает винтовки и дает нам свободу... Митинг... Здраво обсудив, как надо поступить, решили во что бы то ни стало добраться до Москвы.

Караульное «начальство», «следственные власти» струсили и присмирели, но мы уже послали московским товарищам телеграмму и предупредили, ответа не получили; вероятно, задержали.

К вечеру приехали на Витебск; дорогой пение Интернационала, все хорошо, – настроение самое организованно-бодрое. Под'езжаем к Витебску, станция охраняется «нашими» товарищами-большевиками. Но настроение сдержанное. Чувствуется, что-то происходит большое, но необходима выдержка. Собрание, выносим резолюцию: «немедленно вступить в контакт с местным Советом», но нас плохо понимают, портят дело посылаемые обменные телеграммы «нашего начальства» —требуем, чтобы больше не посылались телеграммы о нас, как о разоруженных корниловцах. Обступаем представителя Исполнительного Комитета 5-ой армии Зайцева, тот не выдерживает и под предлогом какого-го дела сбежал. Караул бездействует.. Образовываем из своей среды

комитет, в который вошли: я (Федотов), тт. Кузьмин, Летунов, Козин, Политов и Грачев, для переговоров отправляемся к уполномоченному на станции и через несколько часов отправляем сами себя в Москву.

Москва, Москва! Как отрадно бьется сердце; думаем, что теперь то там уже началось восстание. И с развевающимися знаменами, детищами тюрьмы, с пением Интернационала, эшелон наш двинулся.

Витебские рабочие провожают криками «ура»... Да здравствует пролетарская революция... Едем ночь и день, вот и в Москве...

Сговорились в тюрьму не садится и требовать делегатов от рабочих... встречает нас рота 55 полка и комендант Бутырской тюрьмы—обстановка несовсем понятная: необходимы выдержка и спокойствие.

Требуем кого-нибудь из большевиков; приходит представитель тюремной комиссии; уже одиннадцать часов ночи, показав членский билет Замоскворецкого района, спрашивали как лучше поступить: комендант уговаривает сесть в тюрьму, говоря: «все равно скоро выпустят», представитель комиссии тоже вторит ему, говорит прямо: лучше садитесь в Бутырскую от греха, необходимо выяснить... Что-же, раз так, значит, переменили решение, и 860 чел. добровольно, с пением Интернационала и Варшавянки, под усиленным конвоем, под сочувствующим нам конвоем, подошли к мрачным воротам знаменитой Бутырки, надеясь, что завтра же выпустят. Раскрылись ворота, как красиво шли и как печально закончился наш приезд:—у товарища, несшего знамя, с надписью: «Да здравствует III Интернационал»—хватило мужества внести во двор тюрьмы и окрасить ее мрачные стены, но у жав

дарма Керенского, коменданта - палача, достаточно было подлости, чтобы тут же отобрать его... И потом уже другие знамена были спрятаны...

И когда наш выбранный комитет переговорил с администрацией тюрьмы,—нас пустили без осмотра, и мы пронесли с собою книги и кое-что другое.

Рассадили нас по 25 человек на камеру и заперли, поставили нам параши,—немного наше настроение спало, и мы уже не могли достоверно сказать, что все это значит. На следующий день комитет, который больше всех скандалил, рассадился в одиночку, и представитель комиссии «большевик» больше не являлся—официально с нами говорил комендант, который успокаивал, что завтра все, мол, разберется и дело выяснится, значит, в общероссийском масштабе наше дело пролетарской революции несовсем хорошо.

Сидим день, другой и третий,—никто не является, некоторые уже было приуныли, но уже были разосланы через стражу и на прогулках записки держаться в выжидании. Думаем, московские рабочие позаботятся... На 9-й день об'являем голодовку, сразу 480 чел. и уже на следующий день в «Социал-Демократе», на передней странице: «Двинцы голодают»... Товарищи рабочие, они—жертвы Керенщины, мы должны их освободить.

Но дело пошло в затяжку; режим суровый, чорт возьми... Что же, будем голодать, все присоединяются, еще 470 человек, и вся Бутырка почти всколыхнулась. На 2-й день голодовки, смотрим, заседание Московского Совета Рабочих Депутатов: вопрос о двинцах, выбрана комиссия, в которую вошли: Рыков, Овсянников, Виноградов, Фирсов, и смотрим, наши товарищи, значит, скоро будем на

свободе. Читаем в газетах: принять самые строгие меры к расследованию... Читаем дальше, выпущен тов. Аросев и несколько товарищей Казанских. Хорошо, думаем, наши дела улучшаются, голодаем 4-й день... Утром, час. в 11 приезжает комиссия. Закипела работа. Расставив столы, снимают допрос с преступников; у каждого почти партийный билет, или Петроградская организация большевиков, или Московск. фронтовой, кто член с'езда, кто полкового, или ротного комитета, армейских комитетов мало. Расспрашиваем, как дело, успокаивают—хорошо, просят прекратить голодовку, все равно скоро освободят. Но все-таки решено было продолжать пятый день, силы уже начали изменять. «Социал-Демократ» приносит весть, если двинцы не будут освобождены, начнется трамвайная забастовка. Наконец, 6-й день, утром, выпустили 79 человек, остальные прекратили голодовку и уже к 17 сентября 780 человек были выпущены по постановлению Московского Совета Рабочих Депутатов и комиссии по обследованию мест заключения; размещены были двинцы-страдальцы в двух госпиталях, на положении больных и подследственных. Хорошо, думаем, вы пока исследуйте, а мы будем агитировать. Славный и искренний т. Аросев понял сразу нас и наша Московская военная организация сразу пошла вверх. Помнится, как на фракции солдатской секции т. Аросев и Будзинский пламенно говорили, что не должно больше повторяться такого позора, который учинила Керенщина над «двинцами». Тов. Муралов сразу обратил внимание на нашу деловую партийную работу и уже через неделю «двинцы» гремели на всех митингах в Москве. Встречали т.т. рабочие мучеников октябрьской революции.

Помню, когда в Алексеевском Народном доме, в переполненном зале, после речи незабвенного, погибшего славною смертью тов. Усиевича, попросил я слова, как представитель «двинцев», загорелась моя душа, вместе с душою аудитории, встретив друг друга аплодисментами, под крики: «Да здравствует пролетарская революция», «Да здравствует III Интернационал», взошел я на трибуну и сердцем, горящим счастьем борьбы, я рассказал рабочим, кто такие двинцы и как издевался режим Керенского над солдатами-большевиками на фронте. И загорелись сердца рабочих местью произвола, и полился гимн Интернационала над седою головою председателя этого митинга, тов. Смидовича; высшим счастьем были для меня те минуты. После этого митинга т. Беленький сразу же пригласил меня и Летунова в Пресненский комитет и, попив чаю, перебросившись некоторыми впечатлениями, мы стали готовиться к другим митингам и их было на завтра много, и мы с т.т. Козиным-двинцем, Летуновым стали выступать на 6—7 митингах в день.

Прошла еще неделя и мы уже были членами Московского Совета Рабочих Депутатов. Но вот подходят октябрьские дни... 25 октября меня, как председателя комитета команды двинцев, вызывает президиум М. С. Р. и С. Д. и предлагает занять пост второго начальника разведки, первым был т. Мансилов, теперешний член президиума и член Ц. И. К. Советов; с величайшей радостью я принялся за дело, вновь порученное «Команде двинцев», разведки и рекогносцировки в пролетарской революции, первой ее предвестницей в Европе, первому факелу социализма; начались действия, избран Революционный Комитет, начальником команды назначаем

славного товарища, бывшего с нами вместе же, томившегося подпрапорщика Зайцева. Только что тов. Аросев был назначен командующим, получаем известие из Петрограда: центр в руках, переворот безкровный, тов. Ленин — председатель Рабоче-Крестьянского Правительства, Троцкий — Народный Комиссар по Иностранным Делам; вот проходит, как всегда торопливо, т. Бухарин, крепко жмем друг другу руки, поздравляем... вновь получаются донесения о группирующихся белогвардейцах и юнкерах... Их опорными пунктами, к сожалению, были Александровское училище и Кремль... Действия развертываются... вызываем первый отряд двинцев в 300 человек.

Когда я приехал сказать, что надо помочь рабочим, что наступили дни лучшие для нас, когда необходимо пролить кровь за идею социализма, за освобождение пролетариата, в две минуты все были на ногах и уже вооружены, через 15 минут—на Красной площади: и полилась первая невинная кровь жертв октябрьской великой рабоче-крестьянской революции, не успели поравняться с памятником Минину, как с Кремлевских зубцов грянул залп юнкеров, и 45 лучших товарищей - двинцев легло у стен Кремля. Начальник этого отряда т. Сыпунов, был поднят на штыки подошедшим отрядом, в три раза превосходящим по количеству. Но остальные сумели отбиться и добрались до Совета, до «Дрездена». У меня в то время в разведке уже оперировали около 200 человек двинцев, которые вместе с другими рабочими-разведчиками донесли, что бой начался, команда двинцев обстреляна на Красной площади; есть жертвы, начальник поднят на штыки. Немедленно начали подходить все новые силы; пер-

вым пришел 55-й полк, потом 85-й пехотный и 1-я запасная артиллерийская бригада, поставили пушки у Совета, заработали двинцы, рассыпавшись порайонно. Не было района, где бы не было вдохновляющих и всегда впереди идущих двинцев.

Доносят, что в бывшей охранке и в районе Страстной площади сгруппировалось много белогвардейцев, около 2000 человек. Тов. Аросев зовет меня, — необходимо самых отважных 40 человек; немедленно взять площадь и бывшее градоначальство. Иду к ожидающему тут же в Советском помещении, в нашем штабе, отряду двинцев, предлагаю, с величайшей радостью соглашаются. Начальник этого отряда в 40 человек — Зайцев — пошли. Загремела артиллерия, шум .. грохот... ведут пленных... „Ура“, первая победа, вдохновителями которой были двинцы. Еще ярче загорелись глаза, еще радостнее забилось сердце. На 2-й день пришли остальные двинцы, только что получившие новое оружие, доносят: плохо у Никитских ворот“. Тов. Аросев дает приказ послать двинцев и 85-й полк. Идут, и после некоторой подготовки, под руководством т.т. Зайцева, Саблина и Кузьмина, забирают Никитские ворота.

Прибегает запыхавшийся тов. Васильев и с дрожью в голосе доносит: „Вот только-что сейчас я убил 12 юнкеров и забрал один пулемет и три ящика патронов, вместе с грузовиком, на котором они ехали... Спрашиваю... Как же это вам посчастливилось. Говорит, так уже я не первый год солдат, то... Слава Богу... эх... здорово я их, прицелюсь, чик и... готово... Дайте мне воды, уж очень в горле-то пересохло... Прямо так устал... ведь три дня глаз не сомкнул... Доносят: „Плохо

у Кремля", группируются большие силы в Кремле, расстреливают 56-й полк... и открылось наступление на Кремль... Помню, как т. Аросев с т. Владимирским, водя пальцем по карте, говорили: „Вот эти ворота протаранить и кончено: Кремль будет наш, только надо двинцев человек, хотя 150—180". Пришли... которые пошли бы вперед... Через полчаса готово, на передние позиции... вот здесь наших товарищей убили вы, кровопийцы, сейчас мы вам покажем.

Отдан приказ тов. Смирнову: таранить ворота артиллерией и, как проход будет свободен, двинуться. И двинулись. Кремль был взят... Ширились победы, разрасталась стихийно наша организация... все новые тысячи подходили тт. рабочих, 6 дней и ночей почти не сомкнули глаз, и под натиском общих сил пала белогвардейская Москва, разбиты юнкера— прислужники буржуазии и ее прихвостни соглашатели. Красовался первый манифест Рабоче-Крестьянского Правительства на улицах и приказ тов. Муралова.

Укрепилась наша рабочая власть, все мерзавцы, белогвардейцы разоружились, у всех радостный вздох облегчения вырвался из груди. Миллионы освобожденных рабов почувствовали себя свободными, миллионы радовались празднику Рабоче-Крестьянской революции, сотни тысяч и миллионы жен и матерей вздохнули, почувствовав, что скоро наступит царство, где нет угнетенных, нет рабов,— есть лишь равные строители жизни новой, основанной по взаимном доверии. И вы, павшие герои, что на могилах Ваших не зарастет пролетарская тропа, вы сделали свое святое счастливое дело и Вы оставили после себя достойных Вас

вождей,—пусть Вы были жертвою, святою жертвою, жертвою великой борьбы. Ваши жены, дети Ваши увидят царство социализма, увидят рай на земле. Вы факел зажгли неугасимый; Вы первые были огненным шагом мировой пролетарской революции. Она идет, она разрастается в лавину, которая сметет на своем пути, как извергающий вулкан, всю нарость капитализма, всю подлость предшествующих веков. И золотыми буквами запишет история на своих страницах Ваши великие подвиги величайшей самоотверженности. Пусть миллионы венков на Ваших могилах будут доказательством преданности рабочего класса, тому делу, за которое Вы честно сложили головы.

Вечная память павшим, счастье и слава живым!..

Уцелевший двинец *Федотов.*

Ход событий.

В 1917 году, до октябрьских дней, Москва не видала революционной уличной борьбы. Февральскую революцию вынес на своих плечах Петербург. А в Москве, можно сказать, было в те дни только празднование революции. Поэтому до октября Москва сильно отставала от Питера в смысле революционного настроения. И теперь толчок к борьбе дан был питерскими событиями.

Организованных сил здесь, казалось, было очень мало. В Совете Рабочих и Солдатских Депутатов большевики преобладали, благодаря лишь перевесу числа рабочих над числом солдат.

Но Совет Солдатских Депутатов существовал самостоятельно, имел свой отдельный президиум, и здесь преобладали контр-революционеры.

Солдатская масса как-будто была в большинстве настроена хорошо. Но она была дезорганизована и безоружна. А в руках контр-революционеров имелось и оружие, и организованные юнкерские части.

Тем не менее действовать было необходимо, чтобы поддержать питерцев.

В большевистском «Социал-Демократе» от 26 октября появилось подробное сообщение о том, что только что произошло в Питере. А в передовой

статье указывалось, что «наступили решительные дни», что петербургские рабочие и солдаты разбили противника, но что это только первый шаг гражданской войны: буржуазия не уступит без боя, она всюду попытается выступить против рабочих с оружием.

В этом смысле, в том же номере газеты, были помещены особые воззвания к солдатам, крестьянам, железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим.

В среду, 25 октября, в соединенном заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов избран Военно-Революционный Комитет для организации поддержки Петербургу. За избрание голосовало 394 депутата, против—106 (меньшевики и беспартийные) и воздержалось 25 (об'единенцы). Тем не менее, меньшевики и об'единенцы вошли в Комитет, но не для борьбы в рядах пролетариата, а затем, чтобы отстаивать замену Революционного Комитета «общедемократическим органом».

Эс-еры отказались участвовать в голосовании.

В состав Комитета вошли: от большевиков Усиевич, Муралов, Ломов и Смирнов, от меньшевиков Тейтельбаум и Николаев и от об'единенцев Константинов.

В пятницу 27 октября в «Известиях» было напечатано об'явление Военно-Революционного Комитета следующего содержания:

«Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга во главе с Петербургским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции временным правительством. Долг московских солдат и рабочих поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для

руководства ею Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов избрал Военно-Революционный Комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-Революционный Комитет об`являет: 1) весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-Революционного Комитета. 2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-Революционного Комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

В противовес контр-революционному Совету Солд. Деп. была 26 октября созвана конференция представителей всех частей московского гарнизона: 116 голосами против 18 она постановила выразить доверие В.-Рев. Комитету.

Вслед затем в Комитет послали своих представителей Ц. Бюро профессиональных союзов Москвы, Ц. Исп. Ком. Всеросс. Союза железнодорожников и эс-еры-«интернационалисты».

При таком составе В.-Рев. Комитет не мог быть особенно дееспособен,—особенно в виду присутствия меньшевиков, которые в своем заявлении писали, что входят в Комитет «не для того, чтобы содействовать захвату власти Советами», а чтобы, «возможно безболезненно изжить все последствия этой попытки захвата и авантюризма большевистских вождей».

Очевидно, в расчете на пестрый состав Комитета командующий войсками полковник Рябцев пред'явил ультиматум: немедленно упразднить Комитет, вывести из Кремля большевистский караул и возвратить взятое из арсенала оружие

Редакция «Известий Московского Совета Р. К. и С. Д.» в октябре 1917 года.
Слева направо стоят: К. Н. МАЛИНИН, В. П. ВОЛГИН, Ш. М. ДВОЛАЙЦКИЙ, К. П. НОВИЦКИЙ,
сидят: Р. П. КАТАНЯН, Е. И. РИВЛИНА, И. И. СКВОРЦОВ, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ и М. Н. ПОКРОВСКИЙ.

Группа коммунистов, работавших в октябрьские дни.

В ответ В.-Рев. Комитет предложил пополнить свой состав новыми контр-революционными представителями: от Совета Кр. Деп., бывшего в руках эсеров, от городской думы, земства и т. п. Но эсеры и буржуазия, успевшие сорганизоваться в Комитет Общественной Безопасности, отказались участвовать в каких бы то ни было переговорах впредь до исполнения Рябцевского ультиматума.

Об этом отказе контр-революционеров вступать в переговоры рассказано в меньшевистской газете «Вперед» от 28 октября. И в том же номере газеты напечатано воззвание меньшевистских организаций; в нем вся вина за кровопролитие взваливается на большевиков и сообщается о выходе меньшевиков из Военно-Революционного Комитета.

Своим уходом меньшевики, конечно, облегчили работу В.-Рев. Комитета; они продолжали агитировать против него печатно и устно, но рабочие и солдаты уже не слушали их.

Пока в В.-Рев. Комитете шли дипломатические переговоры и препирательства, Москва спешно готовилась к бою.

Рябцев стянул к центру юнкеров и казаков, (которые скоро отказались действовать и были заперты во дворе Александровского училища). К юнкерам присоединились белогвардейцы,—преимущественно студенты и гимназисты,—а также черносотенное офицерство. Отказалась воевать против народа лишь 1-я юнкерская школа, состоявшая из бывших солдат-боевиков. Зато школы, состоявшие из бывших студентов, проявляли особенно зверское настроение.

Кремль находился в руках большевистского караула; солдат уверили, будто В. Рев. Комитет от-

казался от борьбы, и обманутые солдаты сдались без выстрела. Тем не менее многие из них были тут же расстреляны.

А о захвате Кремля контр-революционеры кричали, как о победе, чуть не о разгроме большевиков.

Весь центр города, кроме части Тверской улицы, был в руках юнкеров; в их же руках—вокзалы, трамвайная электрическая станция, телефон (кроме Замоскворецкого) В.-Рев. Комитет сразу оказался почти отрезанным от районов, и районы, плохо связанные между собою, вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы, не зная, что делается в центре.

Отрезанность центра от районов (связь кое-как поддерживалась только через Страстную площадь) подвергала его ежеминутной опасности разгрома. Юнкерские броневики появлялись на самой Советской (бывшей Скобелевской) площади. Бывали моменты, когда казалось, что центру только и остается, что бежать. Это сильно отражалось на настроении членов В.-Рев. Комитета, делало их склонными к переговорам о перемирии и уступкам.

Совсем иное настроение наблюдалось в районах. Правда, в первый день вооруженной борьбы, в пятницу, замечалась вялость. Заводы работали так как В.-Р. Комитет сделал крупную ошибку, не призвав к всеобщей забастовке. Солдаты неохотно, выступали из казарм В красную гвардию записывалась только рабочая молодежь, да и для той не хватало оружия.

Кажется, в субботу встали фабрики и заводы. Рабочие кварталы оживились. Юнкеров стали теснить от окраин к центру, и быстро создалось настроение победы. Поэтому весть о перемирии была встречена с неудовольствием.

Перемирие было заключено в воскресенье, 29-го вечером на сутки. Была установлена нейтральная полоса, и с утра 30-го должна была собраться комиссия для выработки прочного соглашения.

Контр-революционеры надеялись выиграть время в ожидании подкреплений. С юга к ним шли казачьи полки, а по Брянской дороге – ударники.

Через несколько часов после начала перемирия прибыл на Брянский вокзал первый отряд ударников. Юнкера тотчас осмелели и произвели нападение у Никитских ворот. В это время, согласно условиям перемирия, юнкера считали, что район их господства в центре Москвы определяется следующими границами:

Ушаков переулок, часть Остоженки, Полуектов пер, Пречистенка, Мертвый пер., Старо-Конюшенный, Кривоникольский, Б. Молчановка, проход через церковный двор и переулок. Хлебный пер., Никитский бульвар, Калашников пер., Ср. и Б. Кисловки, Воздвиженка, Моховая, Охотный Ряд., проезд Театральной пл. и гост. Тестова, сквер у Кремлевской стены, проезд у Метрополя, Третьяковский проезд.

С возобновлением военных действий положение контр-революционеров становилось с каждым часом хуже, а к рабочим и солдатам прибывали силы и росла уверенность в неминуемой и полной победе. Скоро в руках юнкеров остался почти только Кремль, откуда они и стреляли во все стороны.

В руках В.-Рев. Комитета с самого начала находилась почти вся московская артиллерия. Но ее не пускали в дело, чтобы не производить лишних разрушений в городе. Только после долгих колебаний, — когда пришлось выбирать между жертвой

людьми и жертвой кремлевскими зданиями,—начался обстрел Кремля из орудий.

Положение контр-революционеров было уже безнадежно, и обстрел Кремля явился только предлогом к тому, чтобы прикрыть капитуляцию красивой фразой: 2 ноября председатель Комитета Общественной Безопасности В. Руднев обратился к В.-Рев. Комитету с предложением сообщить его условия для прекращения военных действий. Руднев мотивировал это обращение желанием будто-бы спасти «исторические памятники и святыни» и прекратить «избиение мирных жителей».

В.-Рев. Комитет принял предложение. Были выработаны условия, и того же 2 ноября в 9 часов вечера за подписью Усиевича был издан «Приказ всем войскам Военно-Революционного Комитета». В приказе сказано:

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-Револ. Комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний, новой, рабочей, солдатской и крестьянской революции! Враг сдался. В.-Рев. Комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа В.-Рев. Комитета».

Приказ этот и, вообще, весть о договоре с юнкерами произвели в районах очень неприятное впечатление. Памятником этого является «протест

Красной Гвардии» в «Социал-Демократе» от 4 ноября (№ 200). В протесте между прочим сказано:

«Освобождая юнкеров от ареста В.-Р. Комитет дает им возможность снова восстать против народа. Мы... требуем, чтобы все арестованные юнкера и прочая буржуазная сволочь были преданы властному революционному суду».

Для этого требования было достаточно оснований. Сдавая оружие и прощаясь друг с другом перед раз'ездом из Москвы, юнкера, не стесняясь, говорили:

— Через месяц встретимся на Дону.

В дальнейшем все усилия руководителей были направлены на то, чтобы удержать солдат от самовольной расправы с юнкерами и офицерами.

Юнкера и офицеры, как известно, отплатили тем, что, вскоре с'ехавшись на Дону, стали подвергать массовому расстрелу солдат и рабочих Красной армии, попадавших в их руки.

Неполная победа в Москве получилась исключительно благодаря действиям В.-Рев. Комитета. И если побела все-таки была, то мы обязаны ею всецело стихийному под'ему массы, а также стойкости и энергии районных руководителей, бывших все время с массой и шедших с нею в ногу.

Октябрьскими днями Москва была крещена в революцию. И что самое важное, это небывало резкое, наглядное расслоение в эти дни на линии, отделяющей буржуазные и полубуржуазные слои от пролетариата и крестьян (солдат): октябрьские дни в Москве прояснили классовое сознание так, как не смогли бы прояснить его десятки лет пропаганды и агитации.

М. Ольминский.

В дни бури и натиска.

После июльских дней, после кампании бешеной злобы и клеветы против нас, ареста вождей и закрытия газет, для партии большевиков стало совершенно ясно, что вырвать власть из рук прислужников олигархии капитала,—всех этих Керенских, Церетели и К°, может лишь восставший пролетариат. Вся наша работа с этого времени была работой на восстание,—мы упорно держали этот курс. Банкротство Керенских быстро приближало нас к этому. Московское Совещание «живых сил» и забастовка рабочих, как ответ на него, выборы в Москве, давшие половину голосов большевикам, зовущим к восстанию за создание Советской власти, Демократическое Совещание и т. д., поставили восстание в порядок дня. В среде нашей партии и Ц. К. боролись два течения. Товарищи, стоявшие на точке зрения первого из них, уже во время Демократического Совещания предлагали всем большевикам-депутатам раз'ехаться по фабрикам, заводам и казармам с призывом к оружию. Во главе этого течения стоял тов. Ленин. Он, вынужденный скрываться от преследований шайки опричников Керенского, прислал в Ц. К. свое мотивированное заявление с предложением—немедля призвать това-

рищей к восстанию уже в дни перед Демократическим Совещанием. Ц. К. партии не только не соглашался с этим, но (большинством всех против 4-х голосов) постановил не опубликовывать этого заявления т. Ленина даже в пределах партии.

В ногу с Лениным, в дни перед октябрем, шел тов. Троцкий—пламенный трибун восстания, вождь левой Ц. К. К этому же течению примыкал и т. Бухарин, и Московское Областное Бюро нашей партии. Во главе второго течения «умеренных» стояли: т. Каменев и Зиновьев, а из москвичей: Рыков и Ногин. Дни шли, события развивались. В конце сентября на квартире у Суханова (!) Ц. К. нашей партии снова подверг вопрос о восстании горячей дискуссии. От москвичей на этом заседании присутствовали: я и т. В. Н. Яковлева (один из крупнейших организаторов восстания в Москве и области). В парике, весь бритый, пришел на это заседание т. Ленин и неузнаваемый Зиновьев. После убедительных горячих речей Ленина, Троцкого, Яковлевой и слабо сопротивлявшихся Каменева и Зиновьева было принято решение превратить первый же удобный конфликт в борьбу рабочих за власть. С этих дней т. Троцкий и питерцы у себя, а мы в Москве и в области энергично подготовляли восстание. Недели за $1^{1}/_{2}$ до Октябрьского переворота Яковлева, Бухарин, Смирнов, Оболенский и я на нашей квартире на Пресне, решили призвать рабочих к явочному проведению в жизнь своих требований, помимо властей Керенского. Комитет одобрил это решение и по докладу т. Бухарина и Смирнова, Московский Совет решил декретировать 8-часовой рабочий день, декретом же провести положение о предоставлении рабочим подходящих

жилищ, призвать тт. кожевников, самим, помимо хозяев, пускать фабрики в ход. Меньшевики и с.-р. понимали, что подобная политика приведет к восстанию. Они в ужасе твердили свои ученые проповеди и перелистывали в смятении свои молитвенник и требник.

В эти дни я и Рыков едем в С'езд Советов северной области и в Питер. Настроение вокруг кипит и бурлит. Керенский переходит в наступление и его броневики и артиллерия громят Калужский Совет. Взрыв рабочего негодования был ответом на это: в воздухе чувствовалась гроза.

Меньшевики и с.-р. в полном ужасе. Мне пришлось присутствовать на закрытом заседании их Ц. И. К., когда паника охватила всех этих господ. Армия не желала драться, и Верховский жалобно плакался перед Ц. И. К. на всевольных солдат; народное хозяйство трещало и расползалось по всем швам. С.-р. и меньшевики заговорили новым для них языком, и Мартов начал требовать мира, во что бы то ни стало. Но было уже поздно. Потока революции остановить было нельзя.

Как сейчас помню, мы поздно ночью (в Питере) разошлись с заседания Ц. К. и легли спать. Но уже рано утром т. Троцкий по телефону созвал нас в Смольный. Положение было острое: Керенский потребовал от Петербургского Совета беспрекословного подчинения своим генералам и отправки революционных солдат на фронт. Это было решительно отвергнуто. В 6 час. утра стало известно, что против нас и Смольного двинуты ударники и ораниенбаумская школа прапорщиков. Около Смольного появились орудия, пулеметы, стали стекаться рабочие и солдаты Мы послали своих агитаторов про-

тив высланных частей, и последние постепенно растаяли, не дойдя до нас.

Тогда правительство Керенского решило применить новый метод,—оно решило разобщить Смольный от рабочих окраин и солдатских масс. Начинают разводить мосты. Вначале это им удается. Разведен даже Николаевский мост. Но это обстоятельство не послужило на пользу временному правительству. Когда мост был разведен, наша большевистская «Аврора» прошла по Неве и направила дула своих орудий в упор на Зимний дворец, а в это время рабочим, несмотря на броневики Керенского, удается снова свести мосты, и рабочая и солдатская масса спешит на помощь Смольному.

Днем чувствуется некоторая нерешительность. Ни мы, ни Керенский не рискуем стать на путь окончательной схватки. Мы выжидаем, опасаясь того, что наши силы еще недостаточно подобрались, организовались, Керенский боится взять инициативу в свои руки.

Так продолжается до 8—9 час. вечера.

Вдруг появляется т. Ленин. Он еще в парике, совершенно неузнаваем. Все решительно изменяется. Его точка зрения торжествует, и с этого момента мы переходим в решительное наступление. Захватываем почту, телеграф, все административные и правительственные места. Ц. К. партии внизу, Военно-Революционный Комитет с Авсеенко во главе,—наверху в Смольном, энергично направляют всю работу. Никто не спит. Суета, беготня, повсюду возбужденные лица. Утром—власть в наших руках и почти без жертв.

Наскоро решаем отправить меня в Москву брать там вместе с товарищами власть.

Мерно стучат колеса поезда, а вокруг глухой говор обывателя и резкие споры по поводу переворота.

Вот и Москва. Мчусь в Совет.

В состав Московского Военно-Революционного Комитета входили, насколько я помню, т.т. Смирнов, Муралов, Усиевич, я, Кушнер и несколько других товарищей. Из них, среди нас, уже нет молодого, такого родного Москве, Усиевича.

Я и Ногин в качестве представителей от Революционного Комитета, по просьбе левых с.-р. и Кузовкова, едем в думу к рудневцам для переговоров с бело-эсерами.

Вокруг полно офицеров, наглые рожи кадетов. Руднев, бледный, ведет нас на собрание душителей рабочего класса. Вокруг прокуроры (Сталь), вылощенное офицерство, чиновники и господа железнодорожники – «викжелевцы», никак не могущие понять, куда им надо сесть.

Разговор наш быстро оканчивается. Эти господа, оказывается, считают нас уже побежденными и требуют ареста Военно-Революционного Комитета. Резко обрываем переговоры и уезжаем к себе. Юнкера и офицеры пытаются по дороге нас прикончить, несмотря на честное слово Руднева. Однако, с грехом пополам садимся в автомобиль и мчимся в Совет. Через час звонок по телефону от Руднева,— он требует сдачи, грозит обстрелом Совета. Резко обрываем разговор и спешно организуем, с одной стороны, оборону Центрального Совета, а с другой— призываем рабочие окраины к натиску на белогвардейцев и Кремль. На утро об'явлена всеобщая забастовка.

Часть товарищей с Варварой Николаевной Яковлевой—наш партийный центр—отправляем в рабо-

чие районы. Наскоро обнимаемся и бежим по местам.

У нас все не ладится.

Оружия мало, пулеметов еще меньше, артиллерии пока совсем нет, а в это время у юнкеров масса пулеметов, есть броневики. У нас вполне надежны товарищи-двинцы—эти «преступники» для Керенского, которых он посадил за решетку за большевизм, герои, львы революции—для масс. Они дерутся, как черти, не щадя своей жизни. Но солдатских частей еще мало, зато появляются лица рабочих—красногвардейцев. Товарищ Смирнов, артиллерист-офицер, отправляется в парк за батареей.

Юнкера, несмотря на все угрозы, не решаются напасть прямо на Совет.

Начиная с утра, положение резко улучшается. Все рабочие, как один, встали за Советы, солдаты повсюду примкнули к нам. Гремит наша артиллерия. Геройские районы, впереди них Замоскворечье, быстро наступают на центр. Отовсюду из области пробиваются на помощь Москве отряды красногвардейцев, из Тулы в автомобилях привозят пулеметы, артиллерии мало. Устанавливаем тяжелые прекрасные французские орудия на Воробьевых горах и наводим их на белогвардейский Кремль. Отовсюду тысячи известий о восстании рабочих. Вся область по условленному конспиративному призыву бюро партии в один день восстала и слала нам боевые рабочие дружины. Рабочие железных дорог все были с нами. Фронтовики, уланы, казаки отказывались действовать против нас. Несколько раз снова наступали у нас колебания, но в дальнейшем, мы их решительно отмели. Смелой атакой мы берем градоначальство, Алексеевское военное училище, телефонную станцию, и

вокзалы. Железное кольцо рабочих и солдат все теснее сдавливает осинное гнездо белогвардейцев.

Они просят пощады.

«Блестящие герои» офицеры сдаются на милость победивших их масс рабочих. И рабочие великодушно дают им жизнь. Они готовы были тогда забыть их преступления против народа.

Рабочая Москва раздавила буржуазные банды. Победа рабочей Москвы определила исход октябрьской революции. Власть рабочих и крестьян повсюду торжествовала.

Г. Ломов.

Первые выстрелы.

Вечер был тихий и жуткий. Жуткий, именно, потому, что было слишком тихо в Москве,—в той самой Москве, которая привыкла шуметь, гулять. В доме Советов Рабочих и Солдатских Депутатов раньше в это вечернее время было бы много народа, много крика и шума, а теперь все куда-то схлынуло. В нижних комнатах, где помещается Военно-Революционный Комитет и его штаб, остались только товарищи, занятые определенным делом: кто работал по организации штаба, кто устанавливал пулеметы, кто был на заседании Военно-Революционного Комитета, где почти беспрерывно велись переговоры с Рябцевым, с Рудневым. Все чувствовали, что переходят от слов к делу, все ощущали запах пороха в воздухе. В большие окна дворца смотрела темная ночь, закрывавшая собой бронзовую фигуру генерала Скобелева, который с поднятой саблей, с лошадью, вздымавшейся на дыбы, застыл против дворца. Казалось, бронзовый генерал ожидает, угрожая мечом.

Прибежал кто-то вз'ерошенный в кепке:—«Выстрелы, выстрелы начались». Кто-то из женщин добавил: «юнкера идут по Тверской. Выстрелы на Страстной площади» Собралась кучка людей, среди

которых просунул свое широкое лицо солдат: — Что, казаки с Александровского вокзала приехали?

И, как эхо, кто-то повторил уже утвердительно.

— Казаки едут сюда по Тверской.

Кто-то низенький робко выразил:

— Да что вы чепуху говорите: не казаки, а ударники, я вчера говорил.

В деловую, молчаливую, сосредоточенную работу врезалась безалаберная шумиха: там говорили ударники, в другом месте юнкера.

Вбежал запыхавшийся солдат:

— Посылайте помощь, — там стреляют.

— Где.

— Известно где, по Тверской.

Шум увеличился.

— Казаки стреляют.

— Юнкера убивают наших.

— Ударники окружают дворец.

Все эти возгласы перекатывались с угла в угол. Все это было в двух комнатах, занятых солдатами и красногвардейцами В маленькой же комнатке штаба было значительно спокойнее. Туда поступали одно за другим донесения от разведки, что во многих местах наши революционные войска находятся уже в соприкосновении с войсками противной стороны, но выстрелов нет никаких.

Прошло минут пять или десять. и пришло донесение, что на Красной площади произошло первое столкновение между нашим отрядом и юнкерами. Наш отряд был - двинцы Озеровского лазарета. Прошло еще минуты три — прибежал весь в поту взволнованный товарищ-двинец.

— Нас окружили у Красной площади юнкера, они стрелять в нас начали. Мы видели: со всех

сторон юнкера. Куда что,—юнкера открыли огонь. мы по них, и вот так пробились. Там на месте много наших осталось отбитыми.

— Где ваш отряд теперь?

— Да вот здесь, он в Совет пришел.

Пробившийся сквозь юнкеров отряд двинцев был размещен немедленно в Совете. Мигом рассеялись нелепые слухи о казаках и ударниках,—все стало ясно. У врагов революции не было ни казаков, ни ударников. Стало ясно, что юнкера открыли первыми стрельбу по нас, стало ясно, что первые пролили свою святую революционную кровь в Москве товарищи-двинцы, которых томило в тюрьме правительство Керенского.

Облитое потом лицо двинца, его винтовка в руке со штыком, задымленным от выстрелов, открытые, честные и бесстрашные глаза истинного революционера-солдата заставили забыть бронзового генерала на коне; его уже, как будто, не было на площади, он превратился в тень ночную, которую рассеяли выстрелы двинцев у Красной площади.

И слухи, и страхи исчезли; началась победная борьба.

Ариаднин.

Как пролилась кровь?

Что мы *готовимся к борьбе* с властью буржуазии, мы не скрывали. Что не сегодня—завтра эта борьба может принять характер открытого столкновения между нашими силами и силами противника, это все ясно сознавали. Мы не безумцы, как нас хотят изобразить. Мы не авантюристы, не искатели приключений, как этого хотелось бы многим нашим врагам. Мы упорно работали над созданием, сплочением, организацией могучей силы, мы точно учли эту силу, мы уверенно начали борьбу, мы твердо шли к победе.

И те самые Рудневы, Гельфготы и другие деятели из Комитета Общественной Безопасности, которые вооружили сынков буржуазии, создав из нее белую гвардию, те самые Гагарины, Друцкие и Кравчуки, под чьим влиянием действовали юнкера, расстреливая санитарные отряды и детей на улицах, те самые господа, которые били ногами в живот арестованных,—проливают слезы о том, что пролилась кровь.

Кто же пролил ее? Надо-ли было ее проливать?

Я хочу рассказать о первых жертвах, о первых выстрелах.

26-го вечером Военно-Революционный Комитет

МАЛЫЙ ШТАБ.

Слева направо сидят: начальн. штаба А. А. БУРДУКОВ, командующий войсками Н. И. МУРАЛОВ, помощн. команд. А. Я. АРОСЕВ; стоят: А. А. ГЕНДЖЕНЦЕВ, А. Э. МАНДЕЛЬШТАМ (ОДИССЕЙ) и Б. А. ПРОЗОРОВ

В. И. УЛЬЯНОВ и Н. К. КРУПСКАЯ

В. П. НОГИН.

Председатель Московского Совета в октябрьские дни.

отдал мне приказ принять на себя обязанности комиссара Кремля и арсенала, так как стало точно известно, что Рябцев готовится ввести юнкеров в Кремль. Тогда же тов. прапорщик Берзин получил приказ принять на себя обязанность начальника гарнизона Кремля. Одновременно мы получили донесение, что вооружается белая гвардия, что юнкера сосредоточивают свои силы, что идут лихорадочные приготовления к бою, что манеж занимается юнкерами. Из манежа, где стоят автомобили, солдаты передали нам, что Рябцев приказал привести автомобили в негодность или перегнать их в Кремль. Для нас ясно было, что Кремль хотят сделать базой, крепостью сил контр-революции, сил вооруженной буржуазии; мы видели, что это план того самого «Комитета Общественной Безопасности», который засел в Городской Думе.

Посоветовавшись с тов. Берзиным, мы сочли необходимым усилить гарнизон одной или двумя ротами 193 полка. Несколько рот 56 полка были целиком на нашей стороне, но мы хотели придать им бодрости этим подкреплением. Вместе с тем, зная, что Московский гарнизон плохо вооружен, что в противовес белой гвардии буржуазии необходимо вооружить красную гвардию пролетариата, мы заручились приказом Военно-Революционного Комитета выдать вооружение, как солдатам Московского гарнизона, так и рабочим районам.

Ночью я поехал в Хамовнические казармы 193 полка. Я обратился к членам полкового комитета, которые в это время были на дежурстве,—дежурство было установлено нами во всех войсковых частях Московского гарнизона—и пред'явил им данный мне Военно Революционным Комитетом

приказ. Приказ этот был тотчас же выполнен, и рота 193 полка отправилась в Кремль. Я опередил ее. В Кремле господствовал полный порядок. Утром рано стали въезжать грузовики за оружием. Начальник арсенала, полковник Лазарев согласился подчиниться требованию Военно-Революционного Комитета, настаивая лишь на том, чтобы оружие выдавалось через определенное лицо (в данном случае прапорщику Берзину) под расписку, с соблюдением установленных формальностей. Часам к 10-ти утра было выдано 1,500 винтовок, несколько ящиков с патронами и три Нагана. Ни одно ружье не было вынесено за ворота Кремля. Все ворота Кремля были заперты, и только через калитку у Троицких ворот я распорядился впускать и выпускать живущих в Кремле служащих, чиновников, священников, монахов, а также подводы с провиантом. Ни одного выстрела не раздавалось за весь день, хотя солдат оскорбляло то, что у всех ворот стояли юнкера, а у некоторых—казаки. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы не пролилась кровь; почему-то еще была вера в то, что до столкновения не дойдет, что буржуазия не захочет пережить ужасов открытой гражданской войны и уступит внушительным силам рабочих и солдат.

Когда грузовики были погружены, мы знали уже, что Кремль со всех сторон окружается юнкерами, которые задерживают наши автомобили и встретят выстрелами наши вооруженные отряды. Случайно выстрелила у Спасских ворот винтовка: тотчас же юнкера отскочили от ворот, цепью вытянулись вдоль стены и взяли ружья «на изготовку». Стояли и ждали: вот-вот откроются ворота, вот-вот надо убивать. У нас была возможность прорваться: в

наших руках были броневики, мы могли бы ими расчистить путь, вывезти оружие и взять на себя инициативу борьбы с юнкерами. Если я и тов. Берзин этого не сделали, то исключительно потому, что из центра нам передали по телефону, что с Рябцевым ведутся переговоры, что в 3 часа дня с ним поедут выработать условия совместной деятельности, в том числе и условия вооружения солдат и рабочих. После обеда приехали в Кремль Муралов, Ногин и Камский. Я не присутствовал при их переговорах, но узнал, что 56 полк останется на местах, а охрана Кремля будет поручена какой-нибудь другой части; намечались роты 192 полка. Рябцев же настаивал на том, чтобы охрана Кремля и арсенала была поручена юнкерам. Целый день до вечера ждали. Я сам выпустил из Троицких ворот Рябцева и его ад'ютанта; теперь глубоко сожалею об этом, так как Рябцев сыграл, несомненно, провокационную роль во всей этой истории. Вечером снова прибыли Муралов и Аросев и, после нового разговора с Рябцевым, предложили вывести роту 193 полка из Кремля. Когда солдаты 56 полка узнали, что Рябцевым решено ввести в Кремль юнкеров и поручить им охрану Кремля и арсенала, они пришли в необычайное волнение. Они готовы были убить Рябцева и многие требовали его ареста. Мне и Берзину стоило большого труда отговорить их; мы доказывали, что этого нельзя сделать, пока Военно-Революционный Комитет еще надеется на мирный исход дела путем переговоров. Рябцев несколько раз пытался доказать солдатам, что он должен ввести юнкеров. Для чего? «Для охраны народного достояния от расхищения»,—отвечал Рябцев. Это озлобляло, это разжигало солдат. «Как!

4*

Сколько лет они стоят здесь в Кремле и охраняют его, а теперь им не доверяют? Разве они менее храбры, чем юнкера; разве они не доказали своей преданности участием в боях? Они ни за что не допустят юнкеров в Кремль». Снова и снова Рябцев принимался путанно доказывать солдатам, что нет в этом деле врагов, что у всех один фронт, что он стремится сохранить этот фронт, стремится предотвратить столкновение, оградить арсенал от расхищения.

Я сказал Рябцеву: «Заявляю вам, как уполномоченный Военно-Революционным Комитетом, что Кремль будет охранять 56 полк; рота 193 полка будет уведена тотчас же, как будут сняты с пути стоящие у Кремля юнкера; 56 полк добровольно не уступит своих постов юнкерам. Я прошу вас, именно, во избежание кровопролития, не вводите в Кремль юнкеров. Я ручаюсь, что ни одно ружье не будет вывезено, пока вы с Военно-Революцинным Комитетом не выработаете условий вооружения солдат и рабочих. Я знаю хорошо настроение солдат, жил все время с ними и ручаюсь за неизбежность кровопролития, как только юнкера войдут в Кремль». Напрасно тов. Берзин столь же категорически заявил, что он—начальник кремлевского гарнизона, не впустит юнкеров. Напрасно солдаты горячо, со слезами, настаивали на том же самом.

Рябцев стоял на своем. Только, когда кругом стали звучать угрозы, он заявил, что юнкера войдут для охраны окружного суда. Но и это не было принято. У нас у всех получилось впечатление, что Рябцев согласился, наконец, с нами. Рота 193 полка стала готовиться к выходу из Кремля, хотя солдаты 56 полка были против этого. Рябцев поехал отда-

вать распоряжение об уводе юнкеров. Я и Аросев, взяв пропуски в штабе через цепь юнкеров, поехали на автомобиле через Троицкие ворота. Автомобиль только успел двинуться, как раздались отчаянные крики впереди: «Стой, стой!» Шоффер с трудом остановил катившийся под гору автомобиль. Нам приказали выйти. Несколько винтовок в упор направлены были в нас по обе стороны внешнего проезда. Офицер просмотрел пропуск, покричал на нас из-за того, что мы сразу не остановились и сказал, что мы можем ехать. В это время загремел выстрел: пуля над самым моим ухом.

Таким образом, несмотря на то, что терпение солдат в Кремле целый день подвергалось серьезным испытаниям, они не дали ни одного выстрела.

Кровь пролита была не нами, кровопролитие начато было юнкерами, ворвавшимися утром, 27-го, в Кремль. Оно подготовлялось Рябцевым, Рудневым, Маневичем, Шубниковым, Гагариным, Друцким и др. вдохновителями юнкеров, погнавшими этих несчастных юношей в бой против рабочих и солдат.

Сейчас много озлобленных людей,—истина дается им с трудом. Но мы уверены, что эта истина будет восстановлена, и тогда все увидят, что кровь пролилась не нами, что не мы начали этот бой. Мы лишь приняли бой, когда он стал неизбежным, и от обороны перешли в наступление.

Ем. Ярославский.

Октябрь — ноябрь.

Прошло только 12 месяцев с тех великих дней борьбы, а кажется, что это было так давно, давно. Но достаточно сосредоточиться на минуту, чтобы предстала перед глазами яркая, красочная картина великих октябрьских дней.

Вот оно последнее историческое заседание Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в зале Политехнического музея, где мы, оказавшись в большинстве, выбрали Военно-Революционный Комитет, который немедленно же приступил к действиям. И передо мною, как живой, встает милый образ дорогого тов. Усиевича. Молодой, энергичный, жизнерадостный, всегда улыбающийся, в момент решительных действий он был особенно весел и радостен. Конечно, в момент нашей первой моральной победы над соглашателями, каждый из нас пережил эту радость. но многие из нас вместе с чувством радости испытали и чувство беспокойства, ибо великую ответственность перед рабочим классом и революцией брали мы на себя.

В Кремле стоял „большевистский“ 56 й полк. Мы послали на усиление его роту 193-го полка. А в это время манеж уже заняли юнкера. Кремль окружался белогвардейцами... Мы приняли предложение

Рябцева выслать роту 193-го полка обратно в свою казарму. Я приехал в Кремль с тов. Аросевым. Тут встретил товарища Ярославского и тов. Берзина. Рота отказалась уходить ночью, в виду занятия манежа юнкерами. Приехал Рябцев из Думы—очевидно, с заседания „Комитета Общественного Спасения". Возбужденная вооруженная солдатская масса требовала: первое—немедленного увода из манежа юнкеров, второе—отказа от ввода юнкеров в Кремль. Рябцев пытался отклонить требование. Раздались возгласы: „бей его". Запахло кровью. Мы обратились к солдатам с успокоительными речами. Рябцев обещал отвести юнкеров. Вошли в Николаевский дворец. При мне Рябцев отдал приказ об уводе юнкеров, но получил ответ о невозможности увода их ночью. Ясно, что Рябцев уже потерял авторитет у обоих строн. В квартире Рябцева мы встретились с тов Ногиным, который по постановлению президиума Совета вел переговоры о передаче оружия из Кремля—Красной гвардии. Получилось комичное положение. Весь Кремль внутри был наполнен большевистскими войсками, в Николаевском дворце находился контр-революционный штаб, вокруг Кремля стояли белогвардейцы—юнкера. Наружные караулы у Троицких ворот несли юнкера, внутри у самых ворот—56-й полк,—два караула, исключающие друг друга; таким образом, для того, чтобы выехать из Кремля в тот памятный вечер (вернее, ночь), нам необходим был пропуск Рябцева через караул юнкеров и чтобы у ворот пройти Рябцеву—необходимо было наше распоряжение. Выбравшись, таким образом, из Кремля, каждый из нас уже понимал, что затеяно не шуточное дело. Мы продолжали вести „мирные" переговоры с „Комитетом Общественной

Безопасности". В семь часов вечера Рябцев позвонил по телефону из Думы с ультимативным требованием дать ответ через пять минут: первое—Военно-Революционный Комитет распускается, второе—56-й полк выводится из Кремля. Роты 193-го полка отзываются из Кремля. После недолгих разговоров Революционный Комитет отказался исполнить требование Рябцева, о чем В. П. Ногин сообщил по телефону Рябцеву, и началась война.

У наших врагов были силы, по моим вычислениям, около 10.000 чел., не считая командного состава. Там были: юнкера Александровского и Алексеевского военных училищ, все школы прапорщиков, Штаб Округа, Комитет Общественной Безопасности, Солдатская секция эс-эров и меньшевиков, студенты и гимназисты. У нас: все пехотные Московские полки, 1-ая запасная артиллерийская бригада, самокатный батальон, команда двинцев, полковые части из Павловской слободы, из Костромы, из Серпухова, общей численностью до 15-ти тысяч вооруженных активных и больше 25 тысяч резервных не активных, около 3,000 вооруженных рабочих, 6 батар. 3-х дюймовых и несколько тяжелых орудий, без прислуги или с неумелой прислугой. 2 казачьих сотни, принявшие за несколько дней перед тем мои резолюции, держались нейтрально...

Теперь, спустя год после наших тяжких испытаний рассеялись всякие иллюзии, колебания, вера в возможность мирного исхода борьбы. Тогда мы шли на компромиссы, вели переговоры, когда нужно было действовать, беспощадно разить врага, не теряя минуты, но слава Аллаху! белогвардейский вождь и вдохновитель Руднев во время последних мирных переговоров свирепо и твердо заявил, что „Комитет Общественного

Спасения", никогда и ни за что не согласится на свое упразднение, но что возможны всякие компромиссы, за исключением одного:—Красной гвардии не должно быть. И для обсуждения всех вопросов „Комитету Общественного Спасения" необходимо время, почему он, Руднев, настаивает на продолжении перемирия еще на 12 часов. По-детски глупо, мелко, пошло и отвратительно прозвучало предложение подголоска Руднева—поручика Ш: включить в будущую организацию Советов представителей от Совета офицерских депутатов, а в это время мы получили известия о продвижении к Вязьме эшелонов кавалерии, идущей с фронта на помощь московским белогвардейцам и о том, что прибывают в одиночном порядке ударники, которые на лодках переправляются через Москву-реку. Наглость белогвардейских дипломатов переполнила чашу нашего соглашательского терпения. Мы с негодованием отвергли предложение отсрочки, открыто заявив об ударниках и кавалеристах. С некоторыми из присутствующих на мирных переговорах (участвовали представили Викжеля) случилась истерика. Был об'явлен перерыв. Но заседание дольше продолжать было невозможно, мы раз'ехались и возобновилась ожесточенная пальба.

Правда, пальба не прекращалась все время, как с нашей, так и с белогвардейской стороны. Это было ночью. Утром загремели орудия, затрещали пулеметы. Вероятно, с отчаяния белогвардейцы выказывали чудеса храбрости и не только оборонялись, но перешли в наступление, особенно со стороны Тверского бульвара и Гнездниковского пер. Их броневики прорвались в Столешников пер. и открыли пальбу по Совету. Загремели наши орудия. Задрожал Советский дом. Рассвирепел наш артиллерист тов. Давыдовский, гроза

белогвардейцев, сбил, отогнал белогвардейские броневики, но артиллерия не переставала греметь. Белогвардейцы подбирались к Совету, окружали его. Мы решили уйти в районы, приготовились к эвакуации. Но велик революционный дух пролетария! Замечательно чуток он в критические минуты жизни. Наш резерв, расположенный в доме и дворе Совета, узнав о нашем решении оставить Совет, решительно заявил о своем желании лучше умереть здесь—в родном Совете, чем малодушно сдать его белогвардейцам. Участь дома Совета была решена. Мы остались, почуяв силу и твердость, подсказанную нам солдатами-революционерами. Гремели орудия, трещали пулеметы, приближались белые. С большим трудом удалось уговорить часть наших товарищей оставить нас и итти в районы. Вот белогвардейская пулеметная пальба все ближе и ближе. Поспеют-ли районы к нам раньше, чем белогвардейцы уничтожат и дом, и нас. Но подошли резервы. Наши взяли их первую твердыню—градоначальство. Сотни пленных белогвардейцев, студентов, юнкеров, офицеров. Вот ведут пленников с понурыми лицами, слышно громовое «ура», то наши приветствуют победу; «ура, да здравствует революция, смерть врагам ее!» Поднимается дух у войска и у нас. Явилась крепкая, непоколебимая вера в нашу победу. Исход борьбы предрешен. Белогвардейцы окружены и отступают к своей базе, к своей твердыне—Александровскому училищу. Очищается Лубянка, манеж, на Кремль наседают бесстрашные двинцы и гонят, и прут белых. Кремль наш – ура! Битва выиграна, беляки сдаются на милость победителя.

Н. Муралов.

В Совете и районах.

Яркой памяти неизбежных жертв на пути к мирному торжеству коммунизма посвящаю эти строки.

25 октября 1917 года Питер уже сказал свое слово,—очередь была за Москвой.

Почти беспрерывно заседали Московский Комитет, Окружной Комитет и Областное Бюро партии. Для того, чтобы согласовать работу партийных организаций, решено было создать партийный центр; в него вошли: от Московского Комитета т.т. О. Пятницкий и М. Ф. Владимирский, и кандидатом В. Н. Подбельский, от Окружного Комитета—я, кандидатом т. Сапронов, от Областного Бюро т.т. В. Н. Яковлева и И. Н. Стуков, кандидатом И. С. Кизельштейн. Партийному центру предстояло, с одной стороны, решение ряда наиболее важных принципиальных вопросов, которые нароставшее движение ставило перед Военно-Революционным Комитетом, с другой стороны — задача его заключалась в том, чтобы связать работу районных организаций в Москве и мобилизовать все партийные силы в губернии и области на помощь Москве.

Вечер первого дня. Здание Московского Совета. Маленькая витая железная лестница, ведущая на

3 этаж. В первой комнате партийная пятерка, рядом заседает Военно-Революционный Комитет.

За секретарство, с присущей ему деловитостью, берется т. Розенгольц.

С утра решаем об'явить всеобщую забастовку, В.-Р. Комитет сейчас же подтверждает это решение, отдается распоряжение о выпуске воззвания, начинают передавать телефонограммы по районам, но и только... А дальше?

Выплывает вопрос о газетах. Ясно, что на утро могут выйти только Советские газеты, только «Известия» и «Правда». Подвертывается т. Голенко.

— «Т. Голенко, по постановлению партийного центра и В.-Р. Комитета вы должны не допустить выхода завтра буржуазных и соглашательских газет».

— «Но, товарищи»...

— «Это постановлено».

— «Хорошо».

Утром вышли только «Известия» и «Правда».

Ночью раздались первые выстрелы на Красной площади. Прибежало несколько двинцев.

— «Мы прорвались через засаду юнкеров, они занимают Кремль. Скорее, нужна помощь».

Направляем их в наш штаб. Там Муралов, Ярославский, Аросев. Высылаются дозоры, за организацию разведки берется тов. Максимов. Шум, беготня; раздаются оружие и патроны.

Сразу помощи двинуть не удалось и юнкера заняли Кремль, отрезав наш 56-й полк.

Итак, белогвардейцы занимают «Метрополь», здание Городской Думы, Кремль, Никитскую и Арбат.

Все районы наши; от пробивающихся к нам товарищей мы знаем, что там кипит работа и организуются красногвардейские части, но здесь в центре, в Московском Совете, мы чувствуем, что нас могут окружить. Мы уже почти отрезаны от Замоскворечья и Лефортова, нас отрезают от Бутырок.

Низ Тверской занят юнкерами, выше поперек Тверской работает неприятельский пулемет, поставленный в переулке на церковной колокольне. Единственная связь с внешним миром по переулку на Б. Дмитровку и Петровку.

Так проходит второй день.

Юнкера ведут наступление с Никитской по Брюсовскому и Чернышевскому переулкам.

По постановлению штаба т. В. М. Смирнов отправляется на Ходынку за артиллерией и пропадает. Проходит ночь, а его все нет.

Разносится слух, что артиллерия уже у «Яра», но идут часы, слух не подтверждается.

Наступает третий день. Никто из нас не спал, почти что не приходится и есть.

Отовсюду доносится частая, беспорядочная стрельба, совсем рядом с Советом. Подсчитываем наличные силы; выясняется, что в здании около 200 вооруженных людей. Немного.

К этому времени мы перешли во второй этаж. Окна комнаты, в которой заседает В.-Р. Комитет и партийная пятерка, выходят во двор, рядом за тонкой стеной—штаб, окна его комнаты выходят на Чернышевский переулок.

В углу нашей комнаты мягкий, большой диван. Во дворе суетня и крики. Мы сидим на диване и тихо перекидываемся отдельными словами.

На минутку из штаба зашел Муралов и задремал на стуле, о чем-то задумался Ломов и улыбается своим мыслям, из угла в угол ходит Ногин, тут же над столом склонился Усиевич, рядом с ним подписывает пропуска Розенгольц.

Вдруг из штаба кто-то вбегает:

— «Сейчас нас начнут обстреливать из пулемета. Надо перейти в другую комнату».

— «В чем дело? говорите толком! откуда, кто?»...

Но толку не добиться.

Муралов решительно подымается и уходит в штаб.

Встаем и мы.

— «Куда же этот дьявол Смирнов подевался со своей артиллерией?»

На всякий случай переходим в соседнюю комнату.

Приносят миску с супом.

Ага, значит время обедать. Кто из тарелок, кто прямо из общего котла.

А положение все остается неопределенным. Несколько часов нет вестей из районов, где-то пропала наша артиллерия, сейчас начнет обстреливать какой-то полумифический пулемет.

Нам ясно одно, что сейчас заседать не о чем и не для чего, что на счету каждый человек, что наше место *теперь* на Тверской и на Чернышевском, вместе с рабочими и солдатами.

Как само собой подразумевающееся складывается это убеждение у всех.

С нами бессменно ведут протоколы секретарши Совета Анна Федоровна, Софья Борисовна, Ломтатидзе. Вдруг они куда-то уходят. Через полчаса каждому из нас они надевают на руку красную повязку с надписью:

«Член В.-Р. Ком.»

— «Пусть знают юнкера и вся эта сволочь, куда им направлять штыки, если им удастся ворваться в Совет, пусть радуются... пока что».

— «Совет они могут взять, но пусть они попробуют взять Сокольники или Благушу».

Торжественная минута.

И тут произошло то, что бывает или в сказке или... в революцию.

Быстрыми шагами вошел В. М. Смирнов.

— «Наша артиллерия на Советской площади».

Сразу почувствовалось, что начинается перелом.

Одно орудие вниз по Тверской, другое вверх, третье по Козьмодемьянскому переулку.

— «Теперь голыми руками они Совета не возьмут. Теперь мы продержимся день, другой, пока не подтянутся районы».

Первый орудийный выстрел. Задрожали и полопались стекла. Меткий удар в гостиницу «Националь», нынешний 1-й дом Советов.

Потянулись дни тяжелой, кровавой борьбы.

Я не помню хронологической последовательности событий. Не помню или словно сквозь туман припоминаю, что происходило днем и что ночью. Выступают отдельные эпизоды, отдельные переживания.

С совещания у «нейтрального» Викжеля вернулся Смидович и, волнуясь, начинает рассказывать о своих впечатлениях.

Взгляд его падает на лежащие на столе револьверы. Он обрывает свой рассказ:

— «Ведь я-то и стрелять по-настоящему не умею, а без этого нельзя».

Смидович берет в руки револьвер и начинает его вертеть и рассматривать. Раздается выстрел, по случайности никого не задевший.

— «А еще голова седая», — укоризненно бросает кто-то сзади.

— —

Проходная комната. Взад и вперед снуют люди. У дверей штаба толпится несколько солдат. В стороне стучат машинистки. За столом сидит Серебряков, курит папиросу и разбирает бумаги. Не то он только что вернулся из Питера, не то собирается туда.

Резкий взрыв.

Где-то совсем рядом. Никто ничего не понимает. Паника. Падают на пол. Лезут под стол.

Дюжий парень оказывается в ногах у Серебрякова.

— «Ты куда, что с тобой?»

— «Я... я...»

Бросаются к выходу.

Серебряков с улыбкой смотрит на опустевшую комнату.

— «Товарищи, спокойствие, это у нашего гранатчика взорвалась граната».

— —

Тяжелая борьба шла в телефонной станции и у почтамта.

Юнкера крепко засели на Милютинском переулке. Наступлением на них руководит т. Усиевич.

В это время пришло известие, что почтамт уже занят нами.

Надо посылать своего человека, чтобы наладить работу на телеграфе и связаться с Питером и провинцией.

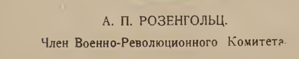
— «Вадим Николаевич, вам придется итти»

Г. А. УСИЕВИЧ.

Чл. Военно-Революционного Комитета в октябре.
Погиб смертью героя на чехо-словацком фронте.

Н. И. МУРАЛОВ.

Член Военно-Революционного Комитета
в октябре.



А. П. РОЗЕНГОЛЬЦ.

Член Военно-Революционного Комитета.

В. Н. ПОДБЕЛЬСКИЙ.

Член «партийного центра» (пятерка) в октябре.
Народный Комиссар почт и телеграфа.

— «Иду»,—отвечает Подбельский

Телеграф был за нами закреплен.

А до того т. Подбельский имел к почте и телеграфу ровно столько же отношения, как каждый из нас, поскольку приходится посылать письма и телеграммы.

Теперь он—Народный Комиссар почт и телеграфов

Я получаю поручение побывать в Замоскворечье, чтобы установить связь с районом и с редакциями «Известий» и «Правды», которые перебрались туда.

Выхожу ночью, вместе с П. Н. Мостовенко. Несколько раз останавливают наши часовые. Выходим на Б. Дмитровку, обходим Страстной монастырь, на Тверскую, по Садовой налево.

Безлунно, темно. Вдали ухают орудия. В небе зарево пожара: горит зажженный нашими снарядами дом у Никитских ворот.

На Садовой спокойно.

У Кудрина снова раздаются выстрелы.

Спрашиваем патрульного:

— «Товарищ, какого полка?»

— «193-го».

— «Ну, как у вас здесь?»

— «Да вот из дома напротив пошаливают. Утром надо будет дознаться».

Снова выстрел, потом другой. Слышен удар пули.

Мы отходим за угол и идем дальше.

Мостовенко тащит к себе.

— «Зайдем, перекусим, что есть; часик отдохнем»...

Утром иду дальше.

Зубовский бульвар. Пустынно. Вдруг откуда-то раздаются выстрелы Треск разбитых стекол

Крымский вал. Калужская площадь. Рабочий район. Всюду оживление и движение. Мчится автомобиль с хлебом. Группами идут вооруженные рабочие. Сразу становится спокойно, хорошо и уверенно.

В районном Совете народу тьма тьмущая. Суетится и отдает приказания т. Фрадкин.

Редакции поместились в столовой Коммерческого института на М. Серпуховке. В полутемной комнате за двумя столами сидят И. И. Степанов, Ольминский, Бухарин.

Тем временем подходят В. Н. Яковлева, Кизельштейн, Владимирский. Устраиваем летучее заседание и меняемся мнениями о положении в разных районах. Общие сведения самые благоприятные.

Тов. Владимирский остается дежурить на ночь в Институте, Кизельштейн идет в районный Совет, В. Н. Яковлева также отправляется не то в Рогожский, не то в Басманный Совет, я возвращаюсь в В.-Р. Комитет.

Условливаемся утром сойтись в Центральном Совете.

Сажусь на автомобиль вместе с Подбельским и Бричкиной. Советуют ехать через Краснохолмский мост. Под'езжаем к Таганке. Наши часовые предупреждают, что на площади работает чужой пулемет и предлагают ехать переулками.

Шоффер разгоняет машину и мы в темноте проносимся прямо через площадь. Благополучно. Пулемет трещит в стороне.

Нас окликает наша застава.

Проверка документов, надо показать пропуска.

Но тормаз у автомобиля оказался испорченным и мы мчимся вниз, к Зацепе.

По нас открывают стрельбу наши же солдаты

Жуткая минута.

И, главное, ничего нельзя сделать.

Машина все же с трудом и скрипя. останавливается.

Подбегает патруль.

— «Ваши пропуска!»

Суем ворох бумаг.

Шоффер включает огонь.

Бумаги в порядке.

— «Что вы, дьяволы, едете, как с цепи сорвавшись? Или вам жизнь надоела?»

И еще, и еще.

Оправдываемся, тормаз, мол, ничего не поделать, нельзя.

Шоффер отказался ехать дальше.

— «Видите, машина испорчена».

Пошли пешком. Не успели мы пройти десятка два шагов, нас снова догоняет автомобиль.

Видно у шоффера отошло от сердца.

— «Садитесь, довезу как-нибудь».

До Красных Ворот добрались уже благополучно. Там мы отпустили машину назад и решили дальше пробираться пешком.

На Сухаревке зашли в городской районный Совет.

Несмотря на ночной час, жизнь бьет ключем. Вверх и вниз торопливо бегают люди.

Рассказывают о стычке на Лубянке и о том, что Никольская улица уже в наших руках.

Очевидно становится, что дни наших врагов сочтены.

Скорее в Центральный Совет со свежими, хорошими новостями.

В октябре 1917 года Москва с честью поддержала Питер. Кровью своих лучших сынов рабочий класс России заплатил за свое освобождение.

7 ноября великая годовщина первой социалистической революции. Год тому назад русский пролетариат сказал свое слово,— очередь была за Западной Европой.

Сейчас это слово уже говорят рабочие и крестьяне в Будапеште, Вене, Берлине, и мы уверены, что они с честью поддержат наше красное знамя.

В. Соловьев.

КАК БЫЛО.

В типографию „Деревенской Правды“ 25-го октября рано утром пришел т. Пешков и сообщил, что в Питере власть перешла в руки Советов очень тихо, бесболезненно. Это известие впервые было получено из Питера по телефону.

Не докончив свою работу по выпуску номера газеты, я пошел в редакцию „Правды“. Там узнал, что сформировался нашей партийной организацией Военно-Революционный Комитет, куда мне подлежит немедленно явиться.

Военно-Революционный Комитет заседал наверху, на третьем этаже Московского Совдепа, в маленькой комнатке, в которой раньше помещался, кажется, т. Муралов. Тут мне была дана первая задача: какой угодно воинской частью занять телеграф, телефон и почту. Вместе со мной на это дело отправился и т. Ведерников, который получил полномочия, похожие на полномочия комиссара почты и телеграфа.

Вышли мы с т. Ведерниковым из дверей Совета на Скобелевскую площадь. И как-то странно: тут на площади все по-будничному суетится, все спешит, все хлопочет, так же, как это было вчера, третьего дня, четвертого дня. Возле памятника Скобелева плетутся двое мальчишек-газетчиков Ба-

рышня торгуется с извозчиком на углу. Все, как было.

— У вас есть револьвер? — спрашивает Ведерников.

— Нет.

— И у меня нет. Надо достать. Зайдем в „Дрезден", может быть у кого-нибудь из товарищей добуду.

Кругом так мирно, никто на нас не нападает. Переворот в Питере уже совершон. Половина министров в тюрьме. Зачем же револьвер?

И то, что т. Ведерников пошел вооружаться, казалось ненужной комедией, в которой персонажи придают сами себе гораздо больше значения, чем они имеют на самом деле.

Мы толкались в номерах „Дрезден" среди товарищей около получаса, однако, т. Ведерников так и не нашел револьвера.

— Ни у кого нет, чорт возьми! — сказал он.

— Постойте, — вспомнил я, — дойдем до типографии „Деревенской Правды", там у моего товарища Тихомирова есть какой-то самострел.

Мы зашли, и т. Ведерников был, наконец, вооружен маленьким, довольно безвредным испанским браунингом.

Оттуда направились в Покровские казармы, где стоял 56 полк, на который, по моим расчетам, положиться было можно.

В полку происходило заседание полкового комитета под председательством строгого, пожилого офицера с канцелярским выражением лица.

Я взял слово вне очереди.

Ознакомил собрание с последними известиями из Питера. Указал на необходимость соблюдать поря-

док. Для этого в первую голову надо усиленно охранять все государственные учреждения и, в первую очередь, надо сейчас же занять почту и телеграф.

Тов. Ведерников отметил, что мы говорим от имени Военно-Революционного Комитета.

— Какого? — спросил офицер с канцелярским лицом.

— Военно-Революционного Комитета большевиков; впрочем. весь состав его сегодня будет санкционирован Советом.

— Ага, это большевистский комитет, — заметил как бы про себя офицер и слегка почесал переносицу.

Наступило молчание. Солдаты недоумевали, не зная, что предпринять, за кем итти.

Какой-то затертый полковой работой штабс-капитан, с лицом, как моченое яблоко, и небритый, как Плюшкин, что-то пробормотал, что надо слушаться начальства и ждать его приказаний.

— Товарищи, тут разговаривать нечего,—выступил член полкового комитета т. Голвазин,—партия большевиков призывает нас на защиту революции. Выступим все, товарищи, как один человек.

Солдаты разом загорелись.

Несмотря на сопротивление офицерского состава, несмотря на робость многих трясущихся шкурников, товарищи-солдаты сами вывели роту, и часа через два уже заняли почту и телеграф.

Мы с т. Ведерниковым отправились тем временем на почту и телеграф, чтобы предупредить администрацию.

Там было собрание чиновников. Председатель собрания, почтенный старичек, видимо мало что

понимал и только кивал головой и соглашался со всеми говорившими.

К вечеру в Политехническом музее созвано было общее собрание Московского Совета.

Там был и Рябцев. Увидав меня, Рябцев спросил в упор:

— Вы зачем ввели солдат на почту и телеграф?

— Да,—сказал я,—а зачем вы, в свою очередь, послали юнкеров для занятия почты и телеграфа? И там может произойти кровавое столкновение.

— Так уберите ваших солдат!

— Уберите юнкеров.

В наш разговор кто-то вмешался, кажется товарищ Смидович. Мы пришли к тому, что надо ехать на почту и телеграф, чтобы предотвратить столкновение.

Поехали Ровный и я. В автомобиле молчали почти всю дорогу. По приезде узнали, что юнкера, увидав солдат, ушли назад.

На обратном пути Ровный, тогда помощник командующего войсками и, кажется, меньшевик, заговорил со мной о надвигающихся событиях.

— Ну, неужели суждено, чтобы социалисты дрались против социалистов же? Неужели мы, две половины когда-то одной социалистической семьи, неужели мы будем убивать друг друга? Нет, в это я не верю, не верю! и мы не дойдем до этого.

После переворота я нашел в его столе переговоры по прямому проводу с фронтом, откуда он вызывал на нас самые отсталые части.

Никогда не забуду того злого лица, тех острых пронзительных глаз, которыми впился в меня Рябцев, спросивший сразу, как только я вошел в комнату

Вы не убрали своих солдат?

— Нет,—ответил я.

Рябцев закусил нижнюю губу и сдержанно, но твердо ударил сжатым кулаком по столу.

События развивались так, будто их кто подхлестывал. Вечером другого дня Кремль был окружен юнкерами Александровского училища.

Тщетно мы ночью в казармах Кремля среди бушующей солдатской толпы уговаривали Рябцева увести юнкеров от ворот Кремля.

— Стоит мне пять минут поговорить по прямому проводу, и в мое распоряжение будут присланы надежные части с фронта, - говорил Рябцев.

Сутки спустя, в здании Совета, внизу в большой комнате заседал Военно-Революционный Комитет. В виду важности момента сюда же собрались и меньшевики, и некоторые эсеры, с растерянным видом.

Наверху, на третьем этаже, заседал президиум Совета Солдатских Депутатов и стряпал прокламацию к московскому гарнизону, в которой уговаривал солдат никуда не выходить, большевиков не слушать и поддерживать Керенского. Эта прокламация так и осталась писанным позорищем эсеров и меньшевиков, и света не увидала.

Время от-времени то т. Ногин, то т. Муралов подходили к телефону и беседовали с Рябцевым. Не налаживалось соглашение.

В эту ночь т. Тихомиров и я отправились на автомобиле стягивать части московского гарнизона к Совету.

Приехали в казармы 197 полка.

Здесь до нас уже был т. Ярославский. Солдаты снаряжались, подтягивались, заряжали винтовки

Оттуда мы отправились в прожекторный полк. На грязной широкой каменной лестнице нам повстречался солдат в белье, заспанный взлохмаченный.

— Товарищ, — и мы начали об'яснять ему в чем дело.

— Та-ак, — протянул он сонно. — Ну, что же, как полковой комитет вызовет, так пойдем.

— Надо сейчас всех поднять.

— Да где ж поднять, ведь, спят.

Подошел другой солдат, тоже в белье и с шинелью в накидку.

— Чего спят, ай-да нашу роту разбудим.

Начали чесаться и перекоряться. Наконец, решили разбудить полковой комитет.

Сделав тут свое дело, мы направились в самокатный батальон.

Там то же самое: заспанные лица, русская лень и русское скрипучее многословие. Однако, батальонный комитет, собравшись быстро, вынес решение и поднял к утру на ноги весь батальон.

Так мы подняли ночью с нар все части. На другой день весь дом Совдепа буквально превратился в какой-то солдатский муравейник.

Вечером этого дня происходил последний раз разговор по телефону между т. Ногиным и Рябцевым, который пообещал через десять минут двинуть свои отряды на нас.

А через два часа после этого пролилась первая солдатская кровь на Красной площади. Это была кровь наших товарищей двинцев, которых окружили юнкера.

За несколько минут до этого мы, сидя в Военно-Революционном Комитете, испытывали большие ко-

лебания. Никогда мое сердце так не трепетало, как в тот раз, когда приходилось решительно голосовать: отвергнуть ультиматум Рябцева или нет.

В комнате, где мы сидели, было светло, а вся Москва, казалось, тихо притаилась и стиснула зубы против нас, против солдатского муравейника в стенах Совета. Каждое шарканье стула об пол царапало нервы. К большим темным окнам, смотревшим в эту загадочную Москву, страшно было подходить. Чудилось, вдруг кто-то страшный подойдет, возьмет за плечи и спросит: что ты хочешь делать?

Товарищ председатель сосчитал голоса: *за* то, чтобы отвергнуть ультиматум Рябцева, большинство. Трезвые, твердые цифры голосов за и против убили колебания.

Почти в то же самое время затрещали отдаленные выстрелы на Красной площади. То, что мы решали здесь поднятием рук, там наши товарищи разрешили свинцом и своими жизнями.

— Так началось то великое московское сражение, которое тянулось семь дней и дало полную победу восставшим московским рабочим и крестьянам.

Солдаты в эти дни действовали не столько по нашим распоряжениям, сколько по массовой своей мудрости.

— Куда вы идете?—спросил я однажды солдат, увидав, как они строятся на Скобелевской площади в ряды.

— А вон там, в Брюсовском переулке нашим немного худо, так мы им наподмогу.

— Кто же вам приказал?

— Не знаю.

И буквально никто из них не знал, кто же именно приказал выступать,—так сами и выступали.

Не могу теперь в точности вспомнить, как прошел первый день, второй, третий. События этой боевой недели, даже лица почти совершенно изгладились из памяти от непомерного напряжения, от нечеловеческих усилий, от сплошного отсутствия сна.

Впрочем, не могу забыть т. Реутова, погибшего у Никитских Ворот, тов. Павлова, раненого выстрелом из подворотни, а впоследствии застрелившегося. Левого эсера Саблина, с двадцатью пятью солдатами отвоевавшего дом градоначальства и взявшего в плен около трехсот белогвардейцев.

Я подверг допросу пленных, желая отмежевать истинных белогвардейцев от случайно попавших к нам. Ко мне привели высокого, худого, очень молодого юнкера Александровского училища.

Юнкер ни о чем меня не просил, не дрожал в бессмысленном животном страхе, как другие. Ясно и твердо давал свои показания. Я кончил допрос.

— Скажите, пожалуйста, — обратился ко мне юнкер,—вот у вас на стене висит список состава вашего штаба. Там фамилия Перлин. Это не юнкер ли Александровского училища?

— Да. А вы его знаете?

— Зна...ю, ...знаю...— вдруг заговорил с надрывом высокий юноша. Не выдержал и сразу зарыдал.

- Да ведь я... — начал снова юнкер, ища обоими дрожащими руками в карманах шинели носовой платок:—да я, ведь, член той же группы большевиков-юнкеров, что и тов. Перлин. Только он успел бежать из училища к вам, а я нет. Вы, товарищ, и представить себе не сможете какие муки

пережил а оттого, что был насильственно против моей совести, против моих убеждений выставлен вместе с другими на убийство рабочих. Вы только поймите, что я—большевик!

Когда я вызвал т. Перлина, то радость для них обоих была неописуема. С той же минуты этот пленный юнкер остался работать с нами.

В это время чуть не с оружием в руках ворвался в штаб прапорщик Гнедов и накинулся на нас: дом у Никитских Ворот, где сидел его отряд, загорелся со всех сторон, подожженный юнкерами.

Гнедов бился в истерике и кричал:

— Там горят... там горят!.. Что вы сделали!..

Врач и сестра милосердия увели его куда-то, а наша храбрая пожарная дружина выручила из полымя весь отряд.

От нечеловеческой усталости, оттого, что притупились нервы в последние два, три дня, мне вдруг сделалось решительно все равно: разобьют нас юнкера или мы их разобьем. И это чувство безразличия охватило меня именно тогда, когда наша борьба была на переломе и когда мы, сидящие в Совете и стиснутые кольцом юнкеров, чувствовали под собой колебание почвы, чувствовали, как слабеют руки, чувствовали, что мы как-будто вместе со всеми отрядами наших товарищей-солдат скользим по роковому краю, на страшном острие, по одну сторону которого победа, по другую—смерть.

Многим в это время, менее уставшим, просто страшно было и сердце сжималось, а другим, уставшим и измотавшимся, было как-будто все равно.

Безразличие было полное. Я с тов. Янушевским пошел осматривать двор не будет ли возможным

в каком-нибудь месте провести подкоп для выхода хотя бы женщин и уноса документов.

Осмотрев стены двора, мы просто молча плюнули на эту затею и не стали прорывать подкопа. В период такого безразличия было нестрашно, абсолютно нестрашно и ничего ценного не было для нас.

Однажды днем из Столешникова переулка подкатил юнкерский броневик к Совету и ударил снарядом в угол здания. В одной из комнат стоял солдат и держал бомбу, просто рассматривая ее из любопытства. От неожиданности и грома, с которым ударил снаряд, руки солдата дрогнули, он выронил бомбу, которая разорвалась, легко ранив солдата и выхлестнув все окна в комнате Совета. Все сбежались в эту комнату. Переполох.

— Как же так подпустили броневик к самому Совету? - кричало много голосов.

Я вышел на улицу к товарищам-артиллеристам и узнал, что дело объяснялось очень просто. Наши артиллеристы, измученные и переживавшие чувство тупого безразличия, просто в буквальном смысле слова вздремнули у пушек; в это время броневик-то и подскочил. Конечно, в следующий момент наша артиллерия открыла огонь и броневик скрылся.

Подрыву энергии наших борцов способствовало то злосчастное перемирие, которое было заключено нами с Рябцевым. Оно увеличило кровопролитие, ибо для той и другой стороны оно было намеком на слабость.

В стане юнкеров озлобление против Рябцева за перемирие дошло до того, что в здании думы один из офицеров застрелился, а во всех пунктах их позиций юнкера не переставали обстреливать наших

Не молчали и наши. Нам, штабу, удалось лишь ненадолго остановить орудийный огонь. Ненадолго, потому что часа в три загремели пушки у Алексеевского училища, где руководил неукротимый и неудержимый т. Демидов.

Помню, как т. Яковлева, Варвара Николаевна, подошла ко мне и, разводя руками, с искорками гнева в глазах спросила:

— Что же это вы делаете? Ведь ваши пушки продолжают разносить Москву.

— Нет сил удержать солдат, — ответил я, — попробуйте поговорить с ними.

Чтобы подтвердить свои слова, я подошел к нашему полевому телефону, соединился с Лефортовским районом, вызвал Демидова.

В трубку было слышно, как ухнул снаряд:

...Бухх!

— Демидыч, прекрати немедленно огонь. Это распоряжение Комитета, будешь строго отвечать за неподчинение.

Но Демидов, при всей своей неукротимости не лишенный хитрости, отвечает протяжно:

— Не слы-шу!

Снаряд опять: бух!

— Именем Военно-Революционного Комитета приказываю тебе прекратить огонь!

...Бух!

— Ни чорта не слышу. Ты лучше пришли распоряжение письменно.

— Хорошо, Демидыч, я посылаю тебе человека на автомобиле.

И опять снаряд: бух!

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют. Лучше на лошади и в коляске.

— Как же ты теперь-то слышишь, что я тебе говорю?

— Так вот присылай, брат, распоряжение, мне некогда.

И трубку Демидов бросил.

Снаряды безудержно ухали. Мое распоряжение о прекращении огня, посланное верховым, достигло до Демидова тогда, когда суточное «перемирие» уже кончилось.

Помню, так же, как пошли укрощать наших и юнкеров на позицию у Никитских Ворот представители Викжеля и наш т. Савва-Степняк.

Переговорив с нашей стороны, эта «примирительная» комиссия направилась к юнкерам. Юнкера пропустили к себе представителей Викжеля, а когда узнали, что Савва-Степняк наш, какой-то юнкер взял да выстрелил в него. Раненый в голову, весь обвязанный т. Савва-Степняк возвратился к нам, а юнкера открыли огонь по нашим позициям, несмотря на «викжельские» усилия примирить непримиримых.

Бои еще продолжались два дня. Победа наша была полной.

Когда наши мирные делегаты поехали в думу подписывать мир, мы, грязные, неумытые, с воспаленными от бессонницы глазами сидели в комнате Военно-Революционного Комитета.

Рядом со мной на диване т. Розенгольц, наклонившись к моему плечу, тихо, устало и по-дружески сказал:

— Надо будет заготовить приказ, что Муралов назначается командиром... или нет, комиссаром округа, а Рябцев должен ему сдать должность.

— Комиссаром или командующим? — спросил я

— Комиссаром округа, но это и значит командующим.

«Командующим», комиссаром», думал я, и ничего не понимал, потому что большое дело делалось так просто. Напишу я своими каракулями: «сдать», «назначается», будет это голосоваться—и вот вам новая власть. Не верилось. Скорее я склонен был думать, что т. Розенгольц немного переутомился и как бы в полусне начинает заговариваться. Ну, пусть его заговаривается. Возьму да напишу.—Написал. Барышня на машинке отхлопала этот приказ. Потом его голосовали, и т. Муралов стал не Муралов, а командующий округом.

Через час т. Муралов стоял уже во дворе Совета около автомобилей. Вокруг него стояли тт. Коган, Саблин, Лопашев, я и еще несколько товарищей. Все мы толкались в ожидании автомобилей.

Т. Муралов будто от нечего делать, ткнув пальцем в сторону Лопашева, спросил:

— Ну, вы какую должность будете нести?

— А там, кажется, есть должность «дежурный генерал»—сказал кто-то.

— Ха-ха-ха «дежурный генерал»,—весело хохотали все.

— Ну, ладно,—заключил т. Муралов,— вы будете дежурным генералом.

— А я у тебя буду генералом для поручений, хочешь?—спросил т. Коган Муралова.

— Вали!—ответил Муралов.

И поехали мы на двух автомобилях в Александровское училище, а оттуда в Штаб. Подходя к Штабу с Всеволжского переулка, мы натолкнулись на генерала, служившего при Рябцеве Генерал знал Муралова

— Здравствуйте, т. Муралов!—сказал он, а где бы, не знаете ли, я хотел бы попросить вас, где я могу увидеть ко... ко... это, как его, комиссара округа.

— Я—комиссар округа,—ответил Муралов.

— Вы?... Очень, очень приятно. Простите, а командующий?

— Я—комиссар,—еще раз подтвердил недоумевающий Муралов.

— Да это то же самое, что командующий. Это—командующий,—вмешался я.

— Ах, вот как!—генерал совсем растаял. Очень приятно, весьма приятно! говорил он и козырял.

Мы толпой проследовали в Штаб через двор.

В Штабе все комнаты были пусты и забаррикадированы грудами пыльных бумаг и синих папок с унылыми надписями казенного образца: «Дело». Окна разбиты, мебель в беспорядке расшвыряна. Два—три сонных писаря и какой-то седоватый полковник.

Вот все, что нам досталось от Рябцева.

На другой день были готовы приказы о назначении всех руководителей Штаба сообразно тому «распределению», которое делалось очень незатейливо во дворе Совета.

Так была создана новая военная власть. Создана была просто, естественно, даже не создана, а рождена движением, и, как всякое естественное рождение, омыта кровью.

А. Аросев.

В Военно-Революционном Комитете

Обращаясь мысленно к прошлому октябрю, вспоминаешь знаменитую ночь пред образованием Военно-Революционного Комитета... Заседание Исполнительного Комитета в Канцелярии Московского Совета. Председательствует т. Ногин. Атмосфера напряженная, вот-вот грянет буря... Меньшевики и правые эс-эры произносят громовые речи, тут и всегдашний «пафос» Исуфа, говорящего голосом «пророка» и выкрики ничтожного правого эс-эра Шмерлинга и маложизненные речи Гельфгота и Ратнера. Тут и обвинение в демагогии, и в желании «устроить восстание» и т. д. Внезапно появляется депутация от воинских частей. Революционным под'емом и энтузиазмом дышат их речи, в их лице слышится голос массы, будущего Творца Великой Октябрьской Революции...

Напрасны были ядовитые заявления правого сектора, солдаты держались торжественно и правдой дышали их слова, когда они говорили:

— Не верим мы Рудневу и Рябцеву; 56-й полк не уйдет из арсенала, он чувствует ловушку и не позволит ввести юнкеров в Кремль для охраны его.

Вспоминается фигура Будзинского, который произносит громовую речь. Депутация от полковых

комитетов все увеличивается, все новые и новые части присоединяются к общему голосу.

Заседание кончается, страсти разгорелись, правые и левые расстаются врагами, каждый чувствует, что этот состав Исполнительного Комитета умер и не воскреснет...

Ночь туманная, огни, горят контрольные лампочки, а в другой половине, где заседает вторую уже ночь Военно-Революционный комитет, кипит и бьет ключем жизнь...

Тут формируются отряды, делегаты воинских частей, представители красной гвардии, против которой так воевали меньшевики и правые эс-эры. В соседней комнате стучат машинки, никто не думает о сне, все бодрствуют... Чувствуется, что эта ночь будет роковой... В Военно Революционном Комитете всего два меньшевика: Николаев (рабочий) и Трифонов, как-то бочком ходят они, подозрительно поглядывая на всех. Накануне меньшевики подали заявление, что, мол, все решается без них. Тейтельбаум (бывший большевик, а затем об'единенец) и двое указанных выше, заявляют, что их ставят уже лицом к лицу перед готовыми решениями. Тейтельбаум ушел и в эту ночь остался Трифонов-рабочий... И он косится на все приготовления, а на другое утро меньшевики ушли, и навсегда.

А ночь была тревожная... Никто почти не спит, — а это вторая уже ночь, — бодрствуют члены Военно - Революционного Комитета... Прохожу по зданию... Сдержанные речи... Солдаты расположились наверху в комнате.

То тут, то там ставятся в окна пулеметы, солдаты заснули на канцелярских столах и прям

на полу... Строгие лица, у некоторых в движениях такое спокойствие, что завидуешь... Чувствуешь, что эти люди привыкли стоять перед опасностью и в то же самое время знаешь, что это первые части, сознательно пришедшие к Совету и что они знают, на что они пошли...

Наверху в комнатах, где были «Известия» расположилась красная гвардия, там тоже охрана, районы двинули свои отряды, их вооружают, частью отправляют на места...

Совет превращается в военный лагерь...

Мы знаем, что Ногин и Стуков поехали к Рябцеву, должно произойти якобы соглашение на замену 56-го полка иным полком для охраны арсенала... Нам сообщают, что депутация вернулась и что нашим пришлось пройти сквозь «строй юнкеров», которые до такой степени были враждебно настроены, что Рябцеву пришлось лично проводить к автомобилю наших товарищей. Юнкера вышли из повиновения Рябцева. История повторяется... Уже тогда стали выявляться две партии: чистейшая контр-революция, так-называемые корниловцы, юнкера и офицеры и контр-революция прикрытая: правые эс-эры, заседавшие в Думе с Рудневым во главе. И с самого начала у этой компании начались трения. Юнкера требовали немедленного ареста Военно-Револ. Комитета, роспуска Совета и военной диктатуры, правые эс-эры очень хотели арестовать Военно-Революционный Комитет, но из лицемерия сваливали все на юнкеров. Ночью говорили о самоубийстве одного юнкера в Думе, некоторые товарищи рассказывали, что тело его долго не убирали, и что это сгущало напряженную атмосферу Пока

меньшевики и эс-еры — центровики философствовали, обе стороны готовились к бою.

Утро... Кое-как вздремнули товарищи... Вот лежит на столе Стуков, не спавший две ночи. Ломов задремал в кресле. Меньшевик Трифонов в последний раз спит на стуле Военно-Револ. Комитета, утром он заявил, что уходит. Солдаты стоят в очереди за кипятком; комнаты Совета неубраны, курьеры разбежались... Слышим, что 50-й полк окружен юнкерами, что Кремль занят... Заранее намеченный план белогвардейцев удался лишь частью. Дума ими переведена на военное положение... А к Совету подходят уже новые части. В районе, говорят, уже начались столкновения. Совет похож на осажденный лагерь... Лишних сотрудников мы удалили и просим остаться лишь тех. кто до конца останется на месте... В некоторых комнатах нижнего этажа устроен наскоро лазарет, здесь же формируются летучие отряды, в городе уже есть убитые... Готовят перевязочный материал... Наскоро устраиваются здесь же на полу и на столах койки.

Чувствуется, что положение серьезное. провианту мало, немного хлеба осталось в нашем хозяйственном отделе, немного с собою принесли и солдаты...

Да и, кроме хлеба. остального провианта мало...

Туманно, сумрачно на дворе, с трудом можно пробиться к Совету, дорога кругом оцеплена нашими патрулями.

Связь с районами слабая, положение неопределенное... Чувствуется, как круг все более и более с'уживается, ощущаешь всю опасность момента...

Внизу Военно Революционный Комитет. Вижу, как члены Комитета выходят с большими красными по

вязками на руках с надписью: «Член Военно Рев Ком.»...

И в этот момент казалось, что вот товарищи выйдут под расстрел и что пока они иначе поступить не могут...

Подымаюсь наверх к солдатам.

— Ничего не знаете, товарищ? спрашивает меня юный солдат.— И сколько было ожидания в его глазах.

Вдруг слышим снизу радостные крики. Узнаем, что подкатил к нам броневик, а за ним артиллерия... В этот момент мы были спасены. Как-будто светлее и радостнее стало от первого выстрела из пушки. С этого времени начались бои.

Лихорадочная работа закипела в Совете; тут уж по нескольку ночей не спали товарищи...

В особенности трудно было Смирнову, который руководил артиллерией. Он падал от усталости, участвуя в совещаниях часто в полудремотном состоянии.

К Совету стекаются делегации за делегациями, это — части с фронта посылают своих солдат; все говорят одно и то же.

— Слыхали, мол, многое, слухом земля полнится, и вот хотим, товарищи, узнать, как у вас дела. Организуем Информационный Отдел: тут и принимается информация с мест, и даются справки о нашем положении. Прибывают военные части с провиантом; эти уже присоединяются без всяких условий, они знают, на что они идут. Рядом склад патронов и оружия... Несут ящики со снарядами и тут же сваливают их...

А на улицах, говорят, кипит бой во всех районах. Звенят стекла от стоящей напротив пушки.

Е. Ли

В дни борьбы

(Осколки воспоминаний).

На улицах необыкновенное волнение. Издали слышится пальба. В соседней церкви звонят колокола. У паперти толпятся салопницы, вдовы титулярных советников, неверующие интеллигенты и истерические девицы. Все они с горячей мольбой смотрят на выставленные иконы. И, судя по тому, как поспешно церковнослужители выносят столы, установленные религиозно-нравственными книжками, в которых рассказывается о чудесах в решете, видя, как эту ерунду с поспешностью, в которой заметны движения кающихся, раскупают господа в котелках и дорогих шубах, дамочки в шляпах,—можно было безошибочно сказать, что все собравшиеся молятся о поражении большевиков и «даровании» победы юнкерам. Можно было предугадать будущих саботажников.

Город вымер, трамваи не ходят. На перекрестках улиц стоят солдаты. Если среди них замечаю штатскую куртку, могу безошибочно сказать, что это свои, и смело продолжаю свой путь; если же нет штатской куртки, то не надеюсь благополучно дойти до намеченной цели, сворачиваю в переулок и пред-

принимаю обходное движение. При помощи таких военных хитростей дохожу до Крымского моста, через который лежит мой путь к Замоскворечью.

Вход на мост запружен большой толпой. Тут какие-то бабы, барин на извозчике, несколько человек в поддевке. С большим трудом протискался через толпу и натыкаюсь на кордон. Стоят красногвардейцы и у каждого спрашивают пропуск Военно-Революционного Комитета. Такого пропуска у меня нет. Пред'являю Советское удостоверение. Долго его рассматривает бодрый старик, у которого за плечем виднеется винтовка, отходит в сторону, и мне бросается в глаза привязанная к винтовке веревка, заменяющая собою ремень. Он советуется с молодым парнем, слышу его резкий голос: „пропуск-то выдан соглашательским Советом. Нельзя!“

К мосту с противоположной стороны приближается еще группа красногвардейцев. Издали видно значительное количество товарищей. Тянет к ним, а вот не пропускают.

Я чувствую, как хорошо среди них. Доносятся бодрые голоса. Я знаю,—красное Замоскворечье не умеет унывать.

С грустью отхожу в сторону, и после краткого раздумья направляюсь в Совет. Долгими и скучными кажутся лица обывателей. Нетерпение и вместе с тем растерянность, злобу и дрябрость читаю на лицах торопливо переходящих улицу куда-то и зачем-то спешащих людей. Но вот и Чернышевский переулок. На углу со стороны Никитской стоит небольшая группа солдат и около них какой-то человек в поддевке. Последний убеждает солдат, что во всем виноваты «жиды». Молча слушают его солдаты, он приободрятся и продолжает. Неожиданно один из

солдат набрасывается на черносотенного агитатора, бьет его прикладом ружья и истерически кричит «уходи, замолчи!».

У меня нет пропуска Военно-Революционного Комитета (не успел запастись), а между тем мне надо попасть в центр. Переулками, через Горбатый мост я вышел на Кудрино. Местности не узнать. У Пресненской части, во дворе масса лошадей, артиллерии, снарядов и консервных коробок. Выезжает со двора артиллерия. Сидящего верхом на лошади покрыл туман, и наездник кажется не настоящим, а как-будто в театре. Слышится чья-то отрывистая команда, неожиданно круто поворачивают лошади. По двору несется верхом какой-то матрос.

Чуть пониже, у Зоологического сада стоит пушка. Здесь-же и патруль, очевидно, главный. Долго и горячо об'ясняю товарищу — почему у меня нет пропуска. Меня пропускают, предупреждая, что я вряд ли попаду в Совет.

Выхожу на Тверскую,—тихо и пустынно на улице, только иногда промчится автомобиль, наполненный вооруженными людьми. У всех у них лица воодушевленные, все они мне кажутся упругими, как пружина, у всех на лицах признаки напряженной воли.

Беспрепятственно дохожу до Страстной. Если бы не раздавшееся буханье из пушек, нельзя было бы и подумать, что я приближаюсь к Революционному Штабу.

Неожиданно совсем-совсем близко слышу залп из орудия. Пораженный, оглядываюсь по сторонам. Стоящий возле трамвайной будки солдат весело хохочет. Оказывается, пушка стоит возле памятника Пушкину.

Темным двором прохожу в типографию; красногвардейцы тщательно всматриваются в лицо и после контроля пропускают в помещающуюся рядом с наборной редакцию «Известий Военно-Революционного Комитета».

Гулко доносится к нам обстрел Кремля. Иногда получается впечатление свирепого дождя. Внимательно прислушивается к выстрелам М. Н. Покровский. В это время он мне кажется математиком, точно вычисляющим время падения старого мира.

Сосредоточенно пишет Скворцов Иван Иванович. Только изредка поднимает голову и добродушно скажет что-то хорошее. Исчезает куда-то внешняя суровость этого человека и вы изумляетесь, как могли ошибиться и не видеть бьющего наружу добродушия товарища.

Поздно-с.. Номер готов, сдан в набор. Нужно отправляться домой. Это легче сказать, чем сделать. На улицах темно, неожиданно предстает пред вами караульный и требует пропуска. Но чей же этот неведомый солдат: свой или чужой? Не знаешь, пред'явить ли ему пропуск домового или Военно-Революционного Комитета?

Переулками пробираюсь домой. Это удобнее. В переулках редко бывала стрельба, но все же бывала. В предпоследнюю ночь вооруженной борьбы, возвращаясь домой, я встретился с группой лиц, шедших в одном со мной направлении. В начале одного из переулков нас обыскали советские патрули и пропустили, и когда приближались мы к концу переулка, то в нашу сторону раздались два выстрела. Мы шарахнулись и запрятались в нишу у ворот

дома. Прошло несколько томительных минут. Бывшие с нами женщины, волнуясь, начали громко разговаривать. Мы шопотом приказываем им молчать.

— Эй, там кто есть, выходи, а то стрелять буду,— раздался окрик из темноты.

Мы вышли.

— Не сразу, подходи, в одиночку.

Торопливо, стараясь быть предупредительными, вышли женщины, а за ними мужчины.

После обыска солдат спросил пропуск. Я знал, что в этом районе сидят юнкера и ударники и пред'явил удостоверение домового комитета.

— Ладно, сказал солдат, пойдешь в училище.

— Куда? В какое училище? Да я же рядом с домом!

— В Александровское, там рассудят, нечего поздно шляться... Отведи, сказал он, обращаясь к своему сотоварищу.

Я иду с солдатом. По дороге убеждаю его, что глупо арестовывать меня у самого дома. В начале он суров, но потом слышу в голосе колебания. Не говоря лишних слов, сую ему в руку десятку. У переулка он говорит—уходи. Мигом сворачиваю, раздается выстрел в воздух... Я переулками подхожу к дому с противоположной стороны.

Злобой дышет домовый комитет. Наиболее активные из тех, кто не примкнул к юнкерам, вымещают злобу на детях Советских работников. Инженер, запугивая во дворе мальчика, говорит, что юнкера быстро расправятся с Советскими работниками... На ребенке сводил этот господин политические счеты.

На лестнице собрались квартирантки; устроили мещанский митинг и выражают полнейшее доверие

юнкерам. Меня окружают и спрашивают— скоро ли кончится это «безобразие». Я вижу ненависть в их глазах, я чувствую, что заранее они одобрят все жестокости в случае поражения большевиков.

Студия Художественного театра. Идет «Потоп». Сидящая рядом девушка обращается к своему соседу и говорит: „да, как в октябре, у нас дома на Пречистенке“.

Ошибаетесь, сударыня,—думаю про себя. На сцене изображается, как в людях, которым угрожала смерть, пробудились лучшие стороны их натуры. В октябре же среди обитателей Пречистенки, Арбата и всего юнкерского стана пробудился бешеный зверь, к счастью, трудящиеся во время прикончили с ним.

Виктор.

Как и почему я сдал Кремль.

В 12 ч. ночи на 28-ое октября рота 193-го полка была выстроена для выхода в свои казармы и стояла часа два. В виду того, что юнкера не уходили, я приказал разойтись роте на ночлег и ждать. Часам к 7—8 утра юнкера ушли. Разведка донесла, что нет ни юнкеров, ни казаков. Часам к 10—$10^1/_2$ рота 193 п. ушла. Троицкие ворота через калитку пропускали. Разведка сообщила, что юнкера собираются в ночь с пятницы на субботу во что бы то ни стало взять Кремль. Это было решено собранием юнкеров в Александровском училище. Стали готовить пулеметы. Взял 12 пулеметов и расставил к воротам по стенам для охраны Кремля. Часов в 8 вечера Кремль закрыл наглухо. Это было в то время, когда Рябцев дал 15 м. Военно-Рев. Ком. и поставил ультиматум.

Часам к 9 веч. Кремль был уже окружен юнкерами. Первый залп из пулеметов и винтовок со стороны юнкеров прогремел приблизительно в 10 часов ночи. Я отдал приказ не отвечать на огонь до тех пор, пока не будет крайней необходимости, то-есть, когда юнкера станут врываться. К 12 ч. стрельба кончилась, с нашей стороны не было сделано ни одного выстрела из пулеметов.

Из солдат было ранено трое. Повидимому, в то же время у юнкеров была стычка с кем-то за Кремлем.

После 12 час. ночи на субботу раздались первые орудийные выстрелы из бомбометов и 3-дюйм. орудия со стороны юнкеров по направлению к Спасской башне.

По телефону сообщили мне, что 55 полк у Чугунного моста и 251 полк движется к Лубянской площади. И по выстрелам в городе можно было судить, что юнкера уже столкнулись с ними.

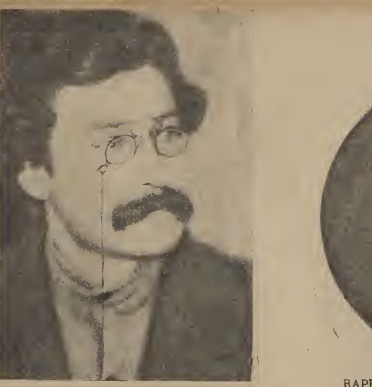
Слышны были артиллерийские выстрелы (наша артиллерия не стреляла). Часть снарядов попадала в Кремль. Приблизительно в $3^{1}/_{2}$ ч. ночи перестрелка прекратилась. К этому времени прекратилось и телефонное сообщение, так что я был отрезан. Выстрелы стихали, часам к шести все было спокойно.

Приблизительно в $7^{1}/_{2}$ ч. утра солдат из команды броневиков потребовал меня к команде офицеров броневиков. Одни из броневиков стояли уже, к моему удивлению, наготове. 2 офицера (2 брата) сообщили мне, что вся Москва в руках командующего войсками, что весь гарнизон сдался и обезоружен, в том числе и 1-ая артиллерийская бригада, что командующий войсками занял почту, телеграф и все вокзалы, что солдатам обеспечивается полная неприкосновенность личности и командующий войсками требует сдачи Кремля. Офицеры и представители команды дали мне слово, что они выступать против меня не будут, что они ничего не знают и просили только пропустить их к Совету, чтобы узнать, что это за Военно-Революционный Комитет

Офицер пошел переговорить по телефону еще раз лично, и Рябцев заявил: «Разговор короток: все войска разоружены уже мною, я требую немедленного, безусловного подчинения. Требую немедленной сдачи Кремля.

Вся внешняя обстановка: затишье в городе, отсутствие связи с центром, благодаря перерыву связи с Советом (Центр. станция телефона не соединяла меня с Советом),—все это заставило меня подумать, что офицер броневиков говорит правду. Не расчитывая, что имею возможность силами одного Кремлевского гарнизона продержаться, я решил подчиниться приказу и сдать Кремль, чтоб спасти солдат от расстрела, избегнуть бессмысленного пролития крови солдат. Я знал, что моя участь все равно горька.

Рябцев дал мне сроку 25 минут, чтобы открыть Троицкие, Боровицкие ворота, у ворот поставить 5 невооруженных солдат в качестве заложников, снять все посты и караулы, сложить оружие и выстроить всех людей к памятнику Александра II. В противном случае, он угрожал открыть орудийную пальбу. Я сказал: «подчиняюсь вашему приказу». Направился немедленно к Троицким воротам, об'яснил караулу у Троицких ворот положение вещей и просил сложить оружие. Сообщил все собранию ротных комитетов; солдаты отвечали отказом. Они заявили: «Нет, господин комиссар, мы Кремля не сдадим, нам все равно погибать, так лучше погибнем с оружием в руках». Когда я повторил свои убеждения, один из солдат с испуганным лицом крикнул на меня: «изменник!» И бросился на меня с винтовкой. Я сказал: «стреляйте». Я повторил три раза это требование. Солдат успокоился. И



ЕМЕЛЬЯН ЯРОСЛАВСКИЙ.

Член Военно-Революционного Комитета в октябре. Комиссар Московского Военно-Окружного Комиссариата в настоящее время.

ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА ЯКОВЛЕВА.

Член боевого партийного центра.

В. Ф. ВЛАДИМИРСКИЙ (КАМСКИЙ).
Член боевого партийного центра.

ОСИП ПЯТНИЦКИЙ.
Член «партийного центра» (пятерка) в октябре.

стил винтовку. После этого солдаты сложили оружие и разошлись по казарме.

Я отправился к Боровицким воротам и открыл их.

У Боровицких ворот стояли невдалеке юнкера с винтовками «на изготовку», с пулеметами и 1 орудием. Уже издали кричали мне: «шашку долой». Подбежали два офицера, сорвали погоны, третий выхватил шашку, вырвали револьвер, какой-то офицер ударил меня по лицу. Я увидел командира их, какого-то генерал-лейтенанта и сказал ему, что еще не все караулы сняты мною, просил не пускать юнкеров в Кремль. Я пошел в Кремль, окруженный офицерами и юнкерами. Когда я вошел в Кремль, какой-то морской офицер с криком: «а, большевик, вы в Петрограде нас расстреливали»,—стал избивать меня. Я упал. Поднявшись, я просил, во избежание лишнего кровопролития, позволить мне снять посты у Никольских и Спасских ворот. У Спасских ворот я уже слышал, что трещит на Сенатской площади пулемет. Ко мне были приставлены 3 юнкера и офицер для охраны. От Спасских ворот, когда я пошел к Сенатской площади, я увидел своих солдат, выстроенными на Сенатской площади без оружия. Часа два, приблизительно, меня держали под охраной юнкеров, у ящиков с винтовками. Кругом трещали пулеметы в Кремле: юнкера стреляли. Когда меня повели в казармы 56 полка, я увидел у ворот арсенала убитых и раненых, которые мучились от боли, — их было человек 15 убитых и раненых.

Меня ввели в комнату дежурного офицера 56-го полка; мне разрешили сесть. Я был так утомлен после трех бессонных ночей, что тотчас же, сидя, заснул. Проснувшись, я увидел офицеров, среди

их командира 56-го полка, полковника Пекарского, который сказал мне: «Ах, вот вы. Я удивляюсь, как вас не убили, вас убить следует». Потом, обратившись к другим офицерам, сказал: «Между прочим—это очень способный человек, только на все дурное». После этого меня повели на главную дворцовую гауптвахту. Меня обыскали, отобрали деньги и документы, потом деньги вернули, но документов не вернули ни одного.

Оскар Берзин.

Кремлевский расстрел

27-го октября у нас в Кремле было тихо, и работы в арсенале шли обычно. Кремль охранялся несколькими ротами 56 пехотного полка, перешедшего уже на сторону Военно-Революционной власти и, конечно, никто из нас не предполагал, что завтра нам придется пережить нечто ужасное.

В ночь на 28 октября послышались первые выстрелы, и вскоре нам всем стало известно, что юнкера ворвались в Кремль, сняв охрану войск 56 полка. В восемь часов утра, командир юнкеров, арестовав председателя и членов нашего комитета, приказал нам всем, солдатам арсенала, немедленно выстроиться около Троицких ворот, приготовив свои удостоверения о личности. Мы не отдавая себе отчета о происходящем, обезоруженные, не оказали и не могли оказать никакого сопротивления юнкерам, а самое главное - мы не допускали мысли, что нас людей, неимеющих в руках оружия, будут расстреливать. Даже тогда, когда мы построились в ряды и увидели направленные на нас три пулемета, которые стояли один у Троицких ворот, другой у казарм 56 полка и третий у Царь пушки, мы все-таки не верили, что это приготовлено для расстрела нас, безоружных.

Томительные, долгие три минуты рокового молчания были прерваны командой офицера: «Смирно! Руки по швам»! Мы застыли в ожидательной позе. Вскоре откуда-то один за другим раздалось несколько ружейных выстрелов, к которым присоединилась ураганная трескотня пулеметов. В наших рядах началась паника, слышались истерические крики и стоны раненых, люди падали, как подкошенные, а оставшиеся в живых спешили укрыться от этого дикого расстрела в стенах арсенала, но так как ворота арсенала были закрыты и для входа была оставлена лишь маленькая дверь, в которую с трудом могут пройти два человека, здесь произошло что-то ужасное, и скоро у входной двери образовалась гора барахтающихся людей, которые, давя друг друга, ползли, кто куда мог. В довершение этой жуткой картины откуда-то, один за другим, прогремели три орудийных выстрела, попавших в нашу людскую массу. Снаряды рвались, разрывая на куски наших солдат, обезображенные трупы летели в сторону казарм 56 полка и к Окружному Суду. Когда же стрельба значительно стихла, наш начальник склада, генерал Кайгородов, ходил по Сенатской площади и собирал оторванные снарядами руки, головы и бесформенные тела павших солдат, которых тотчас же в автомобилях скорой помощи куда-то увозили.

Около часа дня юнкера снова пришли к нам в арсенал, хотели было вновь выстроить нас отдельными кучками и подвергнуть вторичному расстрелу и лишь благодаря горячей просьбе генерала Кайгородова и с ним каких-то двух неизвестных офицеров,—озверелые юнкера ограничились тем, что, арестовав нас, препроводили в здание Окружного Суда.

учредив за нами строгую охрану. Генерал Кайгородов несколько раз просил юнкеров дать нам что-нибудь пообедать, но на его просьбу посыпались только колкие насмешки и ругательства.

В таком положении мы пробыли целые сутки без пищи. После этого нас отправили в казармы 56 полка, где нам выдавалось по четверти фунта хлеба в сутки и немного кипятку. Только в четверг, 2 ноября, мы услыхали радостную весть, что Кремль очищен от юнкеров, и мы освободились от плена, Генерал Кайгородов с ломом в руках и с небольшой кучкой солдат ходил по гауптвахтам, разбивал замки и выпускал на волю людей, арестованных юнкерами.

Вспоминая эту грустную историю расстрела безоружных людей, я спрашиваю себя: Не сон ли это? Не мучительный ли кошмар? К глубокому сожалению, это — горькая истина, о которой нельзя умолчать. Кто же расстреливал? Не наши враги — германцы и австрийцы, с которыми мы ведем войну, а воспитанные и образованные люди, — юнкера Алексеевского и Александровского военных училищ. Это позор, это—кровавое пятно, которое им с себя не смыть никогда.

Вечная вам память, мои дорогие, незабвенные товарищи! Вы сделались жертвами кровожадной расправы юнкеров, защитников буржуазии.

Солдат *Илья Носков.*

Как Москва пришла к октябрьским дням.

I.

Они нас давно не взлюбили. И с первых же дней февральско-мартовской революции начали против нас травлю.

Надо прямо признать: мы не заслуживали их любви и не старались снискать таковую. С первых же дней, как возникла наша печать,—а с марта по конец мая и «Известия Московского Совета», благодаря некоторым причинам, находились под нашим преобладающим влиянием,—мы не скрывали, как смотрим на очередные задачи и как понимаем общие задачи начавшейся революции.

«Долой войну» — было одним из первых наших очередных лозунгов на собраниях и в газетах. И уже в марте он об'единил против нас все силы, которые в ноябре выступили против нас сомкнутым строем. Нас была кучка, а противников так много, и они располагали таким громадным и налаженным аппаратом обработки голов, что нам на время пришлось убрать этот лозунг в его прямой форме, бьющей в самую точку. Мы его сняли со знамен демонстраций,—мы сняли его, но не оставили ни в собраниях, ни в газетах.

И за то, что мы не делали никаких уступок ни

патриотам, ни социал-патриотам, нам была обеспечена глубокая и прочная ненависть наших классовых противников.

Полный земельный переворот, конфискация и национализация всей помещичьей собственности,— это было и осталось одним из наших основных лозунгов. Наши классовые противники чувствовали, что этот лозунг знаменует громадное расширение и углубление революции, в котором она, смахнув феодальную собственность, пойдет дальше и не остановится перед буржуазною собственностью. И, трясясь за свои классовые привилегии, они не останавливались ни перед чем, чтобы мобилизовать против нас темные массы. Уже в апреле, мае бывали моменты, когда наши ораторы, начав свои об'яснения перед толпой на уличных митингах, заканчивали их в участках перед комиссаром милиции. И уже тогда бывали дни, когда заборы и стены покрывались десятками и сотнями тысяч плакатов, которые беззастенчиво лгали и клеветали на нас и наших товарищей.

Надвигалась глубокая революция. Но и медленно же она надвигалась. Много времени надо было ей для того, чтобы вскопать народные толщи и глубины. Наши противники уже снисходительно усмехались над нами, как над слепыми фанатиками и узкими сектантами. Да еще бы не усмехаться: 25 июня (старого стиля), по истечении 4-месячной революционной работы, на выборах в Городскую Думу мы получили всего 11% всех поданных голосов. Правда, наши приятели меньшевики, вопреки их и всеобщим ожиданиям, получили столько же. Но кадеты собрали 18%, а социалисты-революционеры 58% всех поданных голосов!

Против нас использовали во всю авантюристское наступление, начавшееся 18-го июня и временно пологревшее захватнические мечтания. Во всяком случае, наша тактика, наши требования, наши претензии казались смешными, так как они предполагали такую силу, какой за нами не было и, как хотели верить наши противники, никогда и не будет.

Медленно выростали наши силы и тяжело мы чувствовали себя временами. Многие товарищи никогда не забудут дней 3—5 июля. Это было, должно быть, к вечеру 5-го июня. В Капцовское училище, где тогда в трех-четырех комнатушках помещались все московские столичные, областные и окружные учреждения, партии и редакция «Социал-Демократа», сообщили, что на Скобелевской (теперешней Советской) площади и у памятника Пушкина собрались митинги черносотенцев, и что к Капцовке сейчас подойдет погромная толпа. Немедленно предложили всем женщинам оставить Капцовку, а сами — с парой дрянных револьверов десятка на 1½—2 человека — стали ждать глупых и низких погромщиков. Они не шли. Тогда несколько товарищей сами направились на Скобелевскую площадь к погромщикам. Потолкавшись в толпе, удалось быстро открыть, что положение вовсе не так остро. Погромные агитаторы были положительно глупы. При общем хохоте толпы, они сбивались на монархические ноты («я двадцать лет верой и правдой служил царю и отечеству»); нападки на большевиков у них слишком уж спешно переходили в нападки на Советы, в требование: пусть Советы вышвырнут большевиков, или же сами прекратят существование. Если-бы стоило

связываться с этой случайной по составу толпой, была бы, пожалуй, далеко не безнадежна попытка смирить погромных агитаторов.

В Капцовском училище говорили, что посланы товарищи на Ходынское поле, и что оттуда к вечеру придут наши воинские части, — тогда вся картина разом изменится. В ожидании их на Скобелевскую площадь были отправлены два товарища, которые должны были произнести речи. Долго, до сумерек ждали они. Приехала многочисленная команда самокатчиков. Нет, это — не наши. Эс-эр, член солдатского президиума Совета, принял самокатчиков и разместил их во дворе советского дома: для защиты то ли от нас, то ли от тех своих союзников, которые вели погромную агитацию на Скобелевской и Страстной площадях. Прибыли еще воинские части,—и тоже не к нам и не по нашему вызову.

С тяжелым чувством уходили товарищи. Что делается в Питере? Неужели Москва оставит своих товарищей без подмоги? И в особенности мучительно было переживать это товарищам, которые помнили, как Москва 1905 года до конца исполнила свой революционный долг.

Днем и ночью шли митинги. Кадеты в штатских и офицерских костюмах, в особенности последние, разражались против нас истерическими ругательствами. «Ленин»—было первым и последним словом их исступленных клеветнических выпадов.

Они делали с своей стороны все возможное для того, чтобы Ленин вырос в олицетворение великой революции, в колоссальную фигуру, если бы даже он раньше не был такой громадной фигурой.

Нашим товарищам снова стало невозможно показываться на уличных митингах. И, именно, потому, что они не показывались, уличные герои чувствовали себя победителями.

II.

В низах шла большая работа.

На Пасхе 1917 года состоялась первая общегородская конференция нашей партии. Мы начали, как продолжали. Своими постановлениями — решительно интернационалистскими, безоговорочно революционными, — мы окончательно «оттолкнули от себя» тех сотоварищей, которые еще в марте ковыляли за нами. Мы открыто и прямо сказали, что мы — только один из отрядов грядущей мировой революции, которая, как всемирный поток, обновит лик земли.

И чем больше нас травили и гнали, тем решительнее и бесповоротнее мы связывали свое дело и свои судьбы с делом и судьбами мировой пролетарской революции. И как раз потому, что человечество вступило в эпоху коренного переворота, в этой связи с мировой революцией были наша сила и наше спасение. Так оно и теперь осталось.

Мало нас было сначала. Но мы были тесно сплочены,—мы были едины.

И чем больше нас травили, тем тесней становилось единство и сплоченность.

Уже к концу лета 1917 года товарищей поражало, с каким настроением проходили на конференциях партии доклады и прения о возрождении пролетарского Интернационала. У совсем не нервных людей от глубокого волнения мурашки пробегали

по коже, когда на конференциях пели «Интернационал»: такая глубокая скорбь по бесславно погибшем покойнике, такая мощная пролетарская воля к его воскресению к *новой* жизни вкладывалась участниками конференций в исполнение,—а с чисто музыкальной точки зрения очень неважное.

За нас и для нас работало и правительство Керенского, представлявшее прямое издевательство над нашей революционной эпохой.

Уже к августу наметился поворот. На 12-е было назначено пресловутое «государственное совещание». В первых числах августа в Белом зале советского (бывш. ген.-губ.) дома было созвано совещание представителей всех профессиональных союзов. Оно почти единогласно постановило встретить государственное совещание—забастовкой.

Кадетские и соглашательские газеты лгали, когда уверяли, будто забастовка вовсе не удалась. Мало еще таких *всеобщих* забастовок видала Москва. Она показала, что в то время, как Советом владели эс-эры и меньшевики, вся рабочая Москва уже была за большевиками. Она показала, что советское большинство было узурпаторское большинство.

Маленькая частность. В «Метрополе», теперешнем 2-м Доме Советов, члены «государственного совещания» должны были обедать по удешевленной цене. Повара «Метрополя» забастовали и оставили членов совещания без обеда.

Надо прямо сказать: в конце августа, когда начался корниловский бунт, меньшевики и эс-эры струсили и растерялись. Для них было ясно, что если кто-нибудь и пользуется влиянием у солдат, так это отнюдь не они, а большевики. Начались

короткие дни ухаживаний за большевиками. Соглашатели хлопотали об освобождении большевистских агитаторов, засаженных в тюрьмы соглашательским правительством. Таким образом, они расписывались в том, что, удерживая за собою солдатскую часть Совета, они, демократы на словах, превратились в явных захватчиков.

Мы, ничтожная кучка мартовско-июльских дней, мы, близорукие сектанты, мы, слепые фанатики мировой революции, — мы явно делались силой.

В первых числах сентября в советском театре большевики созвали митинг. Все тогда говорили, что картина Б. Дмитровки перед этим митингом напоминала «шаляпинские» дни. И билеты на митинг (они продавались и не-членам партии) перепродавались поистинно «шаляпинским» ценам. Театр ломился от слушателей. Громадные толпы остались на улице, где сами собою возникли митинги.

Только от нас, гонимых и травимых, но не загнанных и не затравленных, только от нас, от начала до конца оставшихся верными революции, массы ожидали услышать слово истины, которое прорезало бы мрак и туманы, прикрывавшие отступничество нашей революции и ее подчинение господам старого мира.

III.

Мы, ничтожное меньшинство, не боялись сражений, — мы с развернутыми знаменами шли в сражения.

Наша фракция в Городской Думе была крошечной горсточкой: 22 из двухсот гласных. 116 во-

эров, поколебавшись немного, каждый раз оканчивали тем, что плелись за 35 кадетами. Городской голова г. Руднев, перед тем товарищ председателя в московском меньшевистско-эс-эрском совете, был политически - ничтожной марионеткой. Он прилагал все силы к тому, чтобы поддержать традиции прежних купеческих московских голов. Молебствием открылись занятия Думы,—но эс-эры отсутствовали на молебствии, так как в совещании старейшин наши представители протестовали против такого порядка открытия. Г. Руднев поспешил с визитом к ген. Корнилову, когда тот приехал в Москву, участвовал на открытии церковного собора и говорил там речи, против которых ни слова не возразили бы его славные предшественники: Алексеевы, Челноковы, Гучковы. Для него было важнее всего поддержать непрерывную преемственность. Больше всего он страшился революционного разрыва с прошлым. Выступая по званию городского головы, он каждый раз с серьезным и торжественным видом надевал на шею золотую цепь. Ему и его сотоварищам по партии невдомек было, что эта старинная цепь на нем имела глубокое символическое значение.

Первые же речи г.г. Руднева и Минора,— как и их позднейшие речи, — с изумительной полнотой были воспроизведены в буржуазных газетах. Кадеты говорили: «все живые силы страны должны быть представлены на государственном совещании»,—то же повторяли эс-эры. Кадеты грозили расправой «анархическому меньшинству»,- г. Руднев с сохраняемой от романовских времен цепью на шее повторял эти угрозы. Несчастный повторил их даже накануне той всеобщей забастовки, которою Москва приветствовала государственное совещание.

Наша фракция, не смущаясь своей малочисленностью, на удар отвечала ударом. С первых же дней она стала в центре ожесточенной борьбы. И вела эту борьбу с такою энергией, что перед большими думскими днями здание Думы осаждалось огромными толпами, которые стремились попасть на заседания. Кадетско-эс-эрская Дума ничего не сделала для увеличения числа мест для публики. Но в дни больших заседаний к Думе неизменно вызывались наряды пеших и конных милиционеров.

Наша фракция не ограничивалась обороной. Она шла в революционное наступление. При дружных протестах кадетов, эс-эров и меньшевиков мы вносили одно за другим наши практические предложения: немедленная конфискация всех бывших владений дворцового ведомства и использование их в интересах бедноты; немедленный переход к городу всех церковных и монастырских владений и капиталов; проведение своего рода карточной системы по отношению к жилым помещениям. Словом, наша фракция уже в июле-августе требовала многое из того, что потом стала осуществлять рабоче-крестьянская власть.

Думское большинство и в особенности кадеты ненавидели нас за то, что они уже тогда ясно видели, что мы не просто говорим, но, когда власть перейдет к нам, и станем действовать так, как говорим. Тем сильнее приковывалось к нам внимание масс.

В большие думские дни разросся запрос нашей фракции о введении смертной казни *для солдат на фронте.*

Билеты на вход публики в заседания распределялись соответственно численности фракций. Следо

вательно, через большевиков распределялась только девятая часть всех мест для публики, через кадетов и эс-эров — три четверти. Тем не менее трибуны страстно, бурно и грозно протестовали против лицемерных эс-эрских речей.

Церетели как-то издевался над большевиками, будто в июле они не возвысили своего голоса против смертной казни для солдат. Это — неправда. Московская думская фракция большевиков *заставила* эс-эров быстро, в спешном порядке, поставить этот вопрос. После этого он был вынесен на митинги; в конце-концов, тогдашнему советскому большинству пришлось поставить его и в Совете.

Бурными столкновениями ознаменовались и заседания, на которых обсуждались конфликты между городскими служащими и рабочими. Наша фракция решительно стала на сторону рабочих. В октябрьско-ноябрьские дни и в последующие месяцы городские рабочие стояли в передовых рядах, которые сначала сражались с белогвардейцами, а потом сламывали саботаж и забастовку служащих. В сентябре-октябре они убедились, что наша партия станет все делать так, как она говорит.

24-го сентября происходили выборы в районные думы Москвы. Это был суд над тем, что делали мы в Совете, в партийных и профессиональных организациях, в армии, в Городской Думе,—повсюду. Прошло всего три месяца с того дня, как за нас высказалась всего девятая часть голосовавших. Теперь за нас было подано *более половины* всех голосов. Меньшевики были совершенно разбиты,—почти совершенно исчезли. Эс-эры растаяли до того, что провели маленькие кучки своих гласных. Сильно выросли кадеты. Уже в сентябре, за месяц до боє

вых столкновений, произошло то отчетливое размежевание, которое с такой удивительной ясностью разделило Москву на две части. Уже в сентябре соглашатели фактически превратились в подголосков белой гвардии.

На последнем заседании Городской Думы, в те часы, когда в Петербурге уже гремели выстрелы, оратор нашей фракции с полным правом сказал, обращаясь к г. Рудневу: «Вы и ваша партия не имеете права говорить от имени московского населения. Большинство высказалось против вас, не за вами, а за нами стоит оно».

Уже в сентябре соотношение сил резко изменилось в нашу пользу. Октябрь еще больше усилил нас. Исход столкновения, начавшегося с Петербурга и перекинувшегося в Москву, был предрешен.

И. Степанов.

Страничка из деятельности военно-технического бюро.

В предоктябрьские дни, когда всеми нами остро чувствовалась, надвигающаяся гроза, я находился на заводе Михельсона в Москве. По воле судеб и правительства Керенского был я в то время, так же, как и в годы царского режима, нелегальным, скрываясь от взоров агентов контр-разведки Керенского среди рабочих этого завода. Завод был большевистский с первых дней мартовской революции,—краса и гордость Замоскворечья. В нашем тесном кружке на заводе мы с глубоким волнением обсуждали вопросы, связанные с выступлением Неизбежность его была для всех очевидна и об этом не было споров. Волновал и беспокоил вопрос о вооружении рабочих. Оружия было очень мало. Часть его была отобрана у рабочих московским градоправителем из социал-демократов—Никитиным; часть же мы успели запрятать, заделав в стену. Но что значило несколько десятков винтовок, когда надо было вооружить рабочую массу! Надежды возлагались, и не напрасные, на стоявший рядом 55-ый полк Он находился все время под нашим непосредственным влиянием, а в последние дни мы вошли с ним в самый тесный контакт. С какой внимательностью

относились рабочие к солдатам, чувствуя в них самых близких и верных союзников, видно из того, что со всеми своими нуждами солдаты обращались к нам. И мы никогда не отказывали, стараясь удовлетворять их полностью. Но, надеясь на солдат, мы ни на минуту не забывали о том, что в предстоящих битвах рабочим все же придется сыграть решающую и самую активную роль.

Невольно возникала мысль, если нет винтовок, если их трудно достать, то нельзя ли вооружить рабочих гранатами и бомбами, приготовление которых не представляло большого труда. Среди нас были старые боевики-поляки, которые разработали план нападения на стоявшие невдалеке юнкерские школы, пользуясь только бомбами и гранатами. Оболочки на заводе приготовить было нетрудно, но достать взрывчатых веществ было нелегко. Немедленно завязали сношения с заводом Второва, где происходила работа по снаряжению гранат. И вот темной ночью, условившись предварительно со второвскими рабочими, небольшая наша группа подошла ко Второвскому заводу. Подали условный сигнал, и над забором показался один ящик, потом другой, которые мы осторожно сняли и увезли к себе.

Так началась наша работа по вооружению рабочих нашего завода.

Как всегда бывает, мы думали, что ведем эту работу только мы одни. Мы негодовали на бездеятельность наших партийных центров, не предполагая, что и там ведется такая же работа в Московском масштабе. Моск. Комитет оказывается выбрал техническое бюро, задачей которого было вооружение рабочих. Узнав об этом, мы немедленно принялись ра-

зыскивать это бюро. И вот в один из первых дней октября является на завод т. Пече и вызывает меня. Оказывается, он-то и является представителем этого военно-технич. бюро. Немедленно мы условились с ним о дне и часе совещания, которое должно выработать план приготовления ручных гранат в большом количестве и снабжения ими московских рабочих.

Совещание состоялось через день на моей квартире. В небольшой комнатке собралось нас человек пять: тов. Пече, Л. Пан, Николай и я. Совещание длилось недолго. Мы рассмотрели принесенные формы ручных гранат и бомб, и выбрали из них две или три наиболее легко приготовляемые. Тут же условились и о центре, где будет сосредоточена выработка и склад. Этот вопрос вызвал небольшие прения. Помню, как т. Пече настаивал на том, чтобы снять в центре города квартиру и там производить всю работу по снаряжению и начинке гранат. Мы возражали.

«Условия конспирации, говорили мы, не те, что раньше. Агенты правительства очень легко могут открыть эту квартиру, в то время, как на завод они сунуться не посмеют. Да и переправка готовых оболочек с завода в центр города крайне затруднительна и может быть легко обнаружена».

В конце концов, мы решили устроить центр в нашем заводском клубе. Кроме того, было решено организовать такой же, только районный центр, в Хамовниках, и эту работу взял на себя т. Л.

После совещания мы немедленно принялись за работу. Тов. Пан был отправлен на пороховой завод во Владимирскую губернию за пироксилином. Мы же занялись изготовлением оболочек. В модель-

ной мастерской были сделаны модели гранат, необходимые для отливки. Но самая отливка вызвала неожиданные трудности. Ее надо было производить так, чтобы не была обнаружена ни мастером, ни инженером. Литье же их в большом количестве, несомненно, было бы обнаружено.

Это препятствие поставило, было, нас совершенно в тупик и мы уже начали приходить в отчаяние. Но выручил один из товарищей-литейщиков, являвшийся впоследствии самым активным работником по литью оболочек. Он предложил приготовлять в каждую смену не более 20 штук, формовку которых он брался разместить так, чтобы ее не заметило заводское начальство. Он сейчас же, не жалея себя, принялся за работу.

Сколько, помню, было радости, когда были готовы первые оболочки! Обточка и нарезка отлитых оболочек производилась слесарями в мастерской, начинку же взяли на себя я и Пан. Ни он, ни я не были хорошо знакомы с конструкцией гранат, а тем более с процессом начинки. Но все же мы взялись за работу, рискуя каждую минуту от неосторожного обращения и неумения взлететь на воздух.

Особенно опасно было производить запайку начиненных гранат артиллерийского образца.

По начиненной пироксилином оболочке мы проводили быстро раскаленным паяльником и сейчас же это место охлаждали мокрой тряпкой. Когда об этом узнал один из товарищей-специалистов (т. Штродах), он пришел в ужас и удивлялся, как мы не взлетели на воздух.

Когда первые гранаты были готовы, возник вопрос — годны ли они к употреблению, какова сила

их взрыва и проч. Поздней ночью мы отправились за город в Черемушки производить пробу. Ночь была темная. Время же тогда было очень неспокойное. То там, то тут раздавалась стрельба. То и дело обращались к нам отдельные работницы, а иногда и рабочие с просьбой проводить то до одной, то другой улицы или же завода. Мы, недолго думая, провожали их, боясь отказом вызвать какое-либо подозрение.

Так, провожая то одних, то других, мы дошли до авиационного завода Мотора. Совершенно неожиданно невдалеке раздалась сильная и продолжительная стрельба. Недолго думая, мы бросились бежать по направлению стрельбы, забыв, что в карманах у нас лежали совершенно снаряженные бомбы. Оказалось, что несколько милиционеров открыли стрельбу по каким-то мифическим грабителям. Когда мы прибежали к месту стрельбы, в глухой пустынный переулок, милиционеры остановили нас криком:

— «Держи, держи их! Вот они!»

Мы немедленно были окружены и милиционеры возымели желание нас арестовать. Положение было критическое. Выбросить бомбы нельзя было, боялись взрыва. Арест же влек за собой обыск и наш полный провал. Мы стали яростно ругаться с милиционерами, доказывая, что мы — красногвардейцы, которым Советом поручен обход, но никаких документов, подтверждающих это, пред'явить не могли по той простой причине, что их у нас не было. Это еще более усилило подозрение милиционеров и наш арест казался неизбежным.

Вокруг нас собрались редкие прохожие, повылезли из домов напуганные стрельбой обыватели. Легенда о каких-то грабителях принимала осязательную

форму, т. к. грабители, т. е. мы, были налицо. Начали раздаваться уже угрожающие возгласы. Дело было проиграно. Но совершенно случайно нас спасла какая-то женщина, подбежавшая к нашей группе с воплем и указывавшая на соседнюю чайную, в которой будто бы сидят грабители. Милиционеры бросили нас и открыли стрельбу по чайной, собравшаяся публика разбежалась; мы же, пользуясь суматохой, немедленно скрылись.

Продолжать работу по пробе изготовленных нами гранат не представлялось возможным в эту ночь: окраина являла собою встревоженный улей. Утомленные, измученные мы вернулись в заводской клуб, пеняя на себя за свою излишнюю горячность и неосторожность.

Проба состоялось через несколько дней и дала вполне удовлетворительные результаты.

Работа после этого продолжалась еще интенсивнее до двадцатых чисел октября и было приготовлено до 300 гранат.

Р. Фельдман.

Городской район в октябрьские дни

На долю городского района, как центрального, выпала наиболее трудная и тяжелая задача—принять на себя удары юнкерских и белогвардейских банд, руководимых Рудневым и Рябцевым из здания Думы, превратившейся в октябрьские дни в черносотенный стан. И городской район задачу эту выполнил с честью.

Городской район в октябре прошлого года ютился в трактире Романова, против Сухаревой башни, в угловом доме, открытом для нападения с двух сторон; в стратегическом отношении позиция была самая невыгодная. Ни красной гвардии, ни оружия в распоряжении района, конечно, не было. Боевые действия, открывшиеся в Москве в ночь с пятницы на субботу 25 октября, застали наиболее видных деятелей района на общем собрании гласных районных дум, имевшем место в Сухаревском Народном Доме. Как только собранию стало известно, что рудневцы открыли военные действия, все члены бросились к своим районам.

Немедленно был организован в городском районе военно-революционный комитет, и в ту же ночь на Сухаревке были вырыты траншеи, воздвигнуты баррикады, на башне поставлены два пулемета, добы

тые от соседних полков и установлена связь с расквартированными вблизи 192, 251 и 56 полками. Последний был направлен в Кремль, а 192 и 251 предоставлены в распоряжение центра. В самом районе закипела работа по организации красной гвардии и снабжению ее оружием.

Оружие было доставлено от соседних полков, но в небольшом количестве; позднее были захвачены симоновские ружейные склады и оттуда городской район организовал снабжение центра и других районов.

Почту в самом начале захватили юнкера. Оттуда их пришлось выбивать, что было сделано в буквальном смысле горстью самоотверженных коммунистов. Телефонная станция охранялась караулом 56 полка, боровшегося на стороне советов, но охране станции не придавали особенного значения, и караул, в виду недостатка людей, был снят. Этим тотчас же воспользовались рудневцы и захватили станцию, введя впоследствии туда до 400 человек юнкеров и белогвардейцев. Эта опасность причинила району много хлопот; сделанная из железо-бетона станция была превращена юнкерами в «форт Шаброль» и сдалась лишь на 7-й или даже 8-й день борьбы. Хотя станция и не работала, но юнкера все время держали там телефонисток, и выпустили их только накануне своей сдачи. При взятии станции было захвачено 116 пленных, из которых многие оказались переодетыми в женские костюмы, и найдены большие запасы провизии, консервов и даже вина. Пленных торжественно доставил в центр случайно оказавшийся в то время в городском районе тов. Усиевич.

В первый день борьбы район не имел ни одного автомобиля. С помощью одного из шофферов, на-

конец, добыли автомобили, реквизировав гараж Земского Союза. Впоследствии, когда была занята почтовая контора, оттуда достали для нужд района несколько автомобилей, что дало возможность организовать более правильную охрану района и наладить снабжение продовольствием центра. Облегчили автомобили и поимку офицеров, которые массами в это время рыскали по городу в качестве разведчиков; их задерживали, обезоруживали и направляли в «Дрезден», где ко дню заключения перемирия накопилось несколько сот белогвардейцев. Для «генералов» в «Дрездене» была выделена даже особая комната.

Милиция, как известно, в октябрьские дни занимала нейтральную почву, очевидно, выжидая, на чью сторону склонятся чаши весов. Высший же административный персонал милиции явно был на стороне юнкеров и потом был смещен районом и заменен своими комиссарами на второй - третий день восстания.

Немало пришлось повозиться городскому району и с винными складами. В начале было не до них, и они оставались без охраны. Хитровцы и сухаревцы скоро воспользовались этим и в одном складе так перепились, что несколько человек буквально утонули в вине; пришлось уничтожать склады и, помнится, чуть ли не целый день ушел на битье бутылок и выливание вина из бочек. Затем начались грабежи и борьба с ними главной тяжестью легла на городской район. Громили склады, громили магазины, одна палатка на Сухаревой площади была разграблена до последней нитки. Патрули из красногвардейцев и солдат задерживали грабителей и доставляли их в район. На одном из громил нашли

четыре пальто, четыре пиджака, четверо брюк, молодец этот еле двигался под тяжестью награбленного...

Оглядываясь назад, просто поражаешься, как хватило сил справиться с выпавшей на долю большевиков задачей — придать массовому движению организованные формы. Забота же руководителей борьбы возможно меньше стеснить население доходила до того, что внутри баррикад и окопов на Сухаревой площади в первые дни борьбы был разрешен торг...

Большую услугу оказали району «двинцы» солдаты Двинского полка, содержавшиеся Рябцевым в тюрьме и освобожденные большевиками. Их самоотверженность и преданность делу революции должны быть особенно отмечены: двинцы направлялись в самые опасные пункты; плохо одетые, плохо накормленные, они по 12—14 и более часов бессменно несли караулы, и многие из них погибли славною смертью революционеров. То же приходится сказать и про некоторые части 56 полка, погибшие в Кремле при взятии его юнкерами. Общие же потери городского района в октябрьские дни достигают до 70 убитых и значительно больше того— раненых.

Слава павшим борцам за свободу,—красный стяг—на могилы героев!

Анютин.

Пять дней в плену.

В пятницу вечером 27-го октября, как известно, штаб Рябцева поставил Военно-Революционному Комитету свой ультиматум. Я был в это время в помещении Совета. Начались деятельные приготовления. Совет очищался от посторонней публики и всех тех, кто непосредственно не был связан с предстоящей работой. К помещению Совета стягивались те части войск, которыми он располагал и на которые мог опираться в предстоящей борьбе. Создавался вооруженный лагерь. Шли приготовления к началу боевых действий.

Из Совета мне несколько раз приходилось отлучаться по партийным и боевым поручениям. На другой день, после целого ряда путешествий по городу, попал я домой только к ночи.

Не пробыл я дома и часа, вдруг звонок. Слышу, вошло несколько человек, молодые голоса. Объясняются с ними мать и жена. Тон разговора повышается. Выхожу. Вижу—три юнкера, один из них за старшего. Физиономия, манера держаться—самые белогвардейские. У старшего вид смелый, несколько вызывающий, говорит резко, с обрывом. Выясняю в чем дело. Оказывается, пришли осмотреть помещение,—нет ли винтовок, пулеметов. Обошли ком-

наты. Одна, где жил брат, оказалась запертой, брата дома не было — показалось подозрительным; хотели ломать дверь, но лойяльность брата была установлена домовым комитетом. Поверили. Вошли в мою комнату, бегло осмотрели. Старший был раздражен, — натолкнулся на резкий прием.

«Во всех квартирах», говорит, встречают приветливо, а у вас, — точно к большевикам пришли».

Последовала реплика жены, вызвавшая еще большее недовольство. Потребовали документы и стали проверять живущих в квартире по домовой книге. Секретарь домового комитета вертелся мелким бесом.

«Я вас подвергаю домашнему аресту и оставляю под ответственность домового комитета», говорит старший юнкер, обращаясь ко мне.

«Прошу его не выпускать до утра», бросает он секретарю комитета тоном, недопускающим возражений.

На лице секретаря лакейская почтительность к «власти» и полная готовность оправдать доверие. Я прошу пред'явить предписание, на основании которого действуют пришедшие.

«Я имею право так поступать», заявляет мне старший, на основании общих предписаний командующего войсками, никаких особых предписаний я не обязан пред'являть». Тот же безапелляционный тон.

Уходят. Я начинаю жалеть, что вернулся домой, что упустил из вида близость пятой школы прапорщиков. Не проходит и четверти часа, как опять звонок. Входят те же юнкера.

«По приказанию командующего войсками вы, как известный большевик, арестовываетесь», обращается ко мне старший. Я спрашиваю об ордере.

«Приказ отдан по телефону», получаю ответ.

Я подчиняюсь. Следует личный обыск, снова поверхностный осмотр комнаты, настолько поверхностный, что даже не замечают лежащего на комоде заряженного «Нагана». Попутно по моему адресу и по адресу большевиков, вообще, иронические и злобные выпады. Прощаюсь с родными, и меня уводят. На лестницу из квартиры выглядывают любопытствующие квартиранты. У многих на лицах разлито довольство по случаю уловления большевика. Приводят меня в школу напротив дома, где я жил, и помещают в арестантской,—небольшой комнате без окон на улицу.

Через несколько минут к большому окну, которое проделано в стене и которое выходит в обширную комнату, подходит какой-то прапорщик и несколько юнкеров. Завязывают со мной разговор. Просят об'яснить, зачем большевики подняли восстание, а не захотели ожидать Учредительного Собрания. Об'ясняю—агитирую.

«С арестованным не разговаривать», слышу окрик подошедшего старшего офицера. Окно захлопывается.

Дверь открывается и мне заявляют, что меня сейчас отправят в Александровское военное училище. Выхожу. Четыре юнкера становятся со всех сторон с ружьями наперевес.

«Если вздумает бежать, то, что делать, знаете,—смотрите-ж», слышу я напутствие.

Трогаемся в путь. Идем по Арбату. Встречаются отдельные фигуры прохожих, да заставы юнкеров. Окликают, двигаемся дальше. Почти у каждого дома дежурные члены домового комитета. Недалеко от училища вдруг раздается сильный взрыв, — летит световая ракета. Кругом темно и вот, повидимому, от времени до времени домовый ли комитет по соб-

ственному почину или пост юнкеров освещают окружающую местность, особенно, когда кто-либо приближается. Юнкера и я от неожиданности шарахаемся в сторону. Винтовки наизготове. Благополучно проходим мимо. Приближаемся к училищу, к месту главного штаба противника. Кругом усиленный патруль. Повременам слышится стрельба. Вводят меня в первую от входа ярко освещенную комнату. Большое оживление, движение. Много военных, почти исключительно офицерство всех рангов. Значительное число штатских, среди последних порядочно дам буржуазного вида. Люди сидят, стоят, входят и выходят, отдают распоряжения, приводят и уводят.

Посмотрел я и подумал, работа у них кипит, по крайней мере, по внешнему виду, куда быстрее, чем у нас. Я задержался в этой комнате на несколько минут, пока старший конвоя что-то рапортовал какому-то офицерскому чину. Этот старший был все тот же юнкер, который пришел в квартиру меня арестовать.

Наконец, откуда-то выскочил фертик-офицер, штабс-капитан, блондин с бородкой клинушком, с бегающими глазками и с ухарски-подкрученными усиками. Мой конвоир доложил этому штабс-капитану обо мне, сообщив попутно, что их, юнкеров, очень нелюбезно встретили в нашей квартире. Затем я был проведен в соседний коридор; здесь тоже задержали на некоторое время. Охрану несли все те же юнкера. Я поглядывал по сторонам. Сновала самая разнообразная публика. Вдруг смотрю из одной комнаты показывается знакомая фигура и идет мимо. Я окликаю: «Вот при каких условиях приходится встречаться», говорю я. В мою сторону

обращается заспанное лицо одного из видных членов президиума тогдашнего меньшевистско-эсеровского Совета солдатских депутатов, эсера Шубникова. По наивности или от неожиданности встречи я почему-то вначале подумал, не арестован ли он юнкерами, не постигла ли его такая же участь, как и меня.

Нет, через пару секунд все становится ясным. Он здесь свой человек и неслучайно попал сюда. Тесное сотрудничество. Несколько брошенных им фраз были сказаны вялым тоном. Взгляд сонных глаз был устремлен в пространство. «Я мало спал», долетают последние слова. Он исчез в какой-то боковой комнате. Больше я его не видел.

Потом меня повели куда-то коридорами. Поднимались на второй этаж. Проходили мимо многих комнат.

В большинстве из них было людно, шумно, всюду суетились юнкера, попадались студенты, гимназисты, курсистки, сестры милосердия и т. д. Шла деятельная работа во всех направлениях. Проносилось оружие, хлопали дверями. Меня сопровождал упомянутый выше штабс-капитан. Всю дорогу он пытался язвить и меня спровоцировать. Ругал, конечно, большевиков, говорил, что нам еще покажут, как продавать Россию немцам. Я осведомился, кто же ее продает?

«А ваш Ленин, а Троцкий», сыпал он, при чем слово Ленин он произносил, изменяя букву е на немецкое ö, и выходило больше Льонин, а не Ленин.

Наконец, они привели меня к столу, стоявшему в одном из многочисленных коридоров училища, за которым восседала толстая фигура полковника свинообразного вида. Полковник этот все время

покрикивал на окружающих. Он посмотрел на меня сверху вниз, когда штабс отрапортовал. «Рекомендую известный большевик», и назвал мою фамилию. «Вот птичка-то попалась». Произвели обыск, отобрали кой-какие вещи, и, по указанию полковника, отвели в ближайшую комнату.

В ней пока еще никого не было Между тем, арестованных уже приводили, и в соседних комнатах, судя по шуму, было довольно порядочно народа. Штабс-капитан указал мне в комнате определенное место и предложил отведенную мне лавку не покидать; двум юнкерам местного училища, поставленным на страже, он отдал при мне же приказ, строго следить за мной, сообщив, кто я.

Когда на следующий день стали приводить товарищей и я пытался с ними заговорить, то он врывался и, обращаясь к остальным тоном приказа, требовал, чтобы «с этим господином»,—указывал на меня, — «не разговаривать». Позднее я узнал, для кого предназначалась комната, куда меня поместили. Оказывается. сюда определили помещать самых серьезных, намечаемых к расстрелу.

Когда за стеной высоким фальцетом полковник провозглашал: «к немедленному расстрелу», «к ближайшему расстрелу», «в комнату для расстрела» и т. д., то мы, обреченные, уже знали, что нашего полку прибывает,—действительно, вводился новый товарищ или несколько товарищей.

Я в этой комнате очутился первым и, когда мне ее отвели, о расстреле мне ничего не сказали; всем позднейшим уже говорили.

Очутившись один и, оглядевшись, я стал прислушиваться к тому, что творилось вокруг. Было уже 10 часов вечера. О ближайшем будущем не

Г. И. ОППОКОВ (ЛОМОВ).

А. С. ВЕДЕРНИКОВ.
Член Военно-Революционного Комитета Октябрь 1917 г.

В. М. СМИРНОВ.
Член Военно-Революционного Комитета.
Октябрь 1917 г.

В. И. СОЛОВЬЕВ.
Член «партийного центра» (пятерка) в октябре.

хотелось думать. Над всем довольно неприятное чувство новизны положения. Чувствовалась усталость. Лег на лавку, хотел забыться и уснуть. От шума ночью несколько раз просыпался. Проводили арестованных по коридору. Где-то недалеко повременам раздавалась команда, щелкали затворы и проходили парами юнкера и белогвардейцы прочих мастей или для смены караула, или для отправки в «дело». Все это я наблюдал в окна двери. Когда я ворочался на лавке, дежурившие у двери юнкера не сводили с меня глаз. Так прошла первая ночь.

На утро, 29-го, в воскресенье, часам к 8-ми юнкер принес кружку чая и кусочек сахара. Вообще, кормили помалу и один раз в день, как в Александровском училище, так и, позднее, в Кремле, куда нас перевели потом. Чай подавали случайно. Юнкера утверждали, что нам, арестованным, дают то же, что и они получают сами.

Одиночество мое продолжалось часов до 12-ти утра. Потом стали наполнять мою комнату. Сперва привели двух латышей, затем еще двух: рабочего и мальчика. И так в течение этого и следующего дня комнату уплотнили человек до 30 - 35 самой разнообразной публикой по возрасту, по положению, — большинство было — молодежь, преобладали солдаты, немного оказалось красногвардейцев, попало 4—5 интеллигентов, остальные были рабочие. Почти все были задержаны неслучайно,—у кого нашли оружие, патроны, у кого оказались пропуска военно-революционного комитета.

Среди арестованных было несколько партийных большевиков. Здесь очутился один из партийных товарищей, которого я раньше знал, Мельничанский. В нашу же комнату попал один из делегатов

от Саратова на 2-ой с'езд Советов, приехавший из Петербурга и, задержанный в квартире своей сестры, т. Антонов, играющий в настоящее время видную роль в Совете гор. Саратова. Тут же был занимавший в начале нашей революции ответственные посты, а затем прославившийся, как авантюрист, известный Д. Но было несколько случайных человек. Особенно мне сейчас вспоминается один буржуазного вида молодой человек типа комиссионера, с нерусской фамилией, говоривший на ломаном языке.

Арестован он был, по его словам, за то, что открыл электричество, не завесив предварительно окна. В его поступке усмотрели сигнализацию. Он все ждал, что его немедленно освободят. И к каждому появляющемуся юнкеру или офицеру он обращался с неизменным вопросом, когда же его выпустят? Привели его поздно вечером 29-го. Он очень волновался. Когда ночью вошел в нашу комнату какой-то высокий чин, он бросился к нему и с умоляющим видом стал спрашивать о своей судьбе.

Высокая особа оглядела его с ног до головы и ошарашила несчастного словами:

«Что? Освободить? По отношению к вам речь идет о виселице!»

Бедняга так и осел. Он молча, как-то неслышно отпрянул, опустился на скамью и замер.

К каждому вновь приводимому товарищу я обращался с вопросами о том, что делается на воле, как наши дела и т. д., но встречал в большинстве случаев или угрюмое молчание, или ничего не значащий односложный ответ. Проходило некоторое время, прежде, чем вновь прибывший приходил в

себя и становился более или менее разговорчивым. Вначале, при появлении первых товарищей, я не мог себе уяснить причину их растерянности, чрезмерной сосредоточенности и даже подавленности, потом я понял. Магическое «к расстрелу», все чаще и чаще раздававшееся за стеной в коридоре, сделало для меня все ясным. Решительное, невызывающее сомнений «к расстрелу» сразу ошеломляло товарищей и это приводило их в несколько необычайное состояние. Каждый индивидуально принимал и по-своему переживал роковое—«к расстрелу».

Одни, входя, растерянно озирались, садились молчаливо на ближайшую лавку и погружались в свои невеселые думы; другие возбужденно ходили из угла в угол, затем останавливались, задавали один и тот же тревожащий их вопрос своему ближайшему соседу и часто, не дождавшись ответа, начинали снова и снова шагать.

Привели мальчика, лет 13-ти. Он вошел, сел и вдруг раздались рыдания. Кто-то пытался утешить.

Тов. Антонов несколько раз, не обращаясь собственно ни к кому специально, задавал вопрос: «За что же собственно почему же расстрелять».

Тов. Мельничанский пытался выяснить у заходивших к нам юнкеров, нельзя ли установить обмен пленными. Особенно в подавленном настроении был тот буржуазного вида молодой человек, о котором я говорил выше. Он проявлял большое малодушие. Умоляюще цеплялся за каждого появляющегося юнкера и пытался всем и каждому выяснить, что он здесь не при чем. От остальных он отгораживался, вел какие-то переговоры с входившими офицерами, очевидно, хлопоча о своем освобождении, но, не добившись ничего, понуро

возвращался на свое место. Явная трусость и заискивания действовали на нас раздражающе; у некоторых товарищей против него поднималось злорадное чувство.

С мыслью о возможном расстреле как-то свыклись, освоились. По группам завязывался разговор, делились впечатлениями, сообщали друг другу последние новости, делались перспективы на будущее, взвешивались шансы на нашу победу, загоралась надежда, ждали подхода своих, шутили,— затем, какое-нибудь внешнее обстоятельство снова нагоняло тревожное настроение, сверлила мысль о грозящем, неминуемом, разговор затихал, перекидывались лишь отдельными фразами. К вечеру, особенно к ночи, тревога усиливалась, наиболее спокойным приходилось подбадривать других, падающих духом. Порою расстрел казался чем-то неизбежным, неотвратимым. Вся обстановка предстоящего акта вставала в воображении в мельчайших подробностях, вплоть до последнего момента перехода из бытия в небытие. Мысль работала усиленно. Являлось желание и потребность предусмотреть все мелочи, чтобы ничего не было неожиданного. Нужно было подготовить и приготовить себя ко всему.

Все продумано, все ясно—и становишься спокойнее, возвращается уравновешенное настроение, наступает примирение с неизбежным. Оглядываешься назад на пройденный путь, под неизбежное пытаешься подвести разумное основание, оправдать совершающееся и ожидаемое. Затем,—опять какой-нибудь внешний толчок,—и все летит в пропасть. Сообщается о каком-либо нашем успехе на воле, окрыляешься надеждами,—а потом снова все начинается сначала

И так—три дня в Александровском училище и два дня в Кремле.

Каждого вновь приводимого с жадностью забрасывали вопросами и с трепетом ожидали новых хороших сообщений. Александровское училище все более и более уплотнялось пленными всех сортов и причастными, и непричастными. В нашу комнату вводили причастных, хотя в виде исключения были и посторонние. В соседних комнатах сидела совершенно случайная публика: или задержанные в пьяном виде, или оказавшиеся без надлежащих документов, или показавшиеся просто подозрительными.

Порою за стеной раздавался шум, слышались споры, протесты, поднимался крик, доносились глухие удары. Коридор оглашался воплями; кого-то бьют. Настроение становится напряженным. Прислушиваешься к каждому шороху.

Припоминаю случай под вечер. На одного, особенно протестовавшего и кричавшего, с остервенением набросились, повидимому, сдавили горло,—так как вопль как-то неожиданно и сразу оборвался, и с шумом куда-то поволокли, сопровождая угрозами. Позднее нам передавали, что его увели расстреливать.

Кажется, 30-го октября днем явился в нашу комнату юнкер и не надолго попросил у меня, у т. М. и еще у того молодого гражданина-коммерсанта, о котором я выше уже говорил, пальто и шапки. Через несколько времени у т. Антонова взяли его хорошую шинель, а вместо нее дали ему какую-то старую. Мы вначале не могли сообразить, для чего берут у нас эти вещи. Позднее догадались, что наши пальто брались для переодевания юнкеров. О взятых вещах мы несколько раз делали

напоминания. Нам обещали их скоро вернуть. Но время шло, а они нам так и не были возвращены, и на одно из очень настойчивых напоминаний нам был дан недвусмысленный ответ:

«Вам они теперь все равно не будут нужны».

Так без верхнего платья нам пришлось прогуляться, когда нас переводили из Александровского училища в Кремль.

30-го вечером стало замечаться какое-то особенное оживление, движение по коридору увеличилось. К нам стали заглядывать разные чины, от юнкера и выше, кой кого вызывали по фамилиям, тут же опрашивали. Перемена настроения за стеной стала сказываться и на нас. Повысилась нервность. Слух обострился. Кто-то передал, что на воле заключено перемирие между нашими и юнкерами. Мы находились в ожидании чего то.

Вдруг во дворе что-то блеснуло и раздался оглушительный взрыв. Где-то зазвенели разбитые стекла. Мы догадались, что наши начали обстрел Александровского училища. На лицах многих товарищей засветилась радость. Тревога за личную судьбу отошла назад Мы ждали, полагая, что это начало более решительной борьбы. Однако, орудийных выстрелов больше не раздавалось,—глухо долетала лишь ружейная трескотня.

Часов около 8-ми меня вдруг вызвали и куда-то повели. Позднее товарищи передавали, что они думали, что меня больше не увидят, Привели меня к какой то комнате. Со мной была арестованная женщина. Нас окружал большой конвой юнкеров, офицеров, гимназистов и пр. штатской публики. Мы стояли в углу коридора. Вокруг с озабоченными лицами сновали вооруженные и невооруженные люди.

От времени до времени к нам подбегал штабс-капитан, который меня встретил и принял от приведших в Александровское училище юнкеров 5-ой школы. Конвойные вели между собою разговор обычного свойства. Ругали большевиков. Хвастались своими силами, чувствовали уверенность в своей победе.

Особенно отличался один юнецъ-реалист, лет, 19—20. Он не был в числе конвойных. Я с ним сталкивался в коридоре еще раньше. Какую он выполнял роль в училище, я точно уяснить не смог. Этот птенец все ругал рабочих с каким-то особым остервенением. Все собирался взять винтовку и итти на улицу, чтобы пострелять. Порою он впадал в рассуждения исторического свойства.

„Вот, ораторствовал он, какие оказались рабочие, а мы то за них боролись в 1905 г.“. Это он то!

Бывшая со мною арестованная, желая, очевидно, выгородить себя, поддакивала юнкерам, старательно отмежевывала себя от восставших, и свой арест пыталась об'яснить чистой случайностью.

Затем меня повели в какую-то комнату. Там заседала, повидимому, успевшая уже с'организоваться, следственная комиссия с Друцким во главе. В составе комиссии было несколько юнкеров и офицеров. Мне задали некоторые вопросы: кто я, где и почему арестован? Затем меня вывели из этой комнаты и опять оставили в коридоре.

У меня осталось впечатление, что это был предварительный опрос; спросил у дежуривших юнкеров, есть-ли в этой комиссии представитель их училищного комитета. «Теперь не до комитетов», был ответ. Но затем моим конвойным был дан приказ увести меня.

Я очутился в другой комнате, один

Ночью ко мне втолкнули какого-то обывателя, попавшего случайно и все время что-то бормотавшего про себя. На следующий день и эта комната стала наполняться народом. Но в противовес квалифицированным арестованным первой комнаты, где я вначале находился, здесь была совершенно случайная публика. Большинство и здесь были солдаты, один-два рабочих, а остальные—ремесленники, низшие служащие и прочая мелкота, а вообще, мещане, обыватели, очень перепуганные, трясущиеся за свою судьбу и с ужасом ожидающие дальнейшего.

Когда в середине этого дня товарищи с воли пустили еще один снаряд в Александровское училище, и он с шумом разорвался во дворе, сидевшие со мною до того переполошились, что собирались было залезть под парты Стекла в некоторых окнах этой комнаты были побиты, и все время слышалась ружейная пальба, в одиночку и пачками.

Но вот Александровское училище стали освобождать от нашего брата. Вводили конвой, делали цепь, арестованных, комната за комнатой, выводили, строили парами и куда-то уводили.

На улице нас окружили тройной цепью. Нас конвоировали и казаки на лошадях (еще накануне среди нас распространился слух, что с фронта прибыло много казаков на помощь юнкерам, затем шли какие то солдаты, тоже будто с фронта, и уж третью цепь составляли юнкера, гимназисты и прочие белогвардейцы.

В группе арестованных, где был я, находилось человек 25—30. Был отдан приказ, чтобы мы не разговаривали.

Вечерело. Улицы вымерли. Лишь у ворот домов виднелись буржуазного типа господа, представители

домовых комитетов. Так как район Знаменки и Моховой по которым нас вели, буржуазный; то вся эта публика была на стороне юнкеров. Это было видно по всему их поведению. Они не только со злобой посматривали на нас, но и отпускали по нашему адресу всяческие ругательства.

Кроме этих штатских помощников юнкеров, не за страх, а за совесть, на улице не попадалось никого. Все казалось вымершимъ. Охватывало какое-то особое чувство. Была готовность встретить самое худшее, что могло быть в нашем положении.

Кругом время от времени где-то грохотали пушки; нет-нет, да и затрещит совсем близко пулемет. И все это сопровождается неумолчным говором винтовокъ.

Наконец, нас подвели к Кремлю, ввели в Троицкие ворота; перед ними расположилась кучка юнкеров с пулеметами и бомбометом. Мы остановились перед кремлевскими казармами. К одному юнкеру я обратился с вопросом, имеется-ли их представитель в Солдатском Совете? Вопрос ему показался несколько неожиданным. Он с недоумением поглядел на меня и ответил незнанием. Совет Солдатских Депутатов, как известно, тогда был еще меньшевистско-эсеровским.

Вот мы и в казармах. Нас разместили на самом верхнем этаже Здесь мы встретили большое количество арестованных солдат, захваченных юнкерами в Кремле, при взятии последнего. Тутъ же оказались и все те товарищи из первой комнаты, с которыми я просидел первые дни ареста в Александровском училище. Они очень обрадовались, что увидели меня живымъ. Завязался оживленный разговор. Кругом было шумно и дымно. Помещение было уплотнено сверх меры Так как многие ничего не ели целый день, то юнкера стали раздавать хлеб Установилась большая очередь

Отношение юнкеров здесь было значительно лучше Дежурила вторая школа. Про нее говорили, что она отказалась сражаться, за что ее арестовали всю, заключили в Кремль и заставили нести внутреннюю караульную службу. Обращаясь к нам, они называли нас товарищами.

Было 8—9 часов вечера. Какое-то особое настроение захватывало меня при виде этой большой массы людей, ожидающей исхода борьбы там, за стенами. Что-то общее спаяло всех, — и солдата, и интеллигента, и русского, и иностранца (были и такие). Чувство соборности, чтобы не сказать больше, интернационализма, воплотившегося в действительности, охватывало всех и каждого. Но вот юнкера предлагают тушить огонь; предупреждают, что, если свет останется, то дом может быть хорошей мишенью для орудий. Публика постепенно затихает, укладывается. Не успел я со своим соседом, как следует, устроиться на нарах, как вдруг вошел какой-то юнкер и назвал мою фамилию. Я откликнулся. Меня куда-то позвали.

Пошли.

Привели в комнату этажем, двумя ниже. Ба! Знакомое лицо. За столом сидит один из видныхъ членов президиума Совета Солдатских Депутатов, с.-р. Шмерлинг, из правых правый. Рядом с ним был прокуроръ Сталь. Вокруг несколько юнкеров. Мне было задано несколько формальных вопросов. Повидимому, эта была зарождающаяся следственная комиссия. На завтра, как я мог себе уяснить, она должна была начать допрос, с целью отделить овец от козлищ. Но дальнейшие события помешали работам этой комиссии.

Предварительный опрос длился минут пять.

«Вам известно, кто я и каковы мои убеждения», спросил я Шмерлинга. «Да», отвечал он: «но я полагаю, что вы непричастны к тем безобразиям, которые творятся в Москве».

Итак, с двумя видными с.-р. членами президиума солдатского совета столкнулся я в течение пятидневного моего заключения, столкнулся в несколько необычной обстановке, а всего с неделю-две тому назад мы сидели за одним столом в Совете и пытались разрешать „общие“ дела. Таков бег исторических событий.

После опроса меня увели, но не назад в казармы, а вывели на улицу; мы прошли мимо Царь пушки, затем по двору возле соборов. Было часов 10—11 вечера. Кругом стояла тишина, лишь раздавался оклик караула. Было холодно, мне все время пришлось быть без верхней одежды. Вошли в какое-то помещение. В комнате налево дежурило несколько юнкеров. Они меня опросили, записали. Держались очень корректно, даже предупредительно. Здесь была тоже 2-ая школа прапорщиков. Я попросил достать мне какую-нибудь верхнюю одежду. Обещали. Затем меня отвели в холодное, сырое помещение с железной сквозной дверью-решеткой. В этомъ полуподвале, где раньше отбывали наказание провинившиеся монахи, а позднее отрезвлялись пьяные солдаты, я нашелъ своих новых товарищей. Они уже спали. Лежали на двух сдвинутых скамьях какой-то причудливой кучей, и были накрыты все вместе большой солдатской меховой шинелью. Сколько было человек, установить сначала было невозможно. Среди них, как скоро выяснилось, был и т. Берзин, назначенный военно-революционным комитетом комендантом Кремля.

Я стал быстро ходить по комнате, чтобы не простудиться. Кой-кто проснулся. Узнав, что привели нового, стали меня расспрашивать.

Скоро проснулся т. Берзин. Мы разговорились. Онъ очень сокрушался, что, не получая никаких вестей от нас и не зная о положении дел, преждевременно сдал Кремль. Он все пытался оправдаться, как-будто я его обвинял. Он рассказал мне, при каких условиях произошла сдача, передал о предательском поведении юнкеров, расстрелявших нескольких из сдавшихся наших солдат, сообщил о том, как он сам был избит. На этом до утра следующего дня разговор прервался. Я улегся спать, накрывшись вместе с другими благодетельной шинелью, и крепко заснул.

Утром, было 1-ое ноября, я познакомился с другими товарищами Настроение было хорошее, публика не унывала. Охранявшие нас юнкера оказались хорошие ребята. У нас с ними завязался разговор, и мы, пользуясь случаем, до самого последнего момента занимались пропагандой. Днем привели еще несколько новых арестованных. Среди них был и т. М., с которым я сидел в Александровском училище. Кормили нас здесь несколько лучше Юнкера делились своим обедом и, вообще, относились по-товарищески. К чаю они даже принесли сахар. Мне и т. М дали какие-то старые, невообразимо грязные куртки и солдатские фуражки. Чтобы было потеплее, я оделся, а т. М отказался. Мы чувствовали себя очень бодро.

Но вот начался обстрел Кремля нашими. Первый снаряд разорвался где-то на площади часов около 3-х дня. От неожиданности мы повскакивали с мест Сперва не могли определить, кто стреляет наши

в Кремль или из Кремля в наших? Мы даже обратились с вопросом к юнкерам. Они были немного растеряны, но с уверенностью ответили, что это стреляют из Кремля. Но после нескольких выстрелов сидевший с нами артиллерист-солдат определил по разрывам, что это стреляют наши. Был форменный обстрел Кремля. Стрельба шла с перерывами. Шесть выстрелов под ряд, затем перерыв, иногда довольно продолжительный. В последних случаях мы заключали, что ведутся переговоры. Опять стрельба — значит, не договорились. Снаряды разрывались в разных местах. Кругом стоял гул. Земля дрожала. Здание сотрясалось. Один снаряд особенно близко разорвался от того дома, где мы сидели. Он как-то особенно жестоко задрожал, полетели стекла в одном из наших окон. Казалось, что снаряд попал в наше здание. Уселись тесной группой, друг к другу, и ждали... ждали, что следующий, быть может, влетит к нам и разорвется здесь, среди нас. Притихли. Сперва ожидали каждого выстрела с замиранием сердца; потом, как всегда бывает, привыкли, приободрились, стали шутить. Немного нелепо погибать взаперти от собственного снаряда, но это все же лучше, чем быть повешенным или расстрелянным остервеневшими людьми. Обстрел Кремля, где находился главный штаб белой гвардии, был для нас символом. Каждый снаряд нес с собой освобождение. Он разбивал старые устои. Правда, по слепой иронии судьбы, он мог залететь к нам и тогда, освобождая, он мог посеять смерть. Но такова логика событий. Жизнь соткана из противоречий. Было и еще одно противоречие. Разрушая устои буржуазного строя, каждый выстрел уничтожал часть художественной исторической ценности.

Наш караул тоже притих. Вечером обстрел прекратился. Ночь прошла спокойно. На следующий день, 2-го ноября, часов в 11, снова начался орудийный обстрел. Разрывы стали сильнее. Казалось, разнесет весь Кремль Мы решили, что стреляют теперь снарядами более крупного калибра Среди нашего конвоя постепенно началось разложение.

Распространился слух, что всех арестованных, заключенных в казармах, вывели в Спасские ворота и освободили.

Чувствовалось приближение конца. Суматоха среди юнкеров увеличилась Они снова и по собственной инициативе стали заговаривать с нами. Сообщили нам, что делается в их стане. Передали, что Кремль ими эвакуируется, что все части со штабом переходят из Кремля в Александровское училище. Позднее нам сказали, что нас переведут в помещение штаба под надзор 4-й школы, более преданной штабу. Нам это не улыбалось Мы начали форменную агитацию среди юнкеров. Теперь около нашей двери были уже не два караульных, а целая группа. Мы предлагали им перейти на нашу сторону, вооружить нас. Те колебались. Одни соглашались, другие возражали. С нашей стороны внесли предложение разоружить их, а им арестоваться Хотя, шаг за шагом, чувствовалось желание юнкеров пойти нам навстречу, но боязнь и нерешительность еще брали верх.

Явился офицер, начальник караула, молодой, довольно симпатичный юноша Он тоже принял участие в разговоре В это время наша дверь уже была отперта и мы, смешавшись общей толпой, стояли в коридоре. Офицер сообщил, что они все уходят. Юнкерам он предложил: кто хочет остаться, пусть остается, а остальные пусть уходят с ним.

Мы спрашивали, что же будет с нами? Он сказал, что это теперь наше дело. Без оружия оставаться в такой момент было небезопасно. Офицеру мы тоже предлагали остаться с нами и дать нам винтовки. На некоторое время он куда то удалился. Затем пришел и сообщил, что нас сейчас всех освободят, за исключением т. Берзина и еще одного, которые должны будут остаться под арестом. Мы посовещались и решили, что или пусть всех освободят, или всех держат под арестом. Часть наших товарищей, случайная, менее сознательная публика, несовсем была довольна таким решением, хотя этого и не высказала. Мы стали настаивать, чтобы юнкера нас вооружили, и убеждали их остаться с нами. У них началось обсуждение этого вопроса. После недолгих споров и голосования большинство решило не уходить в Александровское училище.

Все это время, пока шли переговоры, орудийная стрельба не прекращалась. Где-то трещали пулеметы. Ружейная пальба то усиливалась, то ослабевала. На верху, на какой то башне или колокольне, неугомонно из механического многозарядного револьвера кто-то стрелял. Юнкера говорили, что он так вот с утра палит. Решили, что это помешавшийся, стрелявший на каждый шум, после каждого орудийного выстрела.

Постепенно мы стали господами положения. вооружились, расставили охрану в доме и около него, послали в разведку т. Берзина и еще кого-то. Юнкера—частью спали от переутомления, другая часть сидела, забившись в угол Теперь они стали просить нас, чтобы мы защитили их от наших. Они боялись, что явится красная гвардия, и наши солдаты начнут их расстреливать. Мы им, конечно, дали полную гарантию неприкосновенности. Т. Бер-

зав вернулся и сообщил, что Кремль пуст, что можно попытаться пройти к нашим. Орудия все еще громыхали; по городу в разных местах шла ружейная и пулеметная стрельба. Было уже за полночь.

Я и еще один товарищ решили пробраться в Совет. Т. Берзин взялся довести нас до башни Троицких ворот.

Мы вышли из здания и осторожно пошли пробираться по Кремлю. Под ногами попадались камни, обломки кирпича, мусор—результат обстрела. Добравшись до башни, я и товарищ простились с т. Берзиным и тихо пошли вдоль решетки Александровского сада. По Никитской шла стрельба. Мы сделали перебежку. У Тверской улицы нас окликнул караул. Секунду мы замешкались, соображая, наши это или юнкера? Затем отозвались. Оказались наши. Нас проводили в ближайший сторожевой пункт. Там встретили нас заспанные дежурные. Мы сказали, кто мы и откуда.

К нам отнеслись с недоверием, и один молодой солдатик, приняв нас за белогвардейцев, стал укорять:

«Что вы сделали, сколько нашей крови пролили».

Мы просили проводить нас в Совет. Кой-где на Тверской встречались заставы. Мы шагали через окопы, обходили баррикады. Наконец, добрались до „Дрездена“. Здесь наши личности были удостоверены, и через десять минут я уже был в комнате Военно-Революционного Комитета и там сделал сообщение бывшим налицо товарищам, предложив послать наших солдат для занятия Кремля. Часу в 3—4 ночи я, найдя укромное местечко где-то на газетах, заснул крепким и спокойным сном. Мир был заключен. Утром. 3-го началось разоружение юнкеров.

И. Буравнев

А. И. РЫКОВ.

Председатель Московского Совета незадолго до октября. Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства (со снимка Москов. Охран. Отделения 6 ноября 1913 года).

АРТИЛЛЕРИЯ У ЗДАНИЯ СОВЕТА.

В ПЛЕНУ.

То, что со мной было, было со многими.

3-го ноября, часа в 4 вечера, решил пробраться я к себе на квартиру, где уже не был 4 дня. На углу Арбата и Поварской меня окружили юнкера. Приставили к груди винтовки, отвели в Александровское училище.

Здесь опять обыскали, отобрали револьвер, вынули бумажник, а в нем 845 рублей, выдернули из-под рубашки золотую цепочку с золотым крестом и сорвали. Вынули золотую цепочку от часов.

Когда в бумажнике нашли удостоверение, что я— председатель ротного комитета 193-го полка, кругом раздались злобные крики:

— Повесить... Расстрелять его...

С меня сорвали погоны, стали топтать бумаги

— Этого не могли-бы сделать и немцы... сказал я штабс-капитану, князю Гагарину, и полковнику, имени которого я не знал.

— Бейте его прикладами?—заревел Гагарин.

Юнкера стали нещадно избивать меня прикладами; я упал с разбитой головой и потерял сознание.

Была уже ночь, когда я пришел в себя Ныла перевязанная голова и все избитое тело

[illegible]

Утром пришел вчерашний полковник. Я попросил выдать мне расписку на отнятые деньги и вещи. Полковник небрежно ответил:

— Зачем? Все равно вы все будете расстреляны, а деньги пойдут в фонд семей погибших юнкеров.

В комнате нас было человек 35.

Выдали по 1/16 фунта хлеба на человека и по куску сахара. Кружек же оказалось только 2, и большинство не могло напиться.

Нас вывели на двор. Там уже были собраны арестованные солдаты, рабочие, старики, дети. На некоторых солдатах не было сапог, шинелей,—все забрали юнкера.

Всех повели в Кремль. Князь Гагарин приказал:

— Каждого, кто оглянется,—убить. Кто отстанет,—гнать штыком.

В Кремле, при сдаче, князь Гагарин сказал юнкерам 2-й школы:

— Поклянитесь, что вы не выпустите отсюда ни одного живым.

Но тут мы в первый раз вздохнули; юнкера 2-й школы прапорщиков отнеслись к нам по-человечески. Они успокаивали нас, приносили хлеба, делились последней папиросой.

На другой день, отправившись за чаем, я выбрался на площадь Кремля и спрятался за орудие. Здесь пролежал на земле сутки, пока, наконец, нас освободили.

Солдат *Бежикин-Шальнов.*

Последние дни Городской Думы.

Одним из центров общественного движения и политической мысли при царском режиме была Московская городская дума. В дни эсеровского господства Московская Дума превратилась в оплот реакции: эсеры, имевшие абсолютное большинство, об'единившись с. кадетами, поддерживаемые меньшевиками, вели непрерывную войну с рабочими городских учреждений и предприятий, клали под сукно проекты большевиков, гильотинировали прения.

Конфликт с городскими рабочими вынудил последних пред'явить ультимативное требование: если дума не удовлетворит насущнейшие требования рабочих, будет об'явлена всеобщая забастовка. Многочисленные канцелярские служащие в этом споре эсеровско-кадетской думы стали на сторону Думы. На собрании думы 23 октября 1917 года должен был решиться вопрос о забастовке. При переполненных скамьях гласных, при переполненных рабочими местах для публики, при запруженных коридорах открылось это историческое собрание. Председательствовал Минор.

Едва выслушав краткое заявление председателя стачечного комитета городских служащих—Пупко, думские гласные, от кадетов до меньшевиков, па-

чала выступать с озлобленными речами по адресу рабочих, обвиняя их в измене (чему?), провокации, предательстве, когда враг стучится в двери отечества и пр., и т. п. Особенно неистовствовал меньшевик Романов, с пафосом выкрикивавший, что он, именно, в качестве рабочего, и представляет подлинное мнение и настроение рабочего класса.

Свист, улюлюканье, крики: «негодяй», «предатель» были ответом на речь Романова со стороны сотни присутствовавших на собрании рабочих.

От большевиков выступали тов. И. И. Скворцов и В. Н. Подбельский.

Председательствовавший Минор все время прерывал наших товарищей; правая часть Думы мешала говорить и гласные большевики, убедившись, наконец, что им делать тут нечего, заявили, что в знак протеста против насилия над рабочими они покидают зал собрания. С ними ушли и рабочие. Поднялась невообразимая суматоха, шум.

Рабочие буквально проклинали Думу, обвиняли в предательстве, кричали эсерам: «мы отдавали вам голоса не для насилия над нами, а для защиты наших интересов».

В вестибюле разыгралась отвратительная сцена. Член управы Дорф сорвал фуражку с головы председателя стачечного комитета Пупко и начал его ругать чуть ли не площадной бранью. Казалось, что окружавшие Пупко гласные эсеры разорвут его на части.

Центральный стачечный комитет немедля об'явил стачку и гласные эсеры тут же убедились, что стачка уже началась: шофферы отказались вести председателя Думы, гор. голову и членов управы

На другой день, 24-го октября, в управе, под руководством эсера Руднева начались таинственные совещания по организации комитета общественного спасения. В совещаниях принимали участие эсеры, меньшевики, кадеты, во главе с Астровым и Кишкиным, полковник Рябцев и др. В думу были привезены и спрятаны в подвальных коридорах пулеметы, там же были размещены юнкера, начали организовываться отряды белогвардейцев.

Прошедший по большевистским спискам в районную думу секр. управы А. Я. Никитин был *«временно»* отстранен от должности.

Секретарский отдел, переданный в верные руки, и канцелярия Думы были превращены в штаб по изданию эсеровских прокламаций, военных приказов и проч. .

Здание Думы постепенно превращалось в военный эсеро-юнкерско-белогвардейский лагерь...

— На другом полюсе также кипела работа.

Большевики, в руках которых были 14 из 17 районных дум решили созвать собрание гласных всех районов с тем, чтобы на этом собрании объявить роспуск центральной Думы. Собрание было назначено в Сухаревском народном доме.

Предполагалось, что, гласные районных дум эсеры, меньшевики и кадеты на собрание не придут. Но они явились.

Всего присутствовало до 300 гласных. Эсеры и меньшевики делали попытки сорвать собрание: начали вносить безчисленные предложения «к порядку заседания», по вопросу о президиуме и проч...

Однако, собрание состоялось. Большевиками была предложена резолюция, имея в виду, что выборы в районные думы производившиеся после выборов в

центральную дали большинство большевикам, что эсеры, составляющие в центральной думе большинство в районные думы прошли в ничтожном количестве и, следовательно, как партия, лишенная доверия избирателей, не может являться выразителями интересов московского населения, собрание признает необходимым организовать «Совет районных дум», к которому должны перейти все дела московского городского самоуправления.

Резолюция была принята, и в то же время пришли сведения, что Руднев с юнкерами и белогвардейцами открыл военные действия против Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Большевистские гласные бросились немедленно к своим районам и... в Москве началась великая октябрьская революция.

1 ноября рудневские юнкера и белогвардейцы капитулировали, здание Думы было занято советскими караулами. Эсеровская Дума фактически перестала существовать; но так как Совет, в руки которого перешла власть во всей Москве, не тронул ни одного самого реакционного думского деятеля, то, наряду с Советом, ютясь по разным помещениям, начала устраивать свои собрания и старая эсеро-кадетская Дума.

Восстановление занятий в учреждениях городского самоуправления было поручено Советом А. Я. Никитину, быв. секретарю городской управы, М. Ѳ. Владимирскому, д-ру Обуху и д-ру Вейсброду.

Помещения центрального здания Думы представляли собой картину полного разрушения: стены комнаты бывшего присутствия управы (2-й эт.) и Забелинской библиотеки (3-й эт.) были прострелены орудийными снарядами в 4-х местах, почти везде стекла, а местами и целые рамы —разбиты

дела разбросаны, пол на четверть усеян всякого рода бумагами и документами,—это белогвардейцы баррикадировали делами окна,—замки в столах взломаны, пишущие машины испорчены...

Соглашения со служащими не состоялось. Поддерживаемые управой, обещавшей вознаградить их за забастовку потом, после низвержения большевиков и восстановления «порядка», служащие городского управления в числе 16000 чел. об'явили забастовку, которую добросовестно и проводили в течение четырех месяцев.

При таких условиях восстановить деятельность городского управления представляло неимоверные трудности. Забастовка всех решительно служащих: канцелярских. врачей, учителей, инженеров, техников и пр., бойкот мест, саботаж вновь поступавших... с одной стороны, с другой—необходимость платить жалованье рабочим, а их в городских учреждениях, военных предприятиях и лазаретах было до 200,000, необходимость содержать десятки тысяч беженцев, инвалидов, выдавать паек солдаткам, обслуживать лазареты, больницы, богадельни, необходимость во что бы то ни стало поддержать деятельность водопровода, канализации, трамвая, боен, газового завода—вот задачи,—разрешить которые надо было, опираясь лишь на неискусные в делах управления руки рабочих.

Московское население знает, как задача эта была выполнена большевиками: ни водопровод, ни канализация, ни трамвай, ни бойни, ни газовый завод ни на одну минуту не приостановили своей деятельности и многие из москвичей, по своей наивной простоте, даже и не заметили смены руководителей городского хозяйства

Пустая касса, на сотни тысяч неоплаченные счета, разбитое здание Думы, разрушенное делопроизводство, ни одного из старых, опытных служащих, — таково наследство, принятое от эсеров большевиками и, вдобавок ко всему, долгое время продолжавшаяся провокационная деятельность прежней думы.

На место прежней Думы Советом Рабочих Депутатов был организован Совет районных дум с особым бюро, в качестве исполнительного органа, заменившего собой прежнюю управу. Но эсеровская Дума продолжала считать себя существующей, собиралась, выпускала воззвания к населению и долгое время безнаказанно тормазила и провоцировала деятельность Бюро Совета районных дум. Бюро устанавливало сборы, Дума выпускала воззвания к населению с призывом не платить этих сборов. Бюро закрывало лазареты, ставшие ненужными после заключения мира, управа открывала их и т. д., и т. д.

Наглость эсеров дошла до того, что бывш. тов. эсеровскаго гор. головы С. А. Студенецкий при помощи шулерских приемов получил из народного комиссариата (не побрезговал!) шесть миллионов рублей, якобы на содержание лазаретов и поддерживал этими воровским путем добытыми деньгами бастовавших городских служащих. Преступление это так и осталось безнаказанным, отчета в народных миллионах никому до сих пор не дано, а молодец этот, как говорят, занимает где-то видное место... (уж не в Советском ли каком-либо учреждении?).

Пытались эсеры даже в большом зале центрального здания думы устроить свое заседание, и однажды явились скопом, прихватив в качестве понятых, прибывших из Питера гласных Петроградской Думы

и обратились к бывшим там тов. Никитину и Владимирскому с требованием—предоставить им, *законным* представителям населения, помещение для собрания. Тут были и Минор, и Астров, и Бахрушин, и Бурышкин, и эс-ер Коварский, и меньшевики Залкинд, д-р Грановский и пр.

Их направили в Совет Раб. Деп. Минор заявил, что с захватчиками они не желают иметь дела, на что тов. Никитин резонно ответил, что если они не желают иметь дело с захватчиками, то нелогично вести переговоры с представителями этих захватчиков. Начали было эти *законные представители буржуазии юнкеров и белогвардейцев* составлять протокол, но к этому времени был введен наряд Советской стражи, и законникам пришлось ретироваться...

Вскоре после этого Советом Народных Комиссаров был подтвержден декрет президиума Московского Совета о роспуске Думы и.... соглашательская мелкобуржуазная Дума навсегда перестала существовать. На смену ей явился к этому времени окончательно организованный Совет районных дум, от которого в феврале 1918 г. дела перешли к президиуму Совета Рабочих и Красноарм. Депутатов.

Вечный покой буржуазным органам, да здраствуют и крепнут организации пролетариата!

Анютин

Правые социалисты и октябрьская революция

Глухие раскаты Октябрьской революции слышались задолго до ее наступления. Уже в дни Корниловского мятежа — этой прелюдии вооруженной борьбы пролетариата с вооруженной буржуазией — ярко проявлялась неизбежность грядущего решительного боя.

Буржуазия отлично понимала всю силу предстоящей опасности. И всеми средствами: клеветой, ложью, обманом пыталась дискредитировать партию и отдельных ее вождей, возглавлявших левое революционное течение. Неизбежность «октября» понимали и правые социалисты—меньшевики и эсэры, которые, начиная с февраля, общими силами старались спасти положение буржуазии, ибо без буржуазии они не мыслили нового строя.

Они не верили в творческие силы пролетариата. Им казалось, что широкие рабочие массы и темное крестьянство нуждаются в «опеке», основанной на священных принципах всеобщего избирательного права. Это право давало им и их друзьям справа почетное звание «политических опекунов» широких народных масс.

Без этой опеки они не допускали возможности новой свободной жизни Победа рабочих и «тем-

ных», «невежественных» крестьянских масс пугала «социалистических» защитников «культуры» и «цивилизации». Их духовному взору рисовался образ «варвара-разрушителя».

Во имя спасения культуры социалисты-революционеры стали на сторону врагов рабочего класса. Больше того, они взяли на себя «почетную роль» организаторов подавления Октябрьской революции. Рудневы, Миноры и Авксентьевы были вдохновителями белогвардейских и юнкерских банд. Это они руководили штабом Рябцева, выступившего в качестве московского Тьера.

Социалисты-революционеры, — надо отдать им справедливость—не скрывали своей кровавой роли. В своем органе «Труд» от 5-го ноября они писали: «Те, кто находился в Думе и Кремле, от чьего имени действовали юнкера, были—московская социалистическая городская Дума и Московский Комитет партии социалистов-революционеров».

Так пригвождали себя эс-эры к позорному столбу, воздвигнутому проклятьями умиравших за свободу рабочих.

Расстреливая рабочих на улицах Москвы, социалисты-революционеры расстреляли и свою партию. Наиболее чуткие члены этой партии—рабочие, повинуясь революционному долгу и влекомые классовым сознанием, покинули своих вождей — расстреливателей и стали на сторону рабочих и солдат, сражавшихся с юнкерами и белогвардейцами.

Что же делали меньшевики в дни, когда пролетариат с оружием в руках шел на бой с буржуазией? Они, верные адвокаты этой буржуазии, всю силу своей фракционной ненависти и злобы направили на то, чтобы дискредитировать в глазах ши-

ровых рабочих масс большевиков и лозунга, под которыми большевики вели эти массы на борьбу с буржуазией. Меньшевистские газеты в эти дни были наполнены, не менее чем буржуазные, ложью и клеветой, направленными против большевиков.

Но ни ложь, ни обман, ни клевета не спасли буржуазии. Рабочий класс, поддерживаемый крестьянами в серых шинелях, шел на бой, ибо верил, что только в его победе—спасение роволюции, спасение свободы.

Был момент, когда перед величием грозного выступления рабочих, меньшевики заколебались... Послышались смутные, едва уловимые нотки раскаяния.

Это чувствовалось 25 октября, вечером, на заседании городской Думы, когда после речи Руднева, рабочий Девяткин от имени меньшевистской фракции заявил:

«Если Временное Правительство вступит на путь расстрелов, меньшевики выступят против него и будут в рядах рабочего класса».

Это было сказано 25 октября вечером, а на следующий день—26 октября утром, когда на улицах Москвы шла вооруженная борьба рабочих с защитниками буржуазии, меньшевиков не было «в рядах рабочего класса».

Они—изменили тактику. Они—на этот раз сохраняли «нейтралитет».

На второй день гражданской войны меньшевики уже не могли быть «в рядах рабочего класса». На второй день гражданской войны уже не было меньшевистской организации. В ней остались лишь «вожди», которые могли двинуть против наступления рабочих легкую артиллерию фракционной жел

чи. Рабочие покинули лоно меньшевистской организации и стали в ряды борцов за новую жизнь.

— Когда льется пролетарская кровь, рабочие должны быть вместе со своими братьями, — так говорили рабочие-меньшевики Пресни, Замоскворечья и Рогожской заставы, примыкая к движению.

Классовый инстинкт подсказал рабочим массам, где их место в момент обостренной классовой борьбы. И никакие вопли правых социалистов не могли заставить рабочий класс сойти с революционного пути.

Опыт русской революции вскрыл все убожество и безнадежность попыток правых социалистов построить новую «лучшую жизнь» на началах сотрудничества класов, на началах совластия. Этот опыт русской революции показал трудящимся массам, что все их надежды на лучшую жизнь должны быть связаны с победой рабочего класса. И рабочие шли к этой победе, разрушая старые устои, воздвигая в то же время основы нового правового и экономического строя.

Удары рабочего класса по твердыням буржуазии разрушили и партийные организации правых социалистов...

Так буря, вырывая деревья с корнем, развевает по ветру слабые листья...

К. Новицкий.

Г. А. Усиевич.

Григорий Алексеевич Усиевич родился в 1890 г., в Черниговской губ., Мглинского уезда, Алексеевской вол., дер. Хотиничи, в состоятельной еврейской семье. Отец его занимался коммерцией. Образование получил в Тамбовской гимназии. С 7-го класса вступил в соц.-дем. партию и получил первое партийное крещение в кружках тов. Подбельского. По окончании гимназии поступил в Петербургский университет на юридический факультет, отдавая почти все силы и время партийной работе. 7 января 1910 года на IV курсе Григорий Алексеевич был арестован, посажен в Петропавловскую тюрьму, где пробыл в одиночном заключении около 2 лет. В 1912 г. тов. Усиевич был сослан в Сибирь на вечное поселение, откуда в 1914 году в половине июля бежал в Австрию, где вновь попал в руки жандармов, как русский подданный призывного возраста и посажен в Тироле, в крепость в Кюхштейне. Затем переведен был в концентрационный лагерь. Осенью 1916 г. был освобожден по болезни и ему был разрешен выезд в Швейцарию, куда, однако, не мог за неимением средств сразу выехать и вынужден был вернуться и искать некоторое время

убежища в месте своего заключения, несмотря на ужасы царившего там режима. В 16-же году ему удалось переехать в Цюрих, где он прожил ½ года в среде русских эмигрантов; из Цюриха Г. А. через 6 месяцев перебрался в Лоран и работал в семинарии проф. Рубакина. В Россию тов. Усиевич возвратился вместе с Лениным в запломбированном вагоне и, пробыв несколько дней в Петрограде, был делегирован в Москву, где сразу с головой окунулся в кипучую работу. Июнь, июль и август тов. Усиевич работал в городском районе в качестве секретаря, провел всю выборную компанию, был гласным (по больш. списку) гор. Думы, а затем и районной. В это же время прошел в М. С. Р. Д., где также занял видное положение, войдя в Исполн. Комитет Совета.

В.

Г. А. Усиевич в Военно-Революционном Комитете

Октябрьские дни... Военно-Революционный Комитет в здании Совета, в той половине, где раньше был кабинет Кишкина.

И при воспоминании о днях и часах, которые провели мы там, не можешь не вспомнить тов. Усиевича... И не только вспоминаешь его потому, что он ушел от нас. Переживая вновь все этапы борьбы, оглядываешься назад, чтобы мысленно послать последний привет ушедшим товарищам не только потому...

Усиевич был и тогда со всеми товарищами Военно-Революционного Комитета, но все же был один...

Весь в порыве, нервный, стремительный, он равнодушно шел в самые опасные места и был сторонником самой решительной и беспощадной борьбы с зарвавшимися юнкерами. Он был против переговоров с «Комитетом Общественного Спасения» и требовал прямой решительной войны. Он почти не спал, а задремав, сидя в кресле в пальто, он вздрагивал во сне и быстро вскакивал при каждом шорохе.

Я помню ночь, которую и забыть нельзя, когда Руднев и К-о вели гнусный торг, чувствуя, что

БАРРИКАДЫ.

У братской могилы

Военно-Революционный Комитет попал в засаду, когда силы свежие еще не подошли.

Руднев по телефону требовал сдачи Комитета, разоружения солдат и рабочих.

В эту ночь еще не пришли подкрепления, – в эту ночь были солдаты и только одни они. Военно Революционный Комитет сидел на хлебе и воде, солдаты доедали постную пищу.

— Товарищи, передайте в том случае только, если меня не будет в живых, вот эту записку жене, – и Усиевич протянул мне свежую маленькую записку.

Он сказал это, весело глядя на меня, поблескивая своими глазами из-под очков, которые он всегда нервно оправлял рукой.

«У меня неделю назад родился ребенок»—весело прибавил он.

Кто-то позвал его и он быстро вышел. В ту ночь я его не видала больше и, уходя домой в четыре часа утра, думала, что больше не увижу его, как не увижу всех оставшихся вместе со штабом.

Часа через четыре я позвонила из дому, куда мы пробрались с большим трудом через всякие заграждения, и первый голос, который уловила, был голос Усиевича: «Мы выдержали, пришло подкрепление, если сумеете проберитесь. Но постарайтесь прислать провианту. Записку можете порвать»,—говорил Усиевич.

Это была ночь после перелома. После бывали еще серьезнее моменты. Все время лучше всех чувствовал себя Усиевич.

Началась борьба, упорно-жестокая борьба не на жизнь, а на смерть. И в этой атмосфере Усиевич жил, как подобает революционеру.

Мысленно обращаюсь к тебе, дорогой товарищ, не потому, что ты ушел от нас, не на кладбище я гляжу, а вижу тебя, как символ самой решительной и беспощадной борьбы, как постоянный зов на борьбу.

Ты был прав в октябрьские дни; ты, тогда одинокий, говорил, что мы для облегчения борьбы должны беспощадно расправиться с малыми и большими Дутовыми, которых мы отпустили на волю.

Ты не умер: ты с нами, добрый товарищ!

К. Л.

В доме вблизи Совета

(Среди обывателей).

Дом вблизи Совета, почти бок о-бок с ним. На пять шестых он занят старинными меблированными комнатами и лишь в остальной одной шестой—квартирами и торговыми помещениями. Население его доходит до тысячи человек и представляет все пестрое разнообразие московского населения. Тут и буржуазия всех типов и рангов, и многочисленные представители так называемых свободных профессий от врачей, адвокатов и инженеров до артистов включительно, и интеллигентный пролетариат, и служащие по письменной части, и проститутки, и ремесленники всех видов, и многочисленная «барская» челядь. Дом—типичный уголок старой Москвы со всей патриархальностью ее быта, с иконами, иконостасами, с постами, всенощными и обеднями, с богомольными старичками и старушками, с кислым запахом, с чванными «господами» и лакействующими «слугами».

Февральская революция как-то скользнула по дому, но не тронула и не потрясла его основ. В доме продолжал оставаться «хозяин», которого все из уважения к его хозяйскому степенству почтительно величали только по имени—отчеству. Самым крупным революционным событием в «доме вблизи

Совета» была неожиданно вспыхнувшая летом забастовка гостиничной прислуги, «осмелившейся» потребовать увеличения жалованья с 6 рублей до 35. «Дерзость» прислуги возмутила всех. Но вскоре «хозяин» сообразил, что расход на прибавку жалованья прислуги можно с гаком—да еще как!—переложить на жильцов, и удовлетворил требования прислуги. Жильцы поворчали-поворчали. да и смирились, и продолжали величать «хозяина» почтительно по имени—отчеству, и все вновь пошло по-старому, по-хорошему, по-патриархальному, с «хозяином», «господами» и «слугами».

Правда, был избран еще и домовый комитет, но из господ все таких почтенных, кто чином, а кто капиталом, и вел он себя так прилично, так добропорядочно, в таком согласии с «хозяином», одним словом, настолько так, как полагалось при Временном Правительстве, что отнюдь не напоминал революционного учреждения и не нарушал общего колорита патриархальности.

И вдруг... октябрьская революция. Население «дома вблизи Совета» тоже не чуждо было политики. Оно тоже ходило на митинги у Скобелева и Пушкина, ругало большевиков, верило, что Ленин прибыл в запломбированном вагоне, подкупленный Германией, голосовало, главным образом, за списки № 3 и № 4, одним словом, делало все то, что в области политики полагалось и официально одобрялось при Соглашательском Временном Правительстве.

И вдруг... октябрьская революция, т.-е. еще не революция, а восстание большевиков. Революцией признавать и называть это событие население «дома вблизи Совета» еще нескоро научилось и при-

Как громом, охватило «восстание большевиков» население «дома вблизи Совета» и... он сразу и надолго превратился из патриархального, мирного и сонного царства «хозяина» с «господами» и «слугами» в неумолкающее «осиное гнездо».

Грохот орудий, такание пулеметов, трескотня ружей, шипение и свист летавших через дом, справа его, слева, всюду снарядов и пуль—все это, словно кротов, выбило из их нор и вышибло из душевного равновесия самых ископаемых представителей «дома вблизи Совета».

Выйти из дома никто не осмеливался, а потому в общем боевом шуме населению дома трудно было разобраться в ходе событий. Но нетерпеливое страстное желание питало фантазию обывателей дома и подсказывало им воображаемый, но охотно принимаемый за действительность исход борьбы.

— Господа, — докладывал в первый день один обитатель дома внимательно его слушавшим обитателям:—наш председатель домового комитета только что звонил городскому голове. Городской голова сообщил, что сегодня уже все будет ликвидировано.

— Ну, слава Богу, слава Богу,—неслось с разных сторон, из среды вспугнутых ископаемых, серьезно веривших, что городскому голове в это время нечего было больше делать, как переговариваться по телефону с их председателем домового комитета.

— Господа, — рассказывал на следующий день другой обитатель дома в полковничьем чине, а потому с видом особенной авторитетности и осведомленности в военных делах,—господа, мне только что звонили из штаба, что в 30 верстах от Москвы Корнилов с войсками

— Ну, слава Богу, слава Богу, ах, скорей бы — неслось в ответ из среды почтительно слушавших такое осведомленное лицо и на смерть перепуганных стрельбой обывателей, которым и в голову не приходило усумниться в возможности такой быстроты передвижения хотя бы и для такого «героя», как Корнилов.

Впрочем, нашелся было один скептик, который спросил полковника:

— Откуда же взялся Корнилов, да еще под Москвой?

Но тут же вынужден был смущенно ретироваться, так как за свое дерзновенное недоверие к «сообщению из штаба» поплатился общим гневом.

— Господа,—докладывала из ревности к осведомленности полковника не менее, чем он, важная дама:—мне только что сообщили по телефону, что по Брестской дороге приближаются два корпуса кавалерии.

Выживший из ума почтенный старик небольшого роста, с длинной седой бородой и такими же волосами, в пенснэ на кончике носа, с таинственным и многозначительным видом вещуна-прорицателя ходил от одного к другому и полушопотом повествовал, что это неудивительно, что все это должно быть, что какой-то монах из Чудова монастыря владеет такими-же таинственными, как и он сам, книгами, где все предсказано, почти изо-дня в день, что это еще не все, что в образе большевиков явился Антихрист, как и в образе Вильгельма, и всякую прочую чернокнижную гниль.

Так ночами не спало, дежурило и питало себя несбыточными надеждами обывательское население, наглухо забитого «дома вблизи Совета» «в боевые»

октябрьско-ноябрьские дни, не решаясь подходить к окнам и толпясь в проходах и коридорах. А тут же под боком у него от звуков орудийной пальбы дала серьезную трещину патриархальность дома. В доме, как оказывалось, было не одно только возмущение и негодование большевиками, а были у них и союзники.

Из окон «дома вблизи Совета» упорно слышались выстрелы по революционным рабочим и солдатам. Так, по крайней мере, утверждали патрули. Осматривали дом раз, два, и уходили ни с чем. Наконец, пришли, обошли все номера, где жили офицеры, отобрали у них оружие и всех забрали, а в том числе и «хозяина». Общий голос «господ» сразу признал это делом «слуг, которые за большевиков»,—и указали. Так в «доме вблизи Совета» началось отделение трудового народа, служащих трактирного промысла, от «господ»,—«буржуев».

Стрельба не прекращалась. Население дома вздыхало и охало, питало свое напуганное воображение рассказами о творимых и творившихся ужасах, причем всегда являлись такие хорошие, такие ангелы—избавители от злого истребительного духа в образе большевиков—офицеры, среди которых у кого был брат, у кого родственник, а у кого просто знакомый или любовник. А Корнилов, мигом навербовавший армию и отмахавший сотни верст, все никак не мог одолеть оставшиеся ему до Москвы тридцать верст и усмирить, наконец, большевиков, и хорошенько с ними посчитаться. Два корпуса кавалерии, несмотря на всю свою кавалерийскую прыть и лихость, тоже где-то застряли.

Правда, говорили, что большевики пошли навстречу и Корнилову и двум корпусам кавалерии,

которые будто бы уже соединились, и что бои идут под самой Москвой. Но мало ли что еще говорили себе в утешение. Ведь, говорили же, что колокола Ивана Великого зазвонили, так себе, сами собой, без всякого чьего-либо участия, и что большевики—безбожники втащили пулемет наверх колокольни Страстного монастыря, и давай оттуда палить из него—не стреляет, перетащили этажем или ярусом ниже — не стреляет, отказывается, вытащили на Страстную площадь,—застрелял, тут пали на колена все большевики и полились у них слезы из глаз во время молебна, который по такому случаю стал служить причт монастыря. Говорили еще другое прочее, но действительной веры в возможность спасения от большевиков и возможность их раскаяния в «доме вблизи Совета» становилось все меньше и меньше, а когда один шальной снаряд угодил в стену дома,—и совсем не стало.

Мало того, все как-то преобразилось. Правда, слышалось еще и шипение против большевиков. Но, в общем, как-то сразу оказалось, что население «дома вблизи Совета», собственно, ничего против власти большевиков не имеет, что оно даже вовсе аполитично. Что власть?—Тлен, прах! Пусть большевики, лишь бы все скорей успокоилось и был порядок.

А господин, который еще в первый день нетерпеливо ожидал обещанной городским головой ликвидации, признавался, что большевики—те же русские люди и что с ними можно будет сговориться. О социализации, муниципализации, национализации, борьбе со спекуляцией и прочим, что нес с собой большевизм, еще только смутно догадывались и как о всяких неприятностях, временно старались не

особенно задумываться, все еще веря в лучшее буржуазное будущее.

Так встретило совершившийся уже октябрьский переворот население «дома вблизи Совета»,—типичного уголка старой Москвы, и высыпало на улицы с неизменившим ему любопытством, рассматривая следы умолкнувшей борьбы...

Илья Владимиров

В октябре.

Я приехал с фронта 26-го октября в первый день революции. Вокруг Совета стояли патрули, которые меня не пропустили.

Шел товарищ *Ведерников*, который и провел меня в Совет. Там еще было мало народу. Я остался в Совете и стал работать помощником секретаря Революционного Штаба. Дело Штаба еще не было налажено. Часто было, что некому было принять донесение или отдать распоряжение. Но здесь выручала товарищеская находчивость: кто-либо из штаба или пятерки брал на себя работу и исполнял.

Часто было, что начальники боевых участков требовали себе поддержки, а распорядиться некому. В таких случаях делалось очень просто: кто-либо из товарищей шел в помещение и кричал во все горло: «Товарищи, нас на участке N.... теснят, идите к нам 70—80 человек», и тут же рассказывает, как белым дали трепку. Тут же на клочке пишет записку начальнику отряда и передает ее уходившим отрядам. Обыкновенно, шли небольшими кучками. Часто вместо требуемого числа являлось гораздо больше а иногда - и наоборот.

Но вот стали работники прибывать, а комнаты второго этажа стали почти полны. Революционный Штаб разделил функции между товарищами, которые и стали вести всякий свое дело. Товарищ *Аросев* исполнял обязанности председателя. Он был представителем от Военно-Революционного Комитета. У него часто происходили стычки на собрании с *Саблиным*, который его обвинял в нерешительности и медлительности. Время шло. Большинство активных работников не спали, — дни и ночи слились. В комнатах стало трудно ходить от массы народа. Войска прибывали. В Совете их помещать негде; стали переводить в другие помещения. Тут уже пришлось и арестованных вывести из здания. А пушки грохочут, пулеметы где-то далеко. Жизнь в штабе бурлит. Все спешит, торопится. Военный Ревком заседает. Никого не впускают. Вечером заседание Штаба до полуночи. В это время собирались начальники участков. Им разрешалось приходить, так как бои немного затихли. Они приносили вести с участков, и всегда сообщалось, что нам трудно, но что дерутся наши геройски. Войска, прибывавшие из провинции, тут же посылались на боевой участок. Там они сперва трусили, и юнкера обыкновенно их немного теснили, но через несколько часов они привыкали, набирались смелости, сами теснили юнкеров или вышибали с укрепленного пункта. Для них пришлось готовить ужин в походных кухнях, которые развозили по участкам.

Связь с участниками была живая. Телефонов полевых не проводили, артиллерии было очень мало, войска продолжали подходить. Приходилось останавливать и размещать на окраине города. По Савеловской пришли три броневика, из которых

два не дошли, испортившись по дороге, а третий дошел до Совета и тут остановился.

Но вот поступают отрадные донесения. Взяли градоначальство... Затем к нам в Штаб приносили оружие, бомбы и являлись товарищи с известиями о победе и с просьбами о новом назначении на боевой участок.

Взяты уже «Метрополь» и «Националь», куда были посланы надежные товарищи уничтожить весь запас вина. Почти у каждого жителя этих мест были найдены револьверы, а то и два.

Когда Военно-Революционный Комитет приказал прекратить стрельбу по случаю так называемого перемирия, большинство рабочих было против такого перемирия, но стрельбу все же прекращали. Однако, стоило юнкерам начать,— и наши уже не переставали. Юнкера всегда начинали стрельбу первые и притом предательски. Так, на одном участке во время перемирия была убита из пулемета женщина с ребенком. Это возмутило наших товарищей, и они, не дожидаясь окончания срока перемирия или приказа, открыли стрельбу. А в Штабе работа шла усиленно. Машинистки работали наравне со всеми дни и ночи, не смыкая глаз. Только через несколько дней удалось им уснуть на столах за машинками. Я помню некоторые после 4-х бессонных ночей качались и не могли стоять. Сведения стали поступать все отраднее и отраднее. Войска же приходилось задерживать в провинции, т. к. их в Москву стянулось слишком много. Один участок за другим стали переходить к нам. Члены Военного Ревкома поехали на переговоры. Большинство воспользовалось этим и прикурнули на стульчиках, положив голову на ладонь а ладонь на стол

Наконец, был заключен мир. Муралов назначен командующим войсками. Он забрал с собой Аросева, Когана, Самсонова, Сапелова, Жаворонкова, Владимирского и переехал на Пречистенку, где находится и по сие время, только не командующим войсками, а Окружным Военным Комиссаром.

Самсонов.

Трагический момент.

...Война с юнкерами длилась уже несколько дней... Бессонные ночи... беспрерывная, напряженная борьба... Обилие тяжелой, нервной, подчас, страшно хлопотливой работы... Чувствуется невероятная усталость. Товарищи, однако, все до единого на своих местах, бодрствуют, проявляя максимум деятельности, энергии и работоспособности.

Московский Совет представляет из себя настоящий военный лагерь. Доставляются и тут же раздаются боевые припасы, уходящие войска снабжаются продовольствием, массами прибывают из районов люди, беспрерывно заседает Военно-Революционный Комитет. Все кругом кишит-кишмя, стоит неугомонное жужжанье, как в улье.

Борьба все дни идет с переменным счастьем. Общее положение продолжает оставаться неопределенным.

Инстинктивно чувствовалось, что так дольше продолжаться не может, что кризис не сегодня-завтра наступит и перелом близок. Становилось ясно, что надвигается, быть может, и самый грозный, и самый критический момент.

И, действительно, этот момент наступил.

Помню, хмурый октябрьский день склонялся к концу. Спускались густые сумерки. Тяжелые гроз

ние тучи заволокли и без того пасмурное небо. Сыро... холодно...

Начался поток тревожных вестей. Доносили, что наших теснят, юнкера окружают Совет. Связь с районами определенно прерывается.

Как бы в подтверждение этих ошеломляющих донесений, во всех переулках, прилегающих к Совету со стороны Б. Никитской, начали показываться юнкера. Неприятельская артиллерия то и дело стала попадать в здание Совета. Нам отвечать было нечем: артиллерия к нам еще не пришла.

Приток донесений из районов прекратился и с часу на час можно было ждать, что мы очутимся в мешке, окруженные со всех сторон и отрезанные от внешнего мира.

Не было, конечно, никакого сомнения в том, что рабочие в районах будут продолжать борьбу, но кто в этот момент поручился бы, что падение Совета и Военно - Революционного Комитета, и гибель лучших вождей московского пролетариата не произведет в районах того тягчайшего и убийственного впечатления, которое может оказаться гибельным для октябрьской борьбы и роковым образом повлиять на ее исход.

Этот момент надо считать самым тревожным, самым тяжелым на всем протяжении октябрьских дней. Надо на деле пройти путь революционной борьбы, чтобы знать и навеки помнить, что критические и тяжелые моменты не должны сеять в душе тревоги, страха и сомнения, а, наоборот, обязывают к напряжению всех, вплоть до последних сил, проявлению высшей энергии и самообладания. Только кризис и влечет за собой выздоровление. Самый тяжелый момент октябрьских дней оказался

и решающим, открывшим впоследствии широкий горизонт счастья, радости и торжества революционной Москвы. Но в те немногие часы положение казалось безвыходным и гибель неминуемой.

И было, признаться, страшно... Страшно было за дело октябрьской революции. Страшно было за исход начатой нами революции.

Юнкера показывались то там, то сям, все ближе и ближе охватывая Совет тесным кольцом. Рябцев уже ультиматумов по телефону нам не посылал и условий сдачи не выдвигал.

Тупоумные наймиты! Они были уверены в своей близкой и полной победе, а „с побежденными", ведь, не разговаривают. Победа, правда, оказалась близка, но не их победа—контр-революции, а наша—победа рабочей Москвы.

Заседание В. Р. К. Масса планов и предложений... Взвешены все доводы, мнения и соображения. Положение учтено во всех деталях. Решено: центр тяжести и борьбу перенести на районы; самим в руки юнкеров не сдаваться и частью поодиночке разойтись по районам, частью оставаться в Совете до конца. Из Совета вынести и спасти все, что можно, остальное сжечь.

Стали расходиться отдельные товарищи. Помню, уходил бледный т. Ногин, командированный в район. Пожал мне руку, произнес: „прощайте", и направился к выходу.

Я никогда не забуду этого мгновенья, полного трагизма и сложного переживания. Было жутко на душе.

Все эти товарищи, с именами которых связаны лучшие воспоминания совместной работы за минувший тяжелый год, с которыми мы были так спаяны в эти дни октябрьской борьбы все они поодиночке

расходились искать, быть может, смерть свою в различных уголках отбивающейся изо всех своих сил от контр-революции Москвы.

Чём-то диким тогда казалось мне отдать Совет в руки юнкеров.

Совет.. Эту святая-святых, куда тянулось столько сердец, где, как в волшебном фокусе, концентрировались и переплетались лучшие помыслы и чаяния московского пролетариата. Совет, в котором, как в зеркале, находили себе отражение треволнения и пережитые муки революционной Москвы. Живой свидетель всех событий и настроений минувшего бурного года, он после меньшевистско-эсеровского властвования жил нервной жизнью нашей революции.

Вспомнились июльские дни: «Вся власть Советам!..» Вспомнился январь.... Вчерашний и третий день, когда к Совету шли рабочие и солдаты отдать жизнь свою за него, кровью своей запечатлеть свою преданность, любовь и верность тому делу, которое он творит.

Неужели этот Совет теперь будет сдан и осквернен белогвардейским сапогом?

Было до боли мучительно.

Я не представляла себе возможности остаться жить после того, как Совет будет разрушен юнкерской рукой, и решила остаться тайком.

Но подошел т. Розенгольц и, указывая на стоявших поблизости двух товарищей, заявил: «Вы и эти два товарища отправляетесь в городской район отыскивать помещение под лазарет, канцелярию и пр.». Чтобы выполнить поручение В.-Р. К., мне пришлось покинуть Совет, и я направилась в Городской район.

Выход из Совета оставался лишь один: на нынешнюю Советскую, а в то время Скобелевскую

площадь. Впрочем, был-ли и этот единственный выход вполне безопасен?

Делать было нечего. Пришлось рискнуть... Было 2 часа ночи. Стояла непроницаемая мгла. В 2-х шагах ни зги не видать. Дождь лил, как из ведра.

Шагали с товарищами быстро, ступая из одной лужи в другую и обдавая друг друга грязью. Шли молча, не проронив ни звука, чтобы не выдавать тяжести, камнем лежавшей на душе. Да и без слов все казалось ясным. Читали друг друга насквозь.

Пройдя шагов 100, оглянулась... Совета уж не видать. Скрылся во тьме.

Итти пришлось далеко. Городской район помещался тогда на Сухаревке, в трактире, если не ошибаюсь, Романова. Расположения своих и вражеских войск мы не знали. Шли вслепую. Попавшуюся навстречу роту солдат мы приняли за юнкеров.

Я притаилась за ближайший фонарный столб, стараясь остаться незамеченной. Было страшно умирать. Мысленно прощаясь с жизнью и благословляя революционную Москву на «последний и решительный» бой, я стояла с замиранием сердца, напрягши до крайности слух. Приближаются... Поравнялись... Солдаты оказались своими.

Облегченно вздохнув, обменялись со своими попутчиками взаимным комплиментом «трусы» и тронулись дальше.

Приближаясь уже к Сухаревке, совсем близко от цели, мы попали под обстрел своего же патруля, который беспощадно палил по автомобилям, несшимся куда-то без огней. Пули свистели; лавируя всячески, мы добрались, наконец, до трактира Романова, который, как и все боевые центры, имел вид вооруженного лагеря

В комнату, которую занимал В.-Р. К. Городского Района, попасть было делом нешуточным. Лишь после долгих препирательств с часовыми нас впустили.

...За столом тов. Филер подписывает бумаги. Вид измученный. Лицо изможденное. Глаза воспалены. В углу, крайне небрежно раскинувшись на туго набитых мешках, спал, издавая легкий храп т. Тверитин, подложив под голову крепко сложенный кулак, в котором угрожающе был зажат револьвер. Присутствовало в комнате и еще несколько товарищей, мне незнакомых.

Наше сообщение о решении В.-Р. К оставить Центр. Совет и перейти в район произвело на Филера ошеломляющее впечатление. Сорвавшись с места и подскочив к Тверитину, он нервным и быстрым движением разбудил его.

Тверитин, услышав о прибытии людей из центра, быстро вскочил на ноги и с лицом, правда, еще сонного человека, недостаточно громко отчеканил: «по-сто-ронним вый-ти». Некоторые товарищи вышли. Из смежной комнаты появились, очевидно, узнавшие о нашем прибытии члены военного штаба: т. Бобинский и Ольга Афанасьева, женщина лет 50-ти, укутавшая голову в беленький платочек, и еще один товарищ низкого роста.

Как только Филер изложил им принесенное нами сообщение о положении дел в центре и решении В.-Р. Ком., Бобинский весь как бы воспламенился и, замахав руками, стал с нервной дрожью в голосе, искренно возмущаясь, кричать: «где военный центр?— Тут, у меня военный центр!—другого нет. Здесь у меня разработаны все планы военных действий. Я все время ударяю юнкерам в тыл, а своим решением

Совет обнажает юнкерам мой фланг и мешает мне выполнить намеченную грандиозную задачу!»

Смущенные, мы с улыбкой переглянулись с остальными товарищами.

«Тыл, фланг» и авторитетные заявления о том, что он штаб-центр, а не штаб В.-Р. К.—все это смутило нас. Филер попробовал было убедить его, что до сих пор, по крайней мере, было известно лишь об одном центре, а именно—нашем, при В.-Р. К., но Бобинский упорно стоял на своем и повторял: «тыл, фланг»...

Пришла ему в помощь и Ольга Афанасьевна. Скрестив руки на груди, она тонким голосом проговорила: «Зачем вы решились оставить Совет? Ведь, я вам сейчас только что послала в подкрепление 250 человек пехоты... Не легкомысленное ли это решение?»

Авторитетный тон этих заявлений, соображений и претензий так изумили нас, что даже и в такую серьезную минуту общего положения мы не могли не рассмеяться.

Мешки, на которых мы застали спящим Тверитина оказались наполненными, по нынешним временам, сказочным продуктом, не более и менее, как прекрасной на вид и оказавшейся не хуже на вкус, колбасой. Забыв счет и вес, мы вдоволь наелись, потом принялись за работу, отправившись искать помещения.

Выбирать приходилось любой из трактиров. Лучшия помещение мы еще не решались тогда реквизировать...

Кабатчики и буфетчики изо всех сил, мудрствуя лукаво, старались отделаться от нас и всячески, с видом знатоков военного дела и опытных стратегов

доказывала нам непригодность тех или иных помещений под штаб, Совет, В.-Р. К. и пр.

Помещение, однако, было найдено и приготовлено, о чем и дано было знать в Совет.

С минуты на минуту я ждала прибытия товарищей из Совета. Но к величайшему моему изумлению, час бил за часом и никто не приходил.

Никакими словами, самыми яркими красками не передать того тревожного настроения, которое мне пришлось испытать. Волнение мое достигло высшей степени.

Бьет четвертый час,... четверть пятого... Вот и рассвет... но никто не пришел, никаких вестей... каждая минута ожиданья кажется вечностью.

Кругом немая тьма... Лишь издалека бухают пушки...

Явилась мысль, не взят-ли Совет юнкерами, не перебиты ли все до единого товарищи, оставшиеся в Совете.

Терпение иссякло. Не выдержали и до крайности напряженные нервы, и, сорвавшись с места, я пустилась, сломя голову, к Совету, туда, где казалось, уже решилась или решается судьба недавно оставленных мною товарищей.

Дождь лил проливной. Многие улицы, которые пришлось пересечь, были совершенно пустынны, лишь изрыты окопами. Местами рабочие продолжают еще рыть и укрепляться. Кой-где женщина с выражением смертельного страха на лице выглянет и, как подстреленная, быстро бросится назад, захлопнув за собой калитку. Пушки бухают беспрерывно. Их далекий гул резко и зловеще нарушает тишину рассвета

Вот и Петровка. Здесь военные действия в разгаре. Идет перекрестная стрельба. Пули свистят вдоль и поперек, издавая характерное жужжание.

Я мчалась, точно угорелая, не замедляя шага, не теряя времени. Все помыслы и стремления: «к Совету». Один лишь вопрос, больной, жгучий и властный, сверлит мозг и гонит вперед: цел-ли Совет — этот революционный центр Пролетарской Москвы, очаг, душа и мозг октябрьского восстания? Живы ли товарищи, столь нужные нам?

Б. Дмитровка. Еще немного,—и я у цели... Кругом ничего не вижу. Совет манит и зовет.

Но вот со стороны Тверской доносится характерный шум, слышится бряцанье оружием и раздаются выстрелы, слышны крики, топот лошадей...

Вот и Скобелевская... На площади идет бой. Люди, кони—все перемешалось.

Сомненья нет,— юнкера берут Совет...

Еще усилие и я—вбегаю в Совет и падаю без сил...

Открываю глаза... Голова тяжелая, точно налитая свинцом... Ноет в груди... Перед глазами круги...

У изголовья товарищ поясняет, что за ночь положение изменилось: Совет удалось отстоять, юнкера были прогнаны, а наши, узнав, что напротив, в здании градоначальства, спрятались казаки, начали наступление и взяли приступом градоначальство.

Утром подошла артиллерия...

П. Виноградская.

Октябрьские дни в Москве

Да я хорошо помню октябрь 1917 г. в Москве. Я был в то время одним из тех товарищей, которые возмущали своим присутствием цивилизованных московских обывателей.

Я был рядовым 4-й роты 251-го пехотного полка, помещавшегося в большом красном доме «Великан» на Садовой улице. Огромный шоффер потрясал резиновой шиной на гигантской стене этого дома, и я издалёка видел его.

Утром, выбегая из казармы купить газету, я неизбежно видел с одной стороны Сухареву башню, некрасиво загроможденную досками, а с другой — мрачные Красные Ворота и бесконечную запутанную сеть проводов.

Близко виднелась торговая Сухаревка, на которой в минуты отчаяния я продал многое из своего туалета.

Когда в воздухе носился октябрьский переворот, я был членом ротного Комитета.

В казармах много говорили о готовившемся выступлении большевиков, говорили о необходимости поддержать своих... Приблизительно указывали день выступления.

Полк весь был на стороне большевиков

Командный состав куда-то сразу скрылся за исключением одного прапорщика Акулича.

Вечером (?) октября я узнал, что на завтра назначено собрание членов полковых и ротных Комитетов в Политехническом музее.

Собрание состоялось в аудитории № 1—огромной круглой зале. Говорили зажигательные речи. Я хорошо помню речь члена 7-ми т. Усиевича, ярко и последовательно выяснявшего создавшееся положение и необходимость активных действий. Ему бурно аплодировал весь зал. Возражали ему офицер меньшевик, эсеры и другие.

Второе по счету заседание в Политехническом было еще более бурным. Была большая оппозиция большевикам. Атмосфера накалялась до невозможности. Звучали призывы к единению.

Но становится известным, что юнкерские части уже окружили Кремль и 256 полк в нем. Они стреляли по обезоруженным солдатам полка. Медлить нельзя. Надо готовиться к выступлению.

Пришел в казармы...

Что-то будет... Нам сообщили, чтобы мы были готовы к выступлению. Мы готовы и ждем.

Поздно вечером получили приказание занять Варварские Ворота.

Собираемся, берем винтовки и идем...

Улицы пустынны. Идем по обоим сторонам их к манежу на Цветном бульваре. Неприятное чувство неизвестного. Не попасть бы в засаду.

«Реже цепь», кричит подпрапорщик: «так сразу могут скосить половину пулеметом».

Цирк Саломонского. Вот он манеж

Нас наделяют патронами. Молодые солдаты неумело заряжают ружья. Кто-то нечаянно стреляет... Испуганные лица...

Трудно было поверить, что эти же солдаты в течение нескольких дней привыкнут к винтовке и выбьют юнкеров из почтамта и телефонной башни.

...Идем еще более редкой цепью к Кремлю и, наконец, находим и занимаем Варварские Ворота. Кремль окружен юнкерами. В нем находится окруженный большевистский полк...

Оставляем заставу и идем неподалеку греться у костра.

Где-то не очень далеко стреляют залпами...

Связи с другими большевистскими частями нет.

Есть много желающих удрать обратно. Их приходится уговаривать. Долго и томительно ждем чего-то.

Приходят несколько вооруженных людей и сообщают, что они—другого полка и занимают соседние ворота.

Несколько часов проходят в тяжелом ожидании. В разных местах слышится беспорядочная стрельба. Люди с винтовками толпятся около костра и негромко разговаривают между собою... Красноватые отблески костра падают на серьезные лица...

Из темноты появляется фигура человека в штатском, который рассказывает нам, что он ехал около Кремля на извозчике, как вдруг их обстреляли юнкера и тяжело ранили извозчика.

Где-то совсем близко началась сильная стрельба.

Человек 30 с подпрапорщиком ушли. Осталось человек 20 самых молодых солдат, в том числе и я. Совсем неприятно... Боимся попасть в плен к юнкерам

Костер погушила. Винтовки плотно сжаты в руке Ждем их появления.

Наконец, приходит на смену Самокатный полк и я, проводив его до Кремля, иду к Садовой..

Встаю и чувствую себя прекрасно. Проспал до 11 часов и утро солнечное. Почему же и не быть хорошему настроению... Вспоминаю, что мне к 11 час. итти в Политехнический. Поздно, но все-таки пойду...

И, не спеша, напившись чаю, я весело шагаю по Мясницкой, возбуждая негодование буржуев своим сверхпролетарским видом. Меня предостерегают, что где-то близко юнкера, но я не верю: юнкера не могут быть ближе Кремля... Здание почтамта охраняется нашими солдатами... Иду уверенно дальше.

Около «Кенца» вижу несколько патрулей, но только, когда подхожу к ним вплотную, замечаю, что это юнкера. Говорили же мне!.. Не поверил!.

Я хочу повернуться обратно, но поздно, мне кричат: «стой!» и целятся..

Это действует неприятно на нервы, и я волнуюсь...

Какое право имеют эти лица задерживать свободных граждан и брать их на мушку... Со мной вместе задерживают еще одного товарища. Нас обыскивают и находят мандаты на собрание в Политехнический...

Куда-то влекут. Мой невольный спутник протестует, но угроза немедленного расстрела заставляет его замолчать...

Я становлюсь необыкновенно спокойным и величественно смотрю на остановивших меня. Разве не мое право ставить себя выше других? Забрали в плен! По какому праву?...

Нас провели через какую-то крутящуюся стеклянную дверь и оставили в небольшой комнате под бдительным надзором, не позволяя даже двигаться, не только сесть.

Ожидание вообще неприятно, а в таком случае в особенности... Проходят долгие полчаса.

Входит какой-то офицер и спрашивает арестованных. Ну, конечно же, мы арестованные и арестованные напрасно. Я думаю никакой надобности не представляется меня держать...

«Куда вы шли?»...

Мы признаемся, что шли в Политехнический на собрание и начинаем доказывать всю несправедливость нашего задержания...

Разве справедливо задерживать кого бы-то ни было...

Офицер колеблется. Он поражен нашими доводами. Он разрешает нас отпустить, но только с тем, чтобы мы шли обратно.

Да это почти хорошо... Я свободен...—Всего хорошего!... Они рвут наши мандаты и другие документы... Рвите!...-Чорт с вами!...

Иду несовсем уверенно обратно: винтовки направлены в мою сторону. Появляется сомнение в юнкерском великодушии. Но я иду, по-солдатски махая руками и не оборачиваясь назад...

Подхожу к почтамту...

Ну, ладно же!..

---

28 октября в Москве

Просыпаюсь... Слышны выстрелы...

В Москве война...

Шумно входит мой товарищ, поляк Сволькен... У него воинственный вид, в руках «Венчестер», а на лице мальчишеский задор.

«Слушай.. чего ты лежишь? Бери винтовку и пойдем буржуев обыскивать... Только скорее»...

Через пять минут я прыгаю через бесконечные железные ступеньки дома «Великан» и слушаю повествования Сволькена о происходящем.

У меня русская винтовка, которую я достал в полковом комитете. Во всей роте не только Венчестера, но и русских винтовок не осталось.

Маленький мороз. Двор покрыт инеем... Толпы возбужденных солдат нашего полка стоят по обоим сторонам Садовой. Вдали, около загороженной лесами Сухаревой башни, слышна ожесточенная стрельба.

Несколько ближе Красных ворот виден грузовой автомобиль без передних колес. Я видел вчера из окна, как он на всем ходу внезапно развалился.

В разных местах слышатся выстрелы, но на тротуарах толпится огромное количество любопытных московских обывателей. Нарядные женщины с любопытством спрашивают что-то у вооруженных товарищей

Іе снисходительно им отвечают...

Но слышатся учащенные выстрелы где-нибудь слишком близко и испуганные зрители в панике бросаются в разные стороны и куда-то пропадают с тем, чтобы немедленно появиться снова.

Показывается автомобиль Красного креста. Ему кричат, чтобы он остановился,—и он немедленно останавливается. Проверяют документы и пропускают дальше.

За ним следом мчится красивый частный автомобиль. Он не успевает во время остановиться и несколько винтовок угрожающе направляются на него. Шоффер испуганно останавливает машину и поднятые руки двух буржуев дрожат от страха. Они, испуганные и бледные, о чем-то просят остановивших и показывают пропуск. После долгих рассуждений их обыскивают и пропускают.

Около ворот в казармы останавливают проходящих, кажущихся подозрительными, преимущественно офицеров и граждан в котелках. Их обыскивают и отбирают оружие.

Некоторые сопротивляются, протестуют и их тащат в полковой Комитет. Большинство же с ужасом на жирном лице дает все, лишь бы только их скорее пропустили...

Едет грузовик. Над ним возвышается лес штыков. Около шоффера сидят вооруженные люди. Они кричат, что едут на почтамт, и автомобиль не останавливают.

За ним едет черный частный автомобиль, по на нем тоже сидят вооруженные солдаты, двое с винтовками лежат по бокам автомобиля на рессорах.

Он останавливается около нас... С рессоры соскакивает солдат нашей роты Грилуев,

Она ездила к дому генерал-губернатора на Тверской, там вожди переворота, но туда очень трудно проехать: приходилось отстреливаться.

Узнаем, что на Сухаревке баррикады, окопы, пулеметы и бомбометы—все, что хочешь. Юнкера на Мясницкой засели в почтамте... наши их оттуда выбивают... здорово дерутся... много убитых.

Придется, повидимому, побывать там.

Время быстро подвигается к обеду. Подъезжают и уезжают автомобили, обыскиваются проходящие... стреляют...

«А если у меня нет оружия?..»

Обыскивающий находит револьвер. «А это что?..»

«Пристрелить его... Ишь прячет револьверы!..»

Буржуй бледнеет.

Его влекут в Комитет.

«Скажите, можно пройти до Сухаревой?»—спрашивают две красивые девушки... Они тяжело дышат от быстрого бега и волнуются.

«Можно. Только поскорее»!..

«Конечно, можно!..»

«Известно!..»

Иду обедать.

Я пообедал, приделал к своей винтовке ремень вместо веревки, и чувствую себя в воинственном настроении.

Свольксна уже нет: он удрал на почтамт.

Все остальные мои товарищи по роте где-то на Ходынке в наряде...

Что же, здесь сидеть не стану. Пойду один...

Спускаюсь по лестницам на двор. Около ворот стоит грузовой автомобиль с патронами и новыми русскими винтовками.

Группа солдат все еще обыскивает буржуев

К нашим казармам подъезжает грузовик, ощетинившийся штыками. Он просит подкрепленья. В нем есть еще свободные места.

«Полезайте же кто-либо скорее!.. Чего бояться!.. Надо же»...

Я молча лезу в автомобиль.

Два товарища из нашей роты приветствуют бурно меня.

Трясемся на автомобиле... Свертываем на Мясницкую. Надо готовиться. Щелкают затворы винтовок.

«С большого дома нас, наверное, обстреляют: ложитесь на дно и, в случае чего, отстреливайтесь!..»

Неудобно ложусь в тесноте и жду. Нетерпеливая дрожь пробегает по спине.

Но высокий дом мы спокойно проезжаем и останавливаемся, не доезжая почтамта. Около стен, прижимаясь к уступам, идут кучки солдат к серому зданию с циферблатом.

Навстречу идут несколько товарищей.

«Почтамт взят!» сообщают нам они. «Но только идите все-таки осторожнее: изо всех домов стреляют из револьверов».

Подбегаем под крыльцо почтамта и пробуем оценить свое положение. Юнкеров не видно. Но в разных местах из высоких домов слышатся слабые, как щелчки в воде, выстрелы из револьверов.

Озлобленные солдаты изредка открывают ожесточенную стрельбу по подозрительным пунктам.

Понесли красноармейца, убитого незадолго до нашего прихода из окна.

Мне передают, что первая пуля попала ему в руку. Он не спрятался и хотел ответить выстрелом на выстрел подлому врагу, но вторая пуля попала в лоб

Нет. Это же, действительно, возмутительно: стрелять трусливо из окон и прятаться.

«Это буржуи мстят за своих сыночков», замечает один из товарищей.

Из круглого отверстия карниза, противоположного желтого дома, снова раздается выстрел.

«Вон оттуда!..»

Десятки винтовок направляются в указанное место и открывается оглушительная стрельба.

«Разве можно попасть: уже спрятался», разумно замечают некоторые.

...Служащие почтамта упорно не отдают ключей от помещений здания. И только с трудом, угрожая им, мы получаем возможность проникнуть в почтамт.

У входа лежит убитый юнкер. Мы лезем наверх и рассыпаемся по бесконечной воздушной галлерее почтамта. Там совершенно пусто...

Мы никого не находим.

Оставляем в разных местах часовых.

Выхожу снова на улицу. Из разных домов еще стреляют. Целая канонада открылась в начале Чистопрудного бульвара. Пробуют обыскивать подозрительные дома. Но виновников стрельбы установить невозможно.

Я располагаюсь около киоска рядом с почтамтом. Он пробит несколькими пулями, и я созерцаю простреленную физиономию Ника Картера.

Из почтамта выходят несколько служащих,—преимущественно барышень. Они боятся нас и неуверенно спрашивают, можно ли им пройти домой?

Им объясняют наперерыв, что пройти, конечно, можно: стрелять в них, ведь, никто не станет.

Они испуганно бегут среди стреляющих и скрываются за поворотами улиц...

Никольские ворота

В концо-концов, мы с одним из моих товарищей предлагаем двум оставшимся боязливым блондинкам свои услуги в качестве неустрашимых провожатых. Мы идем мимо опасных домов к Тургеневской площади.

«Какой ужас!.. Они так боятся выстрелов!.. Ведь, легко могут убить!..»

«В вас никто стрелять не станет!» уверяю я их. —„Вот нас могут убить“...

„Да, вы очень храбры“!..

Мы доводим их до высокого красного дома напротив Тургеневской читальни и они, горячо поблагодарив нас, исчезают в дверях.

Снова около почтамта. Кучки солдат, прижимаясь к стенам по обоим сторонам улицы, двигаются дальше. Юнкеров все больше и больше теснят. Я двигаюсь с другими.

На Лубянке усиленно начали работать пулеметы...

Юнкера засели в Телефонной башне. С разных фронтов в течение нескольких дней я воевал с ними.

Вправо от Мясницкой за Тургеневской площадью строится большой каменный дом. Из этого дома постоянно происходит ожесточенный обстрел телефонной башни. Я раза три лазил по деревянным бесконечным лестницам этой стройки и видел расположение юнкеров. У них был выкопан окоп и, прячась в нем, они очень старательно и методически отвечали на наши залпы.

За эти несколько дней было уже много убитых с нашей и их стороны.

Два раза я стоял в наряде на почтамте и слушал, как услужливые почтовики хвалили нас и ругали юнкеров. Не знаю так ли они говорили в другое время без нас...

Побывал несколько раз и на Сухаревке и видел ее окопы и баррикады. Обыватели уже боялись показываться на улицах.

Изредка пробегало несколько человек из пролетарской публики.

Печально висели оборванные провода...

В засаде против Милютинского переулка.

Был самый напряженный момент октябрьской борьбы...

По Большой Садовой ходили вооруженные солдаты и лишь изредка испуганно пробегали обыватели. Бесконечные залпы и трескотня пулеметов прерывались орудийными выстрелами:.. „Артиллерия громит Кадетские корпуса", говорят товарищи, и в их голосе слышится уважение к мощности артиллерии. Единичные выстрелы слышатся решительно всюду...

Вооруженные солдаты ходят по улицам.

Наступает вечер и быстро темнеет...

Я возвращаюсь от товарища, живущего в Даевом переулке, так близко от меня, что я слишком часто забегаю к нему с винтовкой, чтобы информировать его о происходящем.

И притом у него так спокойно...

Я клал винтовку на стол, читал Скитальца и на время забывал об юнкерах и телефонной башне.

На лестнице попадаются мне товарищи, идущие на караул. Винтовки их стучат по лестнице.

В казармах мрачно, среди сосредоточенных и серьезных лиц несколько неуместно мелькают две-три веселые физиономии из числа бравирующих перед будущим.

Нам объявили, что рота разбита на очереди и каждая очередь будет вызываться в определенное время на ответственные ночные посты.

Я попадаю в очередь, которая должна итти на смену в 2 часа ночи... Мне становится грустно...

Ложатся, не раздеваясь... Заряженные винтовки кладут около себя...

Разговаривают вполголоса... Кто-то смеется... Набожные крестятся..

Я пробую заснуть, но это довольно трудно. Сквозь двойные рамы долетают беспорядочные залпы с Сухаревки. На Лубянке сосредоточенно строчат пулеметы.

В два часа ночи кто то негромко будит меня. Вижу, вокруг меня все молча обуваются и надевают шинели. Трусливый и глуповатый Ромочка (Романов) не хочет найти своих сапог... Он не хочет итти... Все возмущаются. Некоторые нерешительно останавливаются, но их стыдят и, за исключением одного Романова, все выходят, на ходу щелкая затворами винтовок. Молча бегут по бесконечным железным лестницам и бесшумно смешиваются на дворе с ожидающими кучками других рот.

„Какой роты?..“

„Первой“...

„А где же остальные?..“

„Вот тут четвертая и девятая, а остальные еще не выходят“...

„Почему?.. Трусят?..“

„Наверно, сейчас выйдут... Наша рота всегда первая выходит!.. у нас дружно!..“

Некоторые идут звать оставшихся товарищей: они жалеют, что не остались сами..

Растянутой цепью мы тянемся по пустынной улице к телефонной башне—цитадели юнкеров. Морозно... Стрельба так же ожесточенна, как и днем...

Мы подходим к сероватому зданию почтамта, но говорят, что надо идти дальше... Идем дальше... Когда мы выходили из казармы, я был в цепи одним из последних, теперь я второй. Впереди меня шагает Иванов, мой длинный товарищ, любящий Гамсуна и Скитальца, но только не винтовку.

Он вопросительно оглядывается на меня и глаза его серьезно смотрят из-под очков.

„Пойдем ли мы дальше?.. Нас осталось так мало“, спрашивает он.

Но показывается еще несколько отставших товарищей и с ними кто-то вооруженный револьвером... Он уверенно показывает нам дорогу... Мы идем обходной улицей в засаду к Милютинскому переулку.

Проходим через дворы темными проходами в засаду.

Очутились в каком-то здании с маленькими комнатами. При мигающих огнях лампы я различаю сонные усталые лица борцов в серых шинелях.

Я вхожу в одну комнату. Здесь несколько женщин. Они поют чаем измученных революционеров, засевших в доме. Они обадривают нас...

Нам тоже дают чаю и по большой белой булке.

Наскоро выпив чай и машинально поедая хлеб, мы расходимся по комнатам засады. Я с Ивановым попадаю в небольшую комнату с двумя окнами, изрешетенными пулями... В ней совершенно темно... Светлеют только окна...

Мы садимся под окном, стараясь рассмотреть, что находится перед домом засады.

Постепенно это удается. Прямо перед нами узкий Милютинский переулок и виднеются контуры церкви.

В разных местах там вспыхивают огоньки. Наши успешно отвечают на выстрелы...

Разглядели, что перед самыми нашими окнами на мостовой лежит труп убитого юнкера.

Положение наше незавидное. Подняться нельзя, так как пули довольно часто перелетают через окно: оно все ими пробито.

Мы, молча, тревожно прислушиваемся к усиливающейся перестрелке. Заработал под окном дома наш пулемет.

Послышался звук небольшого колокола. Где он?.. Неприятен звук его в такой атмосфере. Он висит над нашим окном, и пули, изредка попадая в него, вызывают похоронные звуки.

Мы долго сидим молча...

Но постепенно мы свыкаемся с нашим положением. Я оглядываюсь и убеждаюсь, что мы сидим в парикмахерской под зеркалом. Около моей головы полочка с пузырьками, пудрой, баночками и принадлежностями для бритья. В темноте смутно вырисовываются стол, диван, шкаф и какие-то саквояжи.

Мне кажется наше положение даже интересным. Я пробую шутить и ищу на полочке одеколона. Но флаконы все пустые, и с большим трудом я нахожу один совершенно полный.

Я доволен — и моментально опрокидываю его себе на шинель.

«Слушай, ты бензин пролил», — говорил вполголоса Иванов.

«Бензин... Чорт побери.. я же хотел надушиться"...

Действительно бензин... Мне становится смешно...

Но звук колокола над головой настраивает меня

на другой лад... Выберемся ли мы отсюда живые?... Почему не сдаются подлые юнкера?...

Входят подозрительные люди с винтовками и начинают обшаривать комнату. Они роются в шкапу, столах, забирают серебряные вещи и многое другое.

Иванов толкает меня. Мы видим, что это мародеры и хотим расправиться с пришельцами, но их трое, и они вооружены лучше нас...

И все-таки Иванов мужественно об'ясняет им, что мы не позволим здесь грабить... «Мы будем стрелять», предупреждает он. Они оправдываются и скрываются...

Мы долго сидим молча и слышим беспрерывную трескотню ружейных выстрелов. Время медленно идет...

Вдруг страшный удар оглушает меня и только спустя некоторое время я узнаю, что жив и замечаю Иванова, который, кажется, тоже сомневается в своем существовании. Весь пол около нас, и мы сами сплошь покрыты штукатуркой. Мы долго удивленно смотрим друг на друга.

Это из бомбомета с церкви загрели в угол нашего окна.

«Чуть-чуть»...

«Да, чуть чуть»...

Мы вполголоса обсуждаем степень миновавшей опасности...

Но, что это еще?... Слышатся испуганные возгласы, хлопанье дверей... Бегут по коридорам... И повышающееся, как звук сирены, гуденье, непонятное и какое-то неизбежное режет ухо.

«Бронированный автомобиль!... Нас окружают!»... испуганно говорит кто-то.

«Все к окнам!», кричит вольноопределяющийся с револьвером, и лицо его нервно подергивается... «Нас не могут окружить!.. Мы их сами окружили!.. Я застрелю того, кто побежит!»...

Мы ждем. Непонятный звук становится все выше и выше и превращается в одну сверлящую ноту... Раздается беспорядочный залп выстрелов. Беспрерывно заработал наш пулемет.

Новый страшный удар оглушил нас; разорвалась вторая бомба в том же углу нашего окна...

Броневик проехал.

Мы отряхиваем с себя известь...

Через некоторое время он проехал обратно, и я успел рассмотреть его темную массу, промелькнувшую мимо нашего окна.

Как мы узнали после, он привез патронов юнкерам, засевшим в телефонной башне, и увез с собой часть их...

Медленно рассветало... Я постепенно увидел весь хаос комнаты, в которой мы сидели. На полу были разбросаны платье, картонки, саквояжи, валялись простреленные патроны, и все это было обсыпано известью штукатурки...

Наша очередь уже кончилась. Но как выбраться отсюда?

Ожидаем подкрепленья, но оно не приходит.

Кто-то пошел за ним...

Чтобы выбраться отсюда, надо перебежать узенький переулок, который усердно обстреливался юнкерами из пулеметов с колокольни церкви.

Но ждать мне показалось еще неприятнее, и я решил попробовать позвать подкрепленье. Со мной пошли два солдата нашей роты.

Мы попробовали пройти окружным путем через

какой-то дом, но испуганные обыватели не могли дать нам указаний, как это сделать. Большинство дверей было крепко заперто и забаррикадировано изнутри.

Домовая охрана давала нелепые и испуганные ответы на наши вопросы и соглашалась со всеми нашими предположениями. Ничего не добившись, мы решили произвести перебежку по узкому переулку. Выбрав момент, когда прекратилось таканье пулеметов, я быстро перебежал переулок и с удовольствием ощупал себя. Цел...

За мной перебежал один из товарищей, а другой полез где-то далеко по каменной стене и значительно позднее пришел окружным путем.

Мы весело шагали к почтамту. Было совершенно светло.

Дорогой мы встретили смену из нашего полка и человек 70 красногвардейцев.

Все они были в рабочих костюмах и винтовки воинственно торчали у них за плечами. Много среди них было почти мальчиков.. Мы объяснили им положение дел, и они бегом побежали в засаду...

Мне долго еще не пришлось попасть в казармы. В почтамте я долго наколачивал патроны в пулеметные ленты, и только часов в 12-ть я попал в «Великан»...

Леонид Четыркин.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр
Н. Овсянников. Вместо предисловия	5
Я. Норов. Накануне	11
Федотов. „Двинцы"	18
М. Ольминский. Ход событий	30
Г. Ломов. В дни бури и натиска	38
Ариаднин. Первые выстрелы	45
Ем. Ярославский. Как пролилась кровь	48
Н. Муралов. Октябрь—ноябрь	54
В. Соловьев. В Совете и районах	59
А. Аросев. Как было	69
Е. Ли. В Военно-Революционном Комитете	83
Виктор. В дни борьбы	88
О. Берзин. Как и почему я сдал Кремль	94
И. Носков. Кремлевский расстрел	99
И. Степанов. Как Москва пришла к октябрьским дням	102
Р. Фельдман. Страничка из деятельности военно-технического бюро	113
Анютин. Городской район в октябрьские дни	119
М. Буравцев. Пять дней в плену	123
Бежикин-Шальнов. В плену	145
Анютин. Последние дни Городской Думы	147
К. Яовицкий. Правые социалисты и октябрьская революция	154
В. Г. А Усиевич	158
Е. Л. Г. А. Усиевич в Военно-Революционном Комитете	160
И. Владимиров. В доме вблизи Совета	163
Самсонов. В октябре	170
П. Виноградская. Трагический момент	174
Леонид Четыркин. Октябрьские дни в Москве	183

ОТДЕЛ ПЕЧАТИ МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. и К. Д.

ПОДОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Тверская, 66. Телеф. 2-47-17.

СПИСОК ИЗДАНИЙ.

I. Серия биографий и характеристик революционеров, писателей, художников, музыкантов и т. д. под названием: „Кому пролетариат ставит памятники". Со снимками с памятников или с портретами.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

1. *В. Либкнехт.* Роберт Оуэн. Ц. 60 к.
2. *Владимир Фирсов.* Стенька Разин—вольный атаман. Ц. 1 р.
3. *В. Фриче.* Эмиль Верхарн. Ц. 50 к.
4. *Р.—А.* Лудвиг-ван-Бетховен. Ц. 60 к.
5. *Эрес.* Михаил Александрович Врубель. Ц. 1 р. 20 к.
6. *Е. Ярославский.* Н. Г. Чернышевский. Ц. 60 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ и В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ПОСТУПЯТ В ПРОДАЖУ:

7. *Ю. Стеклов.* Степан Халтурин.
8. *Ю. Стеклов.* Карл Маркс — учитель народов.
9. *Сокол.* Марк Юний Брут.
10. *И. А. Белоусов* Т. Г. Шевченко.
11. *В. Фриче.* Э. Золя.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ:

12. *Дволайцкий.* Энгельс.
13. *Е. Ярославский.* Бланки
14. *Батурин.* Бебель.
15. *Новицкий.* Бабеф.
16. *Лукин.* Робеспьер.
17. *Новицкий.* Гарибальди
18. *Ю. Стеклов.* Бакунин.
19. *К. Левин.* Пестель и Рылеев
20. *К. Левин.* А. И. Герцен.
21. *Орлов.* Желябов.
22. *Орлов.* София Перовская.
23. *Катаиян* Каляев
24. *Ольминский,* Салтыков-Щедрин.
25. *Гиммельфарб,* Михайловский.
26. *В. Фриче,* Байрон.
27. *В. Фриче,* Виктор Гюго.
28. *В. Фриче* Ибсен.

29. *Эрес*, Кипренский и Козловский.
30. *В. В. Покровский*, Кольцов и Никитин.
31. *Стеклов*, Чернышевский.
32. *Фельдман*, Жорес.
33. *Л. Култашева*, Мусоргский.
34 *Вышеславцев*, Сезанн.
35 *Вышеславцев*. Суриков.
36. *Глаесберг*, Шопен.
37. *Бергман*, Новиков.
38. *И. Степанов*, Марат.
39. *Равич*, Добролюбов.

Кроме того, намечены к печатанию биографии и характеристики: *Л. Толстого, Лассаля, Спартака, Т. Гракха, Дантона, Болотникова, Каракозова, Плеханова, Лаврова, Некрасова, Г. Успенского, Сковороды, Руссо, Вольтера, Рублева, Иванова, Достоевского, Добролюбова, Радищева, Алексеева, Скрябина, Римского-Корсакова, Казакова, Шопена, Мочалова. Комиссаржевской, Менделеева, Гейне* и *др*. Всего будет издано до 80 книжек.

2. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА.

СЕРИЯ 1-я: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МИРА.

ПЕЧАТАЮТСЯ.

1. К. *Малинин*, Происхождение и развитие земли.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ.

2. К. *А. Тимирязев*, Происхождение и развитие нравственного чувства.

СЕРИЯ 2-я: РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ.

1. *Иевлиев*, Происхождение креста. Ц. 60 к.

3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ПЕЧАТАЕТСЯ.

1. *Каутский*, и др. Предшественники социализма, пер. Базарова и Степанова, пересм. по 2-у нем. изд. Степановым, 3 тома.
2. К *Маркс*, и *Ф. Энгельс*, Святой Макс, Критика Штирнера. Перев. и предисловие Гимельфарба.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ.

3. *Экштейн*, Марксизм в практике. Пер. с нем. Гимельфарба. С предисл. Ю. Каменева.

4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

1. *А. Богданов и И. Степанов*, Политическая экономия т. 1, 10 р.
2. *Р. Люксембург*, Накопление капитала Пер. Дволайцкого (под. к печ).
3. *Гильфердинг*, Финансовый капитал. 4 е изд Пер. И. Степанова (под к печ.).

5. БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛЬНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ.

Намечено к печати ряд отдельных монографий, посвященных социальным мыслителям от Платона до наших дней. Каждая монография будет не менее 5 печ. листов и снабжена портретом.

ПЕЧАТАЕТСЯ.

1. *Б. Волгин*, Революционный Коммунист. XVIII в. Жан Мелье.

6 БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛЬНЫХ РОМАНОВ.

Под ред. *В. Фриче и Гимельфарба.* В эту библиотеку войдут сочинения *Валлеса, Бучелье, Гесна, Морелья, Рони, Декова* и др.

7. РАЗНЫЕ ИЗДАНИЯ.

1. *Ленин*, Речи и статьи 1917-18 г. г. (под. к печ.).
2. *А. Тома*, История второй империи: Ж. Жорес. Франко-прусская война. Пер. Ю. Стеклова (печ.).
3. *К. А. Тимирязев*, Наука и демократия. Сборник статей 1904—1917 г. г. (печ.).
4. Москва в октябре 1917 года. Сборник (печ.).
5. Декабрьское восстание в Москве 1905 года. Сборник (печ.).
6. На заре рабочего движения в Москве. Сборник (печ.).
7. *Ю. Каменев*, История партии коммунистов в России (печ.).
8. *В. Фриче*, Социальная литература и социальное искусство XIX—XX в.в. Курс лекций, чит. в Социальной Академии в 3 вып. (подг. к печ.).
9. *Бебель*, Мемуары, т. III 6 руб.
10. *Юзефович-Шпинак*, Социальное юношеское движение за границей и в России 1 р. 25 к.
11. *Аннекштейн*, История рабочего движения в Англии, Франции и Германии 3 руб. 50 коп.
12. Памяти *К. Маркса*. Сборник вып. 1, 1 р. 50 к. Вып. 2, 4 руб.
13. *Блонский*, Школа и рабочий класс 60 коп.

8. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *А. Чехов*, Дом с мезонином 65 коп.
2. *Тургенев*, Бежин луг 65 коп.
3. *Тургенев*, Однодворец Овсяников 65 коп.
4. *Кобзарь*, Т. Г. Шевченко, пер. И. Белоусова (со включ. запрещ. стих.).
5. *А. Франс*, Восстание ангелов. Пер. В. Брюсова (с включ. запрещ. стих.).
6. *Серафимович*, Рассказы. 2 руб.
7. *Серафимович*, Впечатления. 60 коп.

Кому Начальникам боевых участков
1917 г. 29 окт. 18 час. 30 мин.
№ ...2 Место отправления ...
С кем отправлено ... 908 18 11/VI 1403 11/XII

Приказываю немедленно прекратить стрельбу. Противная сторона гудает одновременно таковой же приказ. Предоставляем ... наблюдать за немедленным ...

... за сим установлением нейтральной зоны. К 19 часам в центре должна быть прекращена всякая стрельба безусловно и категорически. Всем начальникам лично ... за этим.

Командующий войсками
Полковник Рябцев

Приказ Рябцева о прекращении стрельбы

908 18 11/VI 1403 11/XII

ДОГОВОРЪ

между Военно-Революцоннымъ Комитетомъ и Комитетомъ Общественной Безопаснсоти, 2 Ноября с.г., 5 ч. в.

I. Комитетъ Общественной Безопасности прекращаетъ свое существованіе.

2. Бѣлая гвардія возвращаетъ оружіе и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенномъ ихъ званію оружіи. Въ Юнкерскихъ Училищахъ сохраняется лишь то оружіе, которое необходимо для обученія. Все остальное оружіе юнкерами возвращается. Военно-Революціонный Комитетъ гарантируетъ всѣмъ свободу и неприкосновенность личности.

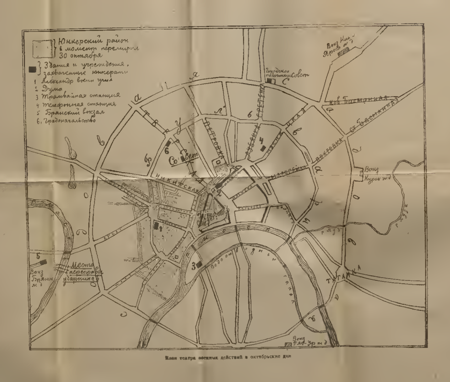
3. Для разрѣшенія вопроса о способахъ осуществленія разоруженія, о коемъ говорится въ п. 2. организуется комиссія изъ представителей Военно-Революціоннаго Комитета, представителей командного состава и представителей организацій, принимавшихъ участіе въ посредничествѣ.

4. Съ момента подписи мирнаго договора обѣ стороны немедленно отдаютъ приказъ о прекращеніи всякой стрѣльбы и всякихъ военныхъ дѣйствій съ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ къ неуклонному исполненію этого приказа на мѣстахъ.

5. По подписаніи соглашенія всѣ плѣнные обѣихъ сторонъ немедленно освобождаются.

Председатель Военно-Революционного Комитета } В. Смирнов, П. Смидович

Договор, заключенный между Военно-Революционным Комитетом и Комитетом Общественной безопасности 2 ноября 1917 г.



План театра военных действий в октябрьские дни